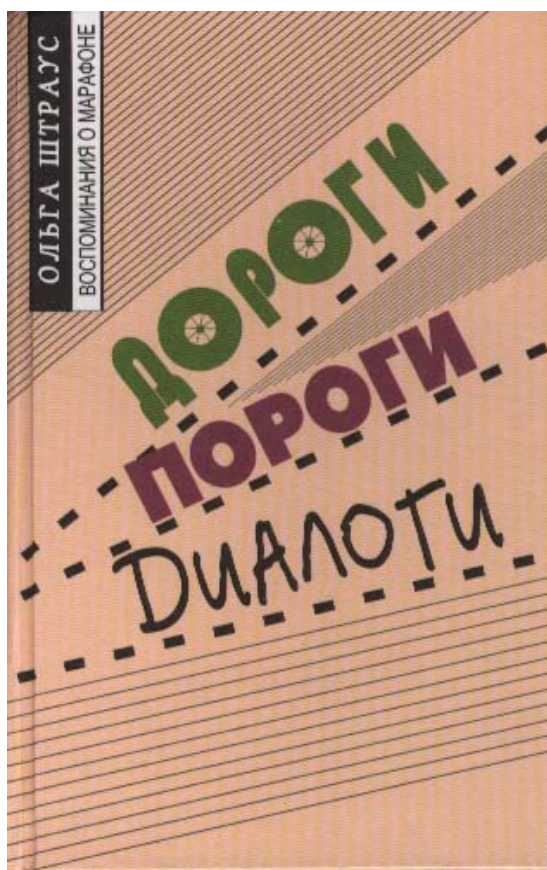

Штраус О. Л. Дороги. Пороги. Диалоги: Воспоминания о марафоне. Не только воспоминания. И не только о марафоне. – Пермь: РИЦ «Здравствуй», 1999. – 224 с.

Летом 1998 года через двенадцать городов и районов Прикамья прошел 900-километровый маршрут марафона инвалидов-колясочников. Марафон был задуман и проведен правлением Пермской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов.

Журналистка газеты "Звезда" Ольга Штраус пережила свое пребывание в группе сопровождения марафона как глубоко личное событие. Близкое общение с членами команды, встречи с инвалидами на местах, участие в обсуждении их проблем заставили ее "удивиться, порой ужаснуться, испугаться, растрогаться до слез, а главное – восхититься". Дороги марафона помогли ей осознать, что мир здоровых людей и мир тех, чьи физические возможности ограничены, един, и отношения надо строить на сердечном диалоге, на взаимном желании понять друг друга и помочь слабому. Обо всем этом – книга "Дороги. Пороги. Диалоги".

СОДЕРЖАНИЕ

ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ... (ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ).....	3
С СИЛЬНЫМИ НА РАВНЫХ.....	5
Перед стартом	5
Хроника марафона. «Гладкой дороги!»	7
Портрет марафонца. Людмила Трубникова.....	8
У нас другие скорости.....	12
«КРУГЛЫЕ СТОЛЫ», ДА ОСТРЫЕ УГЛЫ	13
Заноза в сердце. Коляска на обочине	17
Портрет марафонца. Юра Гладких	17
Хроника марафона. Центр Альберта.....	19
ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ ПРОФЕССИЯ ДЛЯ ИНВАЛИДА.....	21
Валид Баталов	21
Володя Попович.....	21
Михаил Азанов	22
Елена Габаева	24
Вениамин Любчик.....	25
Василий Каменских	25
Портрет марафонца. Зоя Тюфякова	27
ДВИЖЕНИЕ — ЭТО ЖИЗНЬ	32
Портрет марафонца. Вечер с Гришей Вотиновым	34

ПРО «НЕПРИЛИЧНОЕ», НО ВПОЛНЕ ОБЫЧНОЕ	39
«Болит? Не болит?»	40
Березниковские сюрпризы	41
Портрет марафонца. Вечер с Андреем Загородских.....	42
НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЕЦ	45
Волонтеры – значит добровольцы	46
Коляска против велосипеда	48
"Ах, нет! Я этого не вынесу..."	49
Университеты	50
В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПРАЗДНИКАМ	52
«А может, сменить угол зрения?».....	54
Портрет марафонца. Вечер с Володей Механошином.....	55
НУ КАК НА СВЕТЕ БЕЗ ЛЮБВИ ПРОЖИТЬ?	60
Анна Митрошина	60
МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ ПЛАКАТЬ И СМЕЯТЬСЯ, ИЛИ ВСЕ НА СВЕТЕ ОТНОСИТЕЛЬНО	64
Человек – не остров	66
Портрет марафонца. Вечер с Верой Чугайновой.....	67
ДЕТСКАЯ КОМНАТА	70
«Фамилия у нас такая...»	73
«Пускай в твоей библиотеке всегда будет новая книга».....	75
«Главное – я живу»	75
ЗДРАСТЬЕ, ВЛАСТИ, ИЛИ ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?	79
Наш мир един	81

ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ... (ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ)

Эта история случилась со мной много лет назад. В те незапамятные времена, когда по нашим улицам ходили только здоровые люди, а обсуждать проблемы больных, увечных или инвалидов вслух было не принято. Когда "импорт" доставали "по благу". Да и касалось это преимущественно одежды-обуви. Ну, еще мебели там или косметики. Про зарубежные сласти — печенье, конфеты, а тем паче мороженое — и слыхом не слыхивали.

Ах, мороженое! Оно считалось главным сезонным лакомством, продавалось, как правило, лишь летом. И потому, естественно, приравнивалось к "дефициту" (еще одно словечко из тех времен).

Так вот, в ту далекую сейчас уже эпоху ехала я как-то в автобусе. День был жаркий, августовский, томительный. Немолодая женщина на сиденье рядом вздыхала и охала, все пристраивая на коленях многочисленные авоськи, сумки, какие-то пакеты... Потом начала суетливо рыться в них.

— Валидол ишу, — пояснила мне, словно извиняясь. — Запропастился куда-то. А я сегодня вся избегалась...

Валидол, по счастью, у меня с собой был. Я протянула ей таблетку. И как-то неожиданно мы разговорились,

— Сыну меня инвалид, — жаловалась соседка. Собственно даже нет, не жаловалась — просто рассказывала, как рассказывала, видно, уже не в первый раз. — Двадцать восемь лет. Совсем не ходит. По квартире на коляске, а на улицу — куда ж я его спущу? Капризный стал. И понять-то его можно, это и здоровый человек одичает, запри-ка его в четырех стенах! А тут инвалид... Без моей помощи ни в туалет, ни на балкон, ни на кухню. Да еще и сердится. Я ему говорю: Славик, зачем ты меня обижаешь? Ведь случись что со мной — как ты жить-то будешь?" Надуется, отвернется к стенке. Неделю может со мной не разговаривать. Сегодня вот пошла по делам, он просит: "Мама, купи мне мороженку". А мне в собес надо было, в больницу, потом еще на почту... Да в "Гастрономе", вот тут, на углу, треску выбросили — час простояла. Не встретила мороженое, не было нигде.

Я ехала дальше. Точнее, должна была ехать. Но что-то в рассказе моей попутчицы, в этом привычно запыленном бабьем сетовании на судьбу, царапнуло душу, зацепило, защемило, заставило выйти вслед:

— Давайте я вам хоть сумки помогу донести.

Она обрадовалась. С искренним облегчением протянула мне свои авоськи. Не такие уж тяжелые, между прочим. Видно, и впрямь августовская жара довела ее до полуморочного состояния.

У квартиры на четвертом этаже стандартной хрущевской пятиэтажки мы расстались. Я вернулась на бульвар, дождалась своего автобуса... И когда через три остановки вышла на площади — обомлела: прямо передо мной тетка в грязном белом халате, распахнув свой лоток-холодильник, продавала вафельные стаканчики пломбира за девятнадцать копеек. Очереди не было.

Почти машинально я подошла к ней и купила две порции. Зачем? Отвезу им! Вот удивятся-то. Помню, что это решение, пришедшее внезапно, необыкновенно воодушевило меня. Я представила, как ворчливый Славик, обиженный на весь белый свет и свою судьбу, лежит, отвернувшись к стенке. Как ахнет, открыв мне двери, его мать. Как вскинется он, опершись на локти. Как, счастливые, они обнимут друг друга, и простят в очередной раз, и помирятся. Я чувствовала себя волшебником, сотворяющим чудо. Как просто, как легко, как дешево, оказывается, обходится нам этот процесс производства чудес! Всего-то — тридцать восемь копеек и минут пятнадцать личного времени...

Все получилось совсем не так, как я, умиленная собственной добродетелью, представляла.

Дверь на звонок открыли мгновенно. Моя автобусная знакомая стояла в прихожей, а на руках у нее висел — буквально висел, другого слова подобрать не могу — скрюченный, весь какой-то всклокоченный парень. Судя по всему, они направились в туалет.

— Скорей, мам, скорей! — не то стонал, не то приказывал он. — Ну что еще там?

А там... Там была я со своим мороженым. Наверное, они все-таки обрадовались. Наверное, потом, справившись со своими делами, мысленно благодарили меня... Но в тот момент, когда в распахнутую дверь я протянула два вафельных стаканчика, их лица не выражали ничего, кроме тревожного изумления.

Эта реакция, помню, меня обескуражила.

Впрочем, не менее обескураживающей была и реакция моих коллег, когда, придя на работу, я поделилась впечатлениями от этой встречи.

— Ты с ума сошла! — вскричал один. — Ты хоть представляешь, что натворила, добрая ты наша? Ты же подарила человеку надежду, которую не сможешь осуществить.

Я молчала, а мне приводили все новые и новые доводы:

— Ну вот скажи, ты что же сейчас каждый день будешь к нему приходить, как лучик света? Может, ты готова с ним подружиться? Читать книжки, рассказывать новости, беседовать по душам? Нет ведь? Нет!

Конечно, нет. У меня и в мыслях такого не было, когда я совершала свой благородный поступок. Это было движение души, рефлекторное, как чихание от соринки в носу, безотчетный порыв.

Но мой невинный жест, как это нередко случалось в те времена в нашей компании, послужил поводом для целой дискуссии. Вспомнили и библейские "благие намерения". И слова мудрого Лиса из сказки Экзюпери об ответственности за тех, кого приручили. И цвейговское "Нетерпение сердца"...

Впрочем, задумалась и я сама. Потому что простенькая история с мороженым показалась теперь не такой уж простенькой и проходной. Что есть сочувствие и зачем оно? И как должно проявляться? И только ли на сочувствии следует выстраивать отношения между больным и здоровым, сильным и слабым, могущим и ограниченным в возможностях? И каковы вообще должны быть эти отношения? В мире, социуме, в котором ты обитаешь, в твоей конкретной жизни, наконец?

Быть может, некая "виноватая" память о Славике (отчасти во всяком случае) и послужила причиной того, что я взялась за эти записки. То есть сначала за то, что им предшествовало.

С СИЛЬНЫМИ НА РАВНЫХ

Перед стартом

Приглашение принять участие в группе сопровождения марафона на инвалидных колясках было для меня неожиданным.

Нет-нет, до этого я, конечно, слышала о подобных соревнованиях. Видела по телевизору репортажи о паралимпийских играх, где спортсмены-инвалиды состязались в ловкости и выносливости не менее азартно, чем здоровые люди. Читала и об уникальных экспедициях, организованных известным путешественником Дмитрием Шпаро и московским клубом "Приключение", когда люди, прикованные к коляскам, совершали переходы и восхождения, не всякому здоровому доступные, то взбираясь на Эверест, то пересекая Аляску...

Впервые такую идею — пройти марафоном на инвалидных колясках всю Россию — Дмитрию Шпаро подсказал канадец Рик Хансен. Автомобильная катастрофа сразила Хансена в пятнадцать лет. Подросток-атлет стал инвалидом. Но уже тринадцать лет спустя, пишет в своей книге "Репетиция с аншлагом" Шпаро, он появился в России с ошеломляющей миссией. Объехав планету, Рик Хансен "намотал" на колеса своего кресла-коляски около пятнадцати тысяч километров. Тридцать четыре страны, два года странствий.

Было это в конце восьмидесятых. Дмитрий Шпаро к тому времени уже имел опыт общения с инвалидами: вместе с журналистом Владимиром Снегиревым он делал в газете "Комсомольская правда" страничку "Твой полюс", рассказывая о людях, жизненный путь которых освещен мечтой, целью, сверхзадачей — достичь своего полюса.

Перелистывая позднее выпуски "Твоего полюса", признается Дмитрий Шпаро, он поразился соотношению: на пять здоровых героев приходился один увечный. По всемирной статистике соотношение инвалидов и здоровых в обществе примерно один к десяти. В героической же рубрике оно было в два раза больше! И это при том, что редактор регулярно и старательно изгонял из рубрики "Твой полюс" больных и калек: "Нас не поймут — разве только инвалиды у нас герои?"

Это потом, много позже, как пишет Шпаро, к нему пришло понимание: чтобы стать учителем, музыкантом, фокусником, инженером, инвалиду и впрямь надо быть героем.

История Рика Хансена утвердила его в этой мысли. А главное — зародила идею устроить российский супермарафон людей в инвалидных колясках. Набрать команду смельчаков, готовых на своих двоих — простите, на своих руках, вращая ободья коляски, — пройти Россию от края и до края. Организация Объединенных Наций включила этот марафон в Программу десятилетия инвалидов и стала официальным патроном мероприятия.

11 апреля 1992 года трансроссийский супермарафон инвалидов на колясках стартовал во Владивостоке. За шесть месяцев трое мужественных парней, толкая руками колеса инвалидных колясок, прошли до Санкт-Петербурга.

Потом были и другие марафонские забеги. Можно сказать, этот спорт самых выносливых стал традиционным для инвалидов, и многие областные и городские организации Всероссийского общества инвалидов устраивают сейчас собственные марафоны — от однодневных, как Московский ежегодный, стартующий на Воробьевых горах, до трансреспубликанских, как, предположим, экологический марафон инвалидов-колясочников Семипалатинск — Челябинск — Чернобыль, состоявшийся в 1996 году.

Все эти марафоны ставят перед собой, как правило, одну цель — благородную, высокую, но единственную — заставить инвалидов поверить в свои силы, здоровым же — показать безграничные возможности человека, даже если он ограничен физическим недугом.

Красиво? Да. Необходимо? Конечно! И... узко.

— Узко, — сказала однажды себе, задумавшись над отдачей этих громких мероприятий, Вера Ивановна Шишкина, председатель Пермской областной организации ВОИ.

Марафоны, несомненно, привлекают общественное внимание. Но не слишком ли расточительно, размышляла она, тратить довольно значительные средства лишь на то, чтобы вновь и вновь доказывать очевидное? И только ли с инвалидами надо налаживать контакты и вести диалоги?

Из долгих размышлений, из бесед с коллегами, из где-то читанного, увиденного, услышанного и родилась идея пермского марафона. Марафона в своем роде уникального.

Сегодня, оглядываясь на совершенное, я думаю, правильнее было бы назвать его полузабытым словом "агитпробег". Потому что отнюдь не только (и даже не столько!) спортивные задачи ставил перед собой этот марафон, сколько — прежде всего! — задачи идеологические.

Какие же именно?

Во-первых, встречи с руководителями районных администраций, служб и ведомств, разговоры с ними за "круглым столом" о проблемах инвалидов.

Ведь множество (если не сказать большинство) чиновников на местах, ответственных за то, чтобы сделать хотя бы сносной жизнь людей с ограниченными возможностями, не готово — просто психологически не готово! — общаться с ними. Не из-за жестокости, а всего лишь потому, что не владеют достаточной информацией об инвалидах, их запросах и чаяниях, их потребностях и возможностях. По традиции решение всех инвалидных проблем полностью и безоговорочно отдается службам соцзащиты. А между тем новый закон о социальной защите инвалидов прямо адресуется и Министерству труда, и Министерству образования, и Министерству финансов, и Госспорткомитету. И это вполне резонно. Когда человек становится инвалидом, он теряет связи со средой, обеспечивающей его жизнедеятельность. Чтобы эти связи восстановить, необходимы усилия многих и многих ведомств.

Во-вторых, встречи с активистами городских и районных организаций Всероссийского общества инвалидов. Что греха таить, на местах эти ячейки зачастую воспринимаются и населением, и властями не всерьез. По ряду причин. И потому, что у нас принято скорее жалеть убогих, чем сотрудничать с ними. И в силу молодости самого инвалидного формирования (ведь ему только-только десять лет!). И — это тоже не секрет — подчас из-за недостаточной подготовленности, неуверенности в себе, малого авторитета. "Наш марафон должен стать для них глотком свежего воздуха", — решила Вера Ивановна.

Ну, а в-третьих, участники марафона должны были обследовать среду обитания инвалидов, как говорится, на собственной шкуре проверить, насколько она безбарьерна, насколько доступен инвалидам на костылях и колясках вход в общественные здания, клубы, школы, насколько проходимы улицы и тротуары. Ведь физические барьеры на пути людей в инвалидных колясках (все эти порожки, лестницы, бордюры, дороги, лишенные удобных съездов-пандусов) становятся непреодолимыми психологическими барьерами на пути к полноценной жизни.

По мысли организаторов марафона, снятые на видеокамеру самые отдаленные уголки нашей области (как, впрочем, и те, что на виду) должны были послужить пищей для предметного разговора на координационном совете при вице-губернаторе, а впоследствии лечь в основу целевой программы, облегчающей контакты, коммуникации, а значит, и саму участь инвалидов.

Вот такая "идеологическая начинка" должна была составить суть марафона.

Предполагалось, что он охватит 12 городов и районов Прикамья, Маршрут: Кунгур — Березовка — Лысьва — Чусовой — Горнозаводск — Гремячинск — Кизел — Губаха — Александровск — Березники — Соликамск — Добрянка. Протяженность маршрута — 900 километров, длительность — 15 дней. Часть пути инвалиды, участники марафо-

на, будут ехать в автобусе, но вход-выход из города и все передвижения внутри населенного пункта — только на колясках.

Таким образом, своими силами предполагалось преодолеть примерно треть маршрута.

Кандидатуры участников обсуждались долго и придирчиво. Учитывалось все.

Возраст. Марафонцы должны быть достаточно молоды, но достаточно зрелы, чтобы суметь от имени всей 180-тысячной армии людей с ограниченными возможностями, проживающих в Прикамье, заявить должностным лицам о своих бедах и проблемах.

Коммуникабельность и уживчивость. Людей с плохим характером в ответственное и рискованное дело, известно, лучше не брать. (Но где найти инвалидов с "неиспорченным" от долгой изоляции характером?)

Состояние здоровья. Вроде бы, ведя речь о человеке с серьезно декомпенсированной двигательной функцией, говорить о "состоянии здоровья" нелепо. Но при всех понятных ограничениях марафонцы должны быть достаточно сильны, чтобы выдержать и нелегкие физические нагрузки (проходить по 15–20 километров в день), и отрыв от дома, и проживание в разных, порой не слишком-то приспособленных условиях.

Интеллект, жизненная позиция. Команда марафонцев должна быть командой единомышленников, людей, объединенных не только общей бедой, но и общим взглядом на проблему, общим пониманием того, как ее, эту проблему, следует решать.

Забегая вперед, могу сказать, что наша команда отвечала всем требованиям, безукоризненно и ответственно выполнив поставленные задачи. 900-километровый маршрут преодолели: Владимир Механошин (г. Нытва), Андрей Загородский (с. Карагай), Людмила Трубникова (г. Пермь), Григорий Вотинов (г. Пермь), Зоя Тюфякова (г. Пермь), Юрий Гладких (с. Березовка) и Вера Чугайнова (г. Березники).

Для нормального жизнеобеспечения марафонцев была сформирована группа сопровождения. В нее вошли семь студентов-волонтеров, добровольцев из Пермского педагогического университета.

Кто еще?

Пресса — директор редакционно-издательского центра "Здравствуй" Галина Александровна Дубникова, журналист газеты для инвалидов "Здравствуй!" Андрей Теплоухов и я.

Водители двух легковых машин и одного автобуса "МАН".

Четыре офицера из подразделения ГИБДД (еще не привыкнув к новой аббревиатуре, все по-прежнему называли их "гаишниками"). Они обеспечивали нашу безопасность в ходе передвижения по шоссе.

И, конечно, руководство марафона: Вера Ивановна Шишкина, председатель Пермской областной общественной организации ВОИ, ее "правая рука" Зинаида Викторовна Быкова и ведущий специалист областного комитета соцзащиты Зоя Васильевна Трошина.

Хроника марафона. «Гладкой дороги!»

Тронулись! От драматического театра, где был дан старт, идем по улице Ленина до Комсомольского проспекта и дальше до Дворца культуры имени Свердлова. Июньское солнце палит нещадно. По правилам марафона рядом с каждым участником на дороге непременно находится сопровождающий. Тут же мысленно даю себе слово не садиться в машину, пока ребята катят самостоятельно. Но выдержать их темп не так-то просто. Несмотря на то, что Комсомольский проспект — это длинный тягун в гору, шагать рядом с колясками не получается. То и дело сбиваешься на трусцу. А то и на настоящий галоп.

Через три квартала дыхание уже сбивается. И это у меня, которая на ногах. А ведь ребятам приходится преодолевать это расстояние фактически "вручную".

Болельщиков, желающих приобщиться, пробежать рядом, — хоть отбавляй. Рядом со мной, например, трусит накачанный загорелый дядя в импортной пижонской майке, таких же шортах и красной повязке на лбу. На ходу знакомимся. Оказывается, Виктор Татаринов — фанат беговых марафонов. В юности был спортсменом-легкоатлетом, занимался горным туризмом. В одном из альпинистских восхождений получил травму — перелом пяточных костей. Дорогу в горы это обстоятельство Виктору Прокопьевичу перекрыло, но от спорта не отвратило. Несколько лет назад он познакомился с активистами из клуба любителей бега "Вита". И сейчас успел уже не раз "обогнуть экватор" (если мерить в километрах, которые он преодолел на марафонских дистанциях). Неоднократно участвовал в ветеранских чемпионатах Европы по марафонскому бегу — в Германии, Италии, Польше. И опять собирается... Виктор Прокопьевич обо всем этом рассказывал, а сам как бы невзначай, ненавязчиво подталкивал коляску то одного, то другого марафонца.

— Ну, а здесь-то? Сюда-то зачем? Что привело? Он улыбнулся моей непонятливости:

— Так ведь это... марафон же! Я по радио услышал — думаю, нельзя пропустить. Если уж не все девятьсот километров, то участок, который по Перми, пробегу с ребятами обязательно. Просто, чтобы поддержать...

Признаться, такой азарт и сочувствие болельщиков прямо-таки изумили. Но восхищаться долго было некогда. Собеседников на трассе в этом, самом первом, забеге мне хватало. Рядом с Виктором Татариновым вижу немолодого человека в коляске, с ампутированными выше колен ногами. Александр Иванович Кожевников, активист ВОИ. Отправиться в марафон не позволяет возраст, а проводить ребят, поболеть за них, пройти рядом хоть часть трассы — счел своим долгом.

У Дворца культуры имени Свердлова встречает целая делегация — активисты районных обществ с развернутыми плакатами. "Гладкой дороги!", "Гриша, крепись!", "До встречи на финише!" — это поусердствовали мотовилихинцы: именно в Мотовилихинском районе проживает Гриша Вотинов.

На листовках, приклеенных к стеклам автобуса, лозунги другие: "Инвалидам — жизнь без барьеров", "Инвалид — такой же человек, как и все", "Посмотрите на нас и подумайте".

Дорожная инспекция прижимает к бровке встречные машины. На обочине выстроилась уже целая демонстрация: рокеры, автолюбители, местные пацаны. Приветственно гудят клаксоны. В глазах водителей — у кого изумление, у кого улыбка, у кого-то восторг, а у кого-то ужас.

Подумалось: кроме лозунгов в поддержку инвалидов нам следовало растянуть еще один плакат — "Не лихачь!". Ведь многие из тех, кто сидит сейчас на колясках, получили травму вследствие дорожно-транспортного происшествия. Так что наша колонна — очень поучительное зрелище.

Прохожие, кажется, действительно задумываются, глядя на эту непривычную картину. Ну, а марафонцы, положив почин первому этапу своего пути, грузятся в автобус. Впереди Кунгур.

Портрет марафонца. Людмила Трубникова

Классную спортсменку-легкоатлетку, ее пригласили выступить на турслете. Заводская команда предприятия-гиганта, где Людмила Трубникова числилась освобожденным комсоргом цеха, непременно должна была выиграть. Ну как же! Завод гремел по всей стране своей уникальной продукцией, из года в год получал ордена и знамена, мог ли он допустить, чтобы заводская самодеятельность или спортивные успехи подкачали.

Короче, Людмилу включили в команду. Турслет — известное дело: ориентирование на местности, преодоление препятствий, переправа...

Эту переправу установили хитро. Альпинисты постарались — между двух скалистых уступов натянули канат. Внизу обрыв метров двадцать, а от уступа до уступа по прямой не больше десяти. Пристегнувшись карабинами, проскользнешь в момент, опытному спортсмену — плевое дело. Они и скользили, как бусинки по нитке. Один, другой, третий... Людмила все сделала правильно. И парень, который шел перед ней, тоже. Карабин, страховка, руки на канат, вниз не смотреть.

Они не учили только одного. Да, собственно, и не могли этого учесть: колышек, за который крепился канат, колышек, вбитый в меловую основу каменного уступа-известняка, все расшатывался, расшатывался, расшатывался...

Я не знаю, что чувствует человек, когда летит в каменную пропасть. Вероятно, не узнаю никогда: спросить об этом Людмилу у меня не повернулся язык.

Парень, который шел перед ней, разбился насмерть. Мгновенно. А Людмиле повезло, если можно назвать везением диагноз: черепно-мозговая травма, компрессионно-оскольчатый перелом позвоночника, повреждение внутренних органов, множественные переломы костей стоп.

В этот день — 5 июля — ей исполнилось двадцать лет. В августе она собиралась съездить со своим парнем на Кавказ, подняться по знаменитой Военно-Грузинской дороге. В сентябре они должны были пожениться.

Человеческую жизнь часто сравнивают с дорогой. С путем, извилистой тропинкой, ровным шоссе. Мне кажется, она больше походит на лестницу. Только освоишь, обживешь одну ступеньку — пора тянуться, перешагивать на другую. Не случайно переходным возрастом называют и три года, и семь, и тринадцать-четырнадцать... Но есть среди таких ступенек-переходов возраст воистину переломный, когда определяется все — профессия, призвание, любовь, а значит, и личное счастье, и материальное благополучие, и весь дальнейший рисунок судьбы. Это годы после восемнадцати.

Рухнув с той переправы, Людмила сломала не только череп и позвоночник. На осколки, вдребезги раскололась ее жизнь — и личное счастье, и материальное благополучие, и спортивная карьера. Переломный возраст... Каким зловещим, каким буквальным смыслом наполнилась эта метафора. Перелом судьбы.

— Леля, доченька, — причитала мама, сидя у ее койки в бесконечные больничные минуты, складывающиеся в часы, недели, месяцы. — Только бы головешка твоя зажила. Только б с головой-то все в порядке было! Неужели так без памяти и останешься?

Выплывая из наркотического забытья, Людмила не ощущала ничего, кроме острой боли. Кажется, болела каждая клеточка, и особенно — так мнилось — от груза, что растягивал тело в длину. Это было необходимо: осколки позвоночника вдавились, врезались в уцелевшие кости, травмировали спинной мозг.

Она еще не задумывалась о том, чем это может обернуться. Лишь бы голова-то уцелела, мама верно говорит, а уж там-то она выдюжит, оклемается, поставит себя на ноги.

Не поставит. Этот безоговорочный приговор врачей Людмила узнала не сразу. А когда ей разъяснили, когда поняла, наконец, в чем дело — впала в глубочайшую депрессию. Нет, она не устраивала никаких демонстраций — просто действительно вдруг расхотела есть, пить, разговаривать. Она не задавалась мучительными вопросами, вроде того: зачем ей теперь жить и кому она, калека, будет нужна? Просто лежала, отвернувшись к стене, а перед глазами проходили такие недавние, такие привычные картины.

Вот она в деревне, с девчонками-подружками направились на танцы. Мини-юбка, новые колготки.

— Ой, Милка, какие ножки у тебя красивые! — всплескивает руками соседка. — За одни ножки влюбиться можно!

Вот на лыжной тренировке в спортклубе.

— Ленишься, ленишься! — кричит тренер. — Отрабатывай технику! К твоим золотым ногам еще умение — чемпионкой мира станешь,

Не стала. Не станет. Вообще не станет никем, будет лежать вот тут колодой, обуза для всех, приспособление для переваривания пищи, не человек, а...

А дальше что? Мать с отцом живут в деревне, кроме Людмилы и двоих старших, уже оперившихся, у них на руках еще двое детей-подростков. Всем она обуза. Крах, конец, жить не имеет никакого смысла...

Однако покончить с собой оказалось делом вовсе не таким уж простым, как мыслилось. Узнав о ее попытке, мать сказала:

— Запомни, Леля: я не для того тебя рожала, растила да восемь месяцев в больнице выхаживала, чтоб хоронить. Если ты что над собой сделаешь — мне тоже не жить.

Ах, да что теперь вспоминать! Разве расскажешь, как из тягучей патоки отчаяния ее вытаскивали всем миром? То молоденькие медсестрички укладывали ее на каталку и в нарушение всех больничных правил увозили в свою "курилку" — поболтать, посмеяться, посплетничать о врачах и пациентах. То цирковой акробат, пациент из соседней мужской палаты, угодивший в больницу с вывихом шейного позвонка, учил:

— Тренируйся, постоянно тренируйся. Мысленно. Ты ведь помнишь все движения, которые делали твои ноги, когда бежала на рекорд. Посылай мысленные импульсы ногам, как будто вживую, наяву делаешь то же самое.

От этих мысленных тренировок она уставала едва ли не больше, чем от реальных.

И каким же было чудом, каким счастьем, когда кожа бедер, а после и голеней — кажется или впрямь? — вдруг ощутила покалывание докторской иглы.

— Буду ходить? Бегать? Все вернется?

— Ну, все не все, но вставать на ноги, судя по всему, со временем научишься.

Это было победой. Прежде всего над собой. Значит, не надо умирать. Значит, жить все-таки можно, жить стоит. Только вот как — жить?

С женихом Людмила к этому времени уже рассталась. Нет, он не бросил ее — хороший, добрый, любящий парень. Он примчался к ней в больницу на следующий же день после трагедии. Он навещал ее постоянно. Он уверял: "Мы все равно поженимся, я не брошу, какой бы ты ни была. Я ведь люблю". А она смотрела на него, такого загорелого, здорового, и вспоминала, как они ходили на танцы в заводской ДК. "Красивая пара", — говорили про них. Они любили танцевать вместе, у них хорошо получалось вдвоем. Ими любовались. И что сейчас? Сейчас будут смотреть с жалостью: "Красивый парень. Вот ведь, не бросил. Молодец. Не повезло ему. Да, но ведь не бросил. Трудно с калек. Видать, любит". Не надо ей такой благородной любви! Чтобы чувствовать себя всю жизнь благодетельствованной? Да и... кто готов поручиться, что хватит его любви на все ее обиды и капризы, на непомерно усложненный быт, на вечные горшки, костыли, операции и лекарства? На перспективу остаться без детей?

В общем, она добилась своего. Она гнала его от себя долго и упорно и наконец прогнала совсем.

На семейном совете решили: в деревню, к отцу и матери, Людмилу не отправлять. Остаться увечной, на коляске, в деревне — значит, уж точно похоронить себя в четырех стенах. Работы не найти. Учиться невозможно. А быт? Все удобства во дворе. А распутица весной-осенью? А заметенные снегом дороги зимой?

Завод выделил своей бывшей "красавице-спортсменке-комсомолке" комнатку в семейном общежитии. Вскоре в эту комнатку перебралась и ее старшая сестра, окончившая курсы бухгалтеров. Девушки стали жить вместе.

Старшая, Валентина, с утра уходила на работу, младшая оставалась дома. Готовила обед, убирала квартиру, стирала белье... А потом у Валентины родился Никитка — плод долгого, почти двухлетнего романа с одним иногородним женихом, который все не мог решить, брать ли ему в жены женщину с полупарализованной сестрой на руках.

В общем, когда появился Никитка, жизнь двух сестер и вовсе вошла в обыденную колею.

— Ты будто наш папа, деньги зарабатываешь, я — мама: ребенка нянчу, а Никитка — наш сын, — смеялась Людмила.

Он и правда в детстве нередко путался, а то и называл "мамой" сразу обеих. А когда пошли дети у других Людмилиных братьев-сестер, когда получили Людмила с Валентиной новую двухкомнатную квартиру, Лелино постоянное присутствие в доме и вовсе стало неоценимым преимуществом! Некуда ребенка пристроить на выходные? Как это? У нас же Леля есть! Надо найти управу на неслуха? Отправьте к Леле — она его живо вышколит. Она умела обращаться с подрастающими племянниками как никто. То ли вечная жажда общения, то ли нерастратченное материнство, то ли вот эта несуетность, неспешность — а куда бежать-то, на коляске? Далеко не убежишь! — как-то разом умиротворяла озорников и капризов. Леле выкладывали сердечные тайны. С ней делились сокровенными планами, обсуждали самые сложные отношения и мастерили модные прически. "Леля для нас — это все! — сказали мне две ее погодки-племянницы, когда однажды мы встретились у нее в гостях. — Главный человек в доме".

А вскоре выяснилось, что Леля незаменима еще и в качестве транспортного средства. Во всяком случае, в те небогатые времена она среди всех братьев-сестер оказалась единственной владелицей автомашины. Правда, крошечного "Запорожца" с ручным приводом, но — машины!

Рассказывая историю Людмилы Трубниковой, здесь можно было бы поставить точку. В самом деле, не худший поворот судьбы, не худший вариант.

Только... Только люди, знающие Люду ближе, согласятся: жить, растворившись в других, жить жизнью пусть близких, любимых — но все-таки иных людей, а не своей собственной — вариант не для нее. Слишком она для этого самобытна, самостоятельна, самолюбива.

Не бывает семей без конфликтов. И ссоры двух сестер — редкие, впрочем, и всегда заканчивающиеся примирительными слезами — сводились, как правило, к двум упрекам:

— Я из-за тебя судьбу не устроила (это старшая).

— Я всю жизнь провела у вас на кухне (младшая).

Последнее, впрочем, не слишком справедливо. Были, были в Лелиной жизни и поездки на курорт, и встречи с друзьями, и другие подобные радости, которые случаются у каждого — и больного, и здорового человека. Только до них, до этих радостей, надо было еще дойти, дорасти, дозреть. Пострадать. Как, впрочем, надо, наверное, и каждому из нас — больному ли, здоровому.

Впервые на курорте в городе Саки Людмила оказалась несколько лет спустя после травмы. Она ехала туда с единственной целью — лечиться! И упакованные в уродливые башмаки ее ноги, и стиснутые губы, и стянутые в тугую узел волосы — все твердило об одном: я девушка порядочная, мне всякие глупости без надобностей...

Соседки по палате ее поразили. Одна, лежа у окна, красила ресницы. Другая рассказывала о вчерашнем свидании с кавалером. Остальные бурно обсуждали животрепещущий вопрос: куда отправляться сегодня вечером — в кино или на танцы.

"Ненормальные какие-то, — неприязненно подумала Людмила. — А может, распутные?"

Это потом, много позже, она поймет, что ее соседки по палате были самыми что ни на есть нормальными и весьма добропорядочными девушками. Что умение жить, как все, несмотря на то, что судьба сталкивает тебя на обочину жизни, — это и есть важнейшее умение. И научиться ему не только можно, но и необходимо.

— Это всегда так бывает в Саках, — вспоминает теперь Людмила. — Сначала, один день, — слезотерапия, когда каждый вновь прибывший рассказывает свою историю, а все остальные дни — смехотерапия.

Девчонки научили Людмилу не раскисать от первых неудач на тренировках. "Знала бы ты, что испытывает взрослый человек, когда впервые вновь учится стоять вертикально! Кажется, хоть зубами за воздух, да уцепись — а не за что зацепиться".

Девчонки заставили ее вновь поверить в то, что она красавица, что способна не только нравиться — сводить с ума...

Здесь же, в Саках, в очередной приезд Людмила познакомилась со своим будущим мужем.

Ей было уже за тридцать. Анатолий — тоже не мальчик. Работал водителем, жил в Тамбове. Бравый, боевой, шустрый. Однажды летом, купаясь, неудачно нырнул. И вот... Позвоночник у Анатолия поврежден в верхнем, шейном отделе, поэтому у него нарушены функции и рук, и ног. Правда, степень повреждения не столь тяжелая, как у Людмилы. Ходит он без костылей и даже играет на гитаре. Песнями этими под гитару высокий стройный тамбовчанин ее и покори.

— Да нет, — смеется сейчас Людмила, — просто он был самый настырный из всех моих кавалеров.

Дома, в Тамбове, Анатолия ждала жена. Но, вернувшись на родину, он понял: жить без Людмилы не сможет. Хоть режьте его на куски. Такой вот получился "курортный роман"...

Впрочем, поженились они, понятно, не с бухты-барухты. Людмила долго думала и советовалась со своими, прежде чем решиться на столь смелый шаг.

Немало трудностей пришлось преодолеть и Анатолию. Но сейчас, спустя годы, нельзя не убедиться: все, что было сделано, было сделано и вовремя, и правильно, и хорошо.

Растет сын Андрюша. История его появления на свет заслуживает отдельного разговора. Заведующая женской консультацией, к которой Людмила пришла — простите, въехала на коляске — на прием, просто в неистовство пришла, узнав о ее намерении родить: "Да что это за безрассудство! Что это вы себе позволяете!"

Сейчас это "непозволительное безрассудство", появившееся на свет посредством кесарева сечения, служит для мамы и папы источником постоянной радости. И хлопот, конечно. А еще — ногами, руками, глазами. А еще — палочкой-выручалочкой, проводником и буфером при общении с внешним миром, все еще таким не оборудованным, неласковым для инвалида. "Сбегай, принеси, спроси, узнай", — это все поручения для Андрейки. И, честно говоря, справляется он с ними в свои пять лет просто блестяще.

Про таких женщин, как Людмила, говорят: "Прочно стоит на ногах". Я бы тоже про нее так сказала, если б это выражение в данном случае не звучало столь кощунственно. Хотя разве для того, чтобы прочно стоять на земле, обязательно иметь здоровые ноги? Тут ведь дело совсем в ином, правда?

У нас другие скорости...

Знаете, чем отличается инвалид от здорового человека? Скоростью. Я поняла это неожиданно, в одной из гостиниц. Вместе с моей соседкой по комнате мы высадились из машины.

— Ну ладно, пока ты на костылях поднимаешься, я кое-что в номере сделаю, ладно? — поулыбалась ей.

— Давай-давай, я иду, — ответила она. Жили мы на четвертом этаже. Она поднималась лифтом. Я успела по лестнице добежать до номера, распаковать вещи, обнаружив, что в кране наконец-то появилась горячая вода, простирнула кой-какие мелочи, развесила на балконе. И вышла ей навстречу. Мы столкнулись в пяти метрах от нашей двери в коридоре.

"Боже мой! — подумалось тогда. — Сколько сил и времени уходит у этих людей на то, чтобы выполнить вот такое элементарное. Сколько сил и тшания надо, чтобы держать себя в форме, выглядеть на равных с теми, для кого "простирнуть", "сбежать", "протереть" — мелочи, не заслуживающие обсуждения. Будничная, незамечаемая суета. Для нас то есть, здоровых. И как, должно быть, оскорбляет их дух эта суета, когда превращается она в большое, а то и непосильное дело".

«КРУГЛЫЕ СТОЛЫ», ДА ОСТРЫЕ УГЛЫ

В каждом городе марафонцы непременно проводили "круглый стол" с участием главы администрации города и других ответственных лиц. Накануне к таким встречам готовились обстоятельно. Очень уж не хотелось, чтобы разговоры эти сводились к жалобам убогих и просьбам о милосердии. Хотелось партнерского, равноправного диалога. Хотелось, чтобы чиновный люд увидел по другую сторону стола не жалких просителей, а толковых, талантливых людей, жаждущих самореализации. И не только жаждущих, но и предлагающих реальные пути к ее осуществлению.

Одна из главных тем всюду — безбарьерная среда. Вера Ивановна Шишкина заряжала команду на жесткий и всесторонне доказательный разговор.

В 1989 году в нашей стране утверждены новые СНИПы — строительные нормы и правила, согласно которым все вновь возводимые, а также реконструируемые здания должны сооружаться так, чтобы пользоваться ими мог любой инвалид: удобные въезды-пандусы, снабженные перилами, достаточно широкие проемы дверей, чтобы в них спокойно могла вписаться коляска, отсутствие порогов (или такое их устройство, чтобы они не оказывались непреодолимой преградой для человека на костылях или на коляске) и т. д.

По указу Президента и постановлениям Правительства, принятым в 1993–1994 годах, в новых домах (если высота их больше одного этажа) непременно должны быть подъемники. Обязательны пассажирские лифты в больницах, дворцах и домах культуры, в кинотеатрах и школах. Для зрелищных заведений нормой должно стать такое устройство зрительного зала, чтобы в него мог пробраться и колясочник. Разработаны специальные нормы разметки дорог, чтобы инвалид за рулем не мучился при парковке.

— Нам будут возражать, — настраивала марафонцев Шишкина, — мол, проекты многих возводимых сейчас зданий были утверждены еще до принятия СНИПов. Но это ничего не значит! Если администрация территории захочет, она сумеет найти управу на строителей. Достаточно ведь вписать это требование в архитектурно-планировочное задание и не принимать ни один объект, если оно не будет соблюдено. Можно, как это сделали в Перми, ввести систему штрафов за нарушение установленного требования, а собранные этими штрафами деньги аккумулировать на специальном счете, чтобы в дальнейшем пустить их опять же на обустройство безбарьерной среды обитания.

Марафонцы предполагали (и вполне справедливо!), что во многих местных органах архитектуры и градостроительства может просто не оказаться необходимых нормативно-методических документов. А потому везли с собой специальные альбомы функционально-габаритных схем, сборники "Жилая среда для инвалидов" с подробными чертежами и описанием того, как можно рационально перестроить наши подъезды, площадки, квартиры и присутственные места, чтобы стали они доступны каждому.

— Не поддавайтесь доводу "денег нет", — призывала свою команду Вера Ивановна. — Их всегда нет. Но, тем не менее, находятся же у банкиров-коммерсантов-предпринимателей средства, чтобы одевать в мрамор свои магазины и офисы.

"Мраморизация всей среды" стала сущим бедствием для инвалидов. Зимой, каковая длится в наших краях порою чуть не по полгода, взобраться на гладко отполированные мраморные пандусы или ступени не под силу не то что инвалиду, но и здоровому. Ка-тушка! Интересно, подсчитывал ли кто-нибудь, сколько травм и переломов привнесла с собой в нашу жизнь такая красота? Но это к слову.

Однако хотелось добиться от встреч, обсуждений, "круглых столов" не только практических результатов. Настрой везде на большее — на перестройку психологического климата, на перемену отношения общества к инвалиду и инвалида к собственной инвалидности. Долгое время понятие "инвалидность" трактовалось у нас однозначно. Инвалидность — значит, потеря трудоспособности. Стал инвалидом — значит, не смо-

жешь прокормить себя сам, ступай на иждивение государства, получай пенсию (какую и сколько — другой разговор, сейчас речь не об этом).

Сегодня изменилось само понятие "инвалидность". Оно трактуется шире: не как "потеря трудоспособности", а как "потеря жизненных возможностей".

Инвалиды хотят жить, как все, и отстаивают свое право на это желание. Ведь с нарушением одной лишь двигательной функции не отмирают прочие человеческие чувства и потребности, а быть может, они даже становятся острее. Человеку хочется любить и быть любимым (и это нормально). Человеку хочется попутешествовать, посмотреть мир (прекрасно). Человеку хочется реализовать себя в любимом деле, хочется быть успешным и признанным (что может быть замечательнее?). Наконец, ему просто хочется общаться с друзьями. Короче, жить полноценной, полнокровной жизнью.

— Вот почему, — подчеркивала Вера Ивановна на каждом из "круглых столов", — мы выступаем не за медицинскую, а за социальную модель реабилитации инвалидов. Иными словами, человека надо адаптировать к жизни таким, каков он есть, а не нацеливать на бесконечное лечение, бесконечное преодоление недуга, который все равно не может быть преодолен. Ведь сколько судеб сломалось на этом преодолении!

В одной из книг, выпущенной издательством "Здравствуй", московский инвалид-колясочник с солидным стажем Лев Индолев советует "начинающим" собратьям по несчастью: не ждите, пока государство созреет до того, что обустроит вам окружающую среду по вашему вкусу. Не один десяток (а то и сотню!) лет прождете. Надо самому учиться справляться со всеми этими неудобствами. В своей книге Л. Индолев приводит, например, приемы управления колясками активного типа, чтобы самому, без посторонней помощи преодолевать бордюры, некоторые пороги и даже лестницы.¹

У Веры Ивановны Шишкиной взгляд на эту проблему несколько иной. Точнее, не то чтобы иной, а как бы с другой стороны.

— Обучение инвалидов умело пользоваться колясками активного типа — дело, безусловно, полезное, — считает она. — И мы в Пермской области проводили даже специальный обучающий семинар на эту тему. Но нельзя взваливать на свои плечи все то, что не сделало, не доделало для инвалидов государство. Во-первых, потому что оно все-таки обязано это сделать. Во-вторых, потому что плечи у нас не настолько прочные. Приемами, которые рекомендует Индолев, могут овладеть только спинальники, то есть люди с достаточно сильными руками. Как же быть остальным? Ну, а в-третьих, когда колясочник видит, что в обществе к его проблемам относятся всерьез, не отмахиваясь, он и сам охотнее делает шаг навстречу, предпринимает что-то и сам для изменения своей участи. Ведь поддержка вдохновляет.

И это действительно так. Во всяком случае, в ходе разговоров за каждым "круглым столом" это отчетливо почувствовалось.

Они не походили одна на другую, эти встречи с местными властями. Кое-где к визиту марафонцев отнеслись как к политическому мероприятию, звонкими речами и самоотчетами попытавшись укрыться от делового разговора. Но в большинстве случаев все же он состоялся.

Листаю странички своего блокнота, и в памяти оживают фрагменты этих бесед, звучат голоса ребят-марафонцев, снова и снова рассказывающих свои истории, всплывают лица представителей власти: сначала — уверенные, потом — растерянные, потом — явно пытающиеся что-то уяснить для себя, просветлевшие, как у людей, сделавших личное, персональное открытие.

В ЧУСОВОМ запомнилось выступление инвалида-спинальника Наиля Галимова, получившего производственную травму на металлургическом заводе:

¹ Индолев Л. Н. Тем, кто в коляске и рядом с ними. — Пермь: РИЦ «Здравствуй», 1995.

— Мне предприятие должно оплачивать лечение. Я на свои деньги покупаю лекарства или приношу чеки, а мне говорят: у тебя, мол, тут лекарства "от желудка", "от легких", а у тебя ведь болен-то позвоночник, что ж мы не свой профиль будем оплачивать?

И как горько смеялся, слушая эти слова, главврач местной больницы Василий Эдмундович Муравский. Как, весь подобравшись, слушал он выступления марафонцев. А когда обсуждение подошло к концу, вдруг неожиданно сказал:

— Вот мы все тело лечим, о теле беспокоимся, а может, и впрямь, вернее было бы о душе позаботиться?

— Не надо показухи, — просили марафонцы местных организаторов. — Ну пожалуйста, не в массовости же дело...

Однако ЛЫСЬВА устроила нам пышный прием. Собрали всех, кто, по мысли хозяев, имеет отношение к инвалидам. Для массовости привели детей из специализированной вспомогательной школы-интерната. В фойе Дворца культуры буквально яблоку негде было упасть — набилось человек триста. Заготовленные приветственные речи, вручение подарков, концерт аж часа на полтора.

Кто-то от духоты упал в обморок. Кого-то срочно пришлось эвакуировать на свежий воздух...

"Круглый стол" решили провести прямо в доме отдыха "Сокол", где нас разместили. На заместителя главы городской администрации надели майку и кепку с символикой марафона — подарок, который наши колясочники вручали представителям власти в каждом пункте. Мелочи, пустяки, милая шуточка? Может быть. Но одновременно и знак: ты наш, мы с тобой в одной команде, в одной связке, на одном пути одного общего марафона.

И вновь звучали конкретные примеры того, что можно было сделать, но — увы! — далеко не всегда делается для облегчения жизни инвалидов. Не снабжены пандусами, поручнями входы на почту, в аптеку, в больницу. "Новый русский" строит кафе, но СНИПы не выполняет.

Депутат городской Думы перечисляет льготы для инвалидов, существующие в Лысьве. Скидки на коммунальные услуги, на лекарства. Льготные — по сниженному тарифу — цены на некоторые маршруты пригородных автобусов, курсирующих между Лысьвой и мичуринскими участками.

— Правда, — перебивает он сам себя, — эти льготные автобусы ходят всего три раза в сутки. Туда и здоровому-то трудно втиснуться.

Ребята-марафонцы слушают его достаточно скептически. Наконец кто-то не выдерживает:

— Да не льготы нам нужны, поймите! Не отделение нас в резервацию — отдельные автобусы, отдельное жилье, отдельные детсады, школы... Нам, наоборот, нужны тропинки в ваш мир.

Об этом же, о резервации и интеграции, шел разговор за «круглым столом» в АЛЕКСАНДРОВСКЕ.

Именно в Александровске отчетливо прозвучала мысль, столь близкая сердцу каждого нашего марафонца: забота об инвалидах вовсе не означает создание для них каких-то особых условий жизни, особой теплой среды. Она предполагает обустройство нормальной, обычной жизни, чтобы в нее могли вписаться и инвалиды. И дело здесь не в одних пандусах. Дело в устранении не только физических, но и психологических барьеров.

В Александровске эта мысль обретает зримые черты. Вот уже много лет в детском саду № 7 здесь действует специальная группа для детей-инвалидов. Группа — специальная, но детский-то сад — обычный! И она вовсе не огорожена непроходимыми препонами, наоборот! На специальные тренажеры, в «сухой бассейн», созданные для больных детишек, время от времени приводят и здоровых. На прогулках здоровые дети нередко разбирают больных под свое покровительство: «А можно я покатаю Таню?».

Воспитатели, работающие здесь по системе Монтессори, всячески этому способствуют. Та же опека здоровых над больными продолжается и после прогулки: «А можно я помогу Тане раздеться? А в гости к вам можно прийти?».

Ясно, что после такого общения в детстве выросшие эти Тани и Пети не будут шарахаться друг от друга, не будут смотреть друг на друга опасливыми глазами, не зная, как подойти, чем помочь и стоит ли подходить вообще.

Кстати, на этом «круглом столе» нас познакомили с девочкой Наташей Черноусовой. В свое время она, инвалид с диагнозом ДЦП, посещала тот самый детсад № 7. Потом закончила среднюю школу. Обычную, заметьте, нормальную школу. Да закончила необычно — с серебряной медалью. Собирается поступать на экономический факультет². Работники управления образования с гордостью признались: из 212 детей-инвалидов, проживающих в городе, нет ни одного, кто не обучался бы в школе. Человек 70—75 обучаются на дому, остальные посещают массовую школу. Им создали для этого все условия.

БЕРЕЗОВКА. Можно поспорить, каким инвалидам, городским или сельским, живется легче. Хотя ответ вроде бы лежит на поверхности: городским, конечно. Там хоть тротуары есть, зимой дороги чистят. А в селе... Но по отношению к марафонцам и идеям, которые они несли, по степени внимания, по градусу сердечности — так бы я это назвала — сельские администрации, думаю, дадут сто очков вперед городским.

А может быть, просто сказывается интерес к необычному зрелищу? Избалованных всевозможными мероприятиями горожан вдохновить и удивить не так-то просто. Нет-нет, они, конечно, все необходимые по протоколу мероприятия выполняют, и на высшем уровне. Но вот чтобы сердце ворохнулось, чтобы действительно и всерьез душа заболела о тех, кто в коляске и рядом с ними...

В Березовке же мы почувствовали совершенно явственно: ворохнулось. Достаточно было увидеть машину, встречающую нас за околицей села, украшенную молодыми березовыми веточками с приветственным плакатом между ними... Достаточно было прочитать листовки, расклеенные по центральной площади у ДК: "Нас 530 человек, нам 5 лет, мы дали работу 8 человекам".

Скромные, конечно, достижения. И начальник Березовского отдела соцзащиты Галина Ильинична Ермолаева не пыталась пустить пыль в глаза. Да у нее бы это и не получилось. Во-первых, потому, что один из наших марафонцев — Юра Гладких — сам родом из Березовки. Во-вторых, на "круглый стол", который походил больше на вечер встречи, собрались березовские инвалиды, знающие свои проблемы как никто иной. И как никто иной понимающие: просьбами ничего не добьешься, надо пускать в ход какие-то иные рычаги. Какие?

Юра Гладких, например, убежден: судебные иски.

— Год назад, — говорил он, — был у нас разговор в ЖКО, чтобы сделали мне в доме пандус. Так и осталось разговором. Знакомые сколотили две доски, положили в подъезде, вот, выбираюсь по ним. А дороги зимой как чистят? Безобразие же!

Председатель местной организации общества инвалидов Александр Иванович Русинов убежден: противостоянием с властями толку не добьешься. Угрозы и ультиматумы — путь неконструктивный. Надо сотрудничать. Но как, как, скажите, сотрудничать, если любые попытки элементарных встреч обречены на провал? В здание администрации на второй этаж, где расположен Березовский комитет соцзащиты, инвалиду на коляске не забраться. Спуститься по нескольким ступенькам в помещение единственной в селе аптеки — проблема: поручней нет. Та же проблема — с больницей, судом, ОВД, то есть зданиями, где расположены эти заведения.

Впрочем, на встрече той местные власти отрапортовали: распоряжение уже дано, поручни, деревянные настилы будут сделаны.

² Ныне Наташа Черноусова — студентка-заочница Пермского технического университета.

Ну, что же. Пусть это совсем мелочь, пусть, как считают некоторые, галочка в отчете "по марафону". Но если эта галочка хоть чуть-чуть облегчит участь живущих здесь людей, значит, мы проделали весь этот путь не зря.

Заноза в сердце. Коляска на обочине

Наш автобус, украшенный плакатами, утверждающими, что "инвалид такой же человек, как и все", и призывающими "смотреть на него, как на равного", резво проносится по шоссе. Впереди милицейская машина, "Волга" областного правления...

А на обочине проселочной дороги, впадающей в скоростное шоссе, притулился какой-то ветхий мужичок на коляске.

— Тут, за отворотом, километров семь, деревня, — поясняет Юра.

Мы не сообразили сразу притормозить, остановиться, проскочили мимо. И лишь позже, готовясь к очередному "круглому столу", виновато переглядывались. Что это мы, ребята, так? Ведь это нас, наверное, ждал человек. Такой путь прошел. А мы — мимо...

Этот урок марафона, полученный нами на третий день пути, еще долго свербил душу, сидел в памяти, как заноза, как "зубная боль" в сердце.

Я не знаю фамилию того человека, но если он вдруг прочитает эти строки — пусть услышит: он не зря выехал в тот день на обочину. Одинокую фигурку на краю поля мы запомнили. И больше никогда уже не проскакивали мимо таких вот молчаливых "товарищей по несчастью", смиренно несущих свой крест.

Портрет марафонца. Юра Гладких

Свою жену Юра Гладких украл. Натурально, как джигит.

Праздновали Троицу. Наверное, в наших краях июньские вечера — лучшее, что смогла придумать природа. Ах, эти долгие нежные теплые сумерки, когда воздух, кажется, отдает тебе лучшее, что накопила солнечным днем земля. И юные листики на деревьях. И все лето впереди, как вся жизнь, полная праздничных ожиданий, обещаний, надежд...

Вот в такой-то вечерок на Троицу выбрался Юра Гладких погулять. Товарищ смайл. Чего, говорит, дома-то сидеть? Ты ведь на коляске? Ну и пойдем, я помогу в случае чего.

Ира Лепихина в Березовку приехала в гости к сестре. Маленькая, тоненькая, похожая на девочку-подростка, она вовсе не искала приключений на свою голову. Дома, в соседней деревне, остались муж и маленький сын. Но — запах трав, но — песни за окном, но — это обаяние сказочного вечера... Естественно, отправились на прогулку. Тут-то пути Юры и Ирины пересеклись.

Собственно, ничего особенного не случилось. Ну, столкнулись на улице две пары, кто-то кого-то узнал, кто-то с кем-то познакомился, поболтали, посмеялись, погуляли по улицам вместе.

А перед расставанием Юра вдруг предложил Ирине:

— Выходи за меня замуж, а?

Рассказ об истории их знакомства я слышала в двух исполнениях — от Ирины и от самого Юры. И всякий раз меня изумляла вот эта — как бы поточнее выразиться? — его почти детская нерассуждающая смелость. Надо быть очень непосредственным или очень уверенным в себе человеком, чтобы делать такие заявления. В первый день знакомства! Сидя на инвалидной коляске!

Ирина опешила:

— Вообще-то я замужем.

— А это ничего не значит. Разведешься.

Сам Юра к этому времени уже давно не жил с женой. Она ушла от него вскоре после того, как случилось несчастье, — такое нередко происходит у спинальников.

Написала эту фразу и подумала: как много все-таки держится в нашей жизни вот на этом хребте. На мужском хребте главы семьи. Хрустнул он, сломался, порвался — и рвется ткань привычной жизни. Женщине приходится делать жестокий выбор: либо героизм тихого самопожертвования, посвящение всей своей жизни уходу за больным, либо подлость предательства.

Она не была ни злодейкой, ни героиней, его жена. Но другого выбора Юрина травма ей не оставила.

...А через неделю Юра Гладких наведился к Ирине в гости. И вновь завел тот, так взволновавший ее разговор:

— Ну что, надумала замуж-то за меня идти?

Честно говоря, думала она об этом немало. Муж, в сущности, давно уже спился, и хотя был мужик с руками-ногами, но ставила она их мысленно рядом и понимала: нет, Юрка лучше.

Тоже, конечно, не подарок. Но где они, подарки-то? Вон те, что ли, что с утра у магазина толкуются? Заметив смятение в ее глазах, Юра развернулся и уехал. А на следующий день, ни слова не говоря, подогнал к Ириному дому грузовик (знакомый парень на нем шоферил), погрузил в машину нехитрый скарб и увез Ирину в Березовку обживать свою холостяцкую квартиру.

Эта квартира — то, что осталось Юре после развода от размена двухкомнатной. Двухкомнатную же он получил после травмы, как бы в компенсацию ущерба.

Вообще Юрина история когда-нибудь войдет, я уверена, в учебники по юридическим дисциплинам. Во всяком случае, в те из них, где исследуются проблемы возмещения ущерба. Действительно очень поучительная история.

Он отслужил в армии и, вернувшись домой, устроился трактористом в колхоз имени Мичурина. Успел проработать шестнадцать дней. На семнадцатый его послали вывозить комбикорм для животноводческого комплекса. Трактор закапризничал, не заводился.

— Давай прицепим его к автобусу, потаскаем для разогреву, — предложил Юре напарник. Подогнали автобус, прямо у входа в здание животноводческого корпуса принялись налаживать трос. Юра поскользнулся на обледеневшем пороге, схватился за дверь. А она, сорвавшись с петель, вдруг рухнула ему прямо на спину. Тяжелое деревянное полотно, окованное железом. Он едва успел прикрыть голову руками.

Дальше Юра помнит, как лежал на спине на этой злополучной двери, курил, глядел в небо. Ждали "скорую". Доярки, скотницы причитали вокруг:

— Ведь еще год назад говорили председателю на собрании: оборвется дверь-то! На честном слове ведь держится! Вот всю жизнь у нас так — пока кого-нибудь не придавит...

Придавило Юру. Ему шел тогда двадцать второй год. Он только что женился и родил сына.

Через полгода его вывели на инвалидность.

Через три Юре в руки попал юридический справочник "Жить, как все"³ о правах и льготах для инвалидов. Он понял, что приключившееся несчастье — на всю оставшуюся жизнь, то есть перспективы выздороветь, встать на ноги, понятно, нет, но это вовсе не значит, что он обречен прозябать в нищете на скромную пенсию инвалида I группы. У его инвалидности есть "авторы", есть виновные, есть с кого за нее спросить. И, значит, ему крупно повезло: ведь при ином раскладе с его нетрудоспособностью навсегда срифмовалась бы еще и нищета.

Он пошел в суд. "Где ж ты раньше был?" — удивились березовские правоведа, но иск все же приняли. И состоявшийся суд вынес решение: колхоз имени Мичурина обя-

³ Жить, как все. О правах и льготах для инвалидов: Юридический справочник. — Пермь: РИЦ "Здравствуй", 1994.

зан выплатить бытовой ущерб и восемь с половиной миллионов — за моральный. Кроме того, Юре причиталось с колхоза ежемесячное пособие — 150 рублей.

Цифры эти, для уха нынешнего читателя звучащие достаточно абстрактно, тогда, в 1996 году, в деревне произвели фурор. Знакомые Юрия разделились на два лагеря: кто-то восхищался его настырностью ("Молодец, сумел-таки пробить этих бюрократов. Ну, парень, теперь будешь безбедно жить!"). Кто-то завидовал. Кто-то возмущался. Особенно пожилые колхозники, отдавшие своему "имени Мичурина" не один десяток лет, уйму сил, здоровья и заработавшие лишь артриты, радикулиты, Почетные грамоты да скудные пенсии ("Это что ж выходит? Мы всю жизнь тут горбатились, а он неловко дверь свалил — и живи припеваючи?").

Особенно это глухое недовольство усилилось, когда спустя некоторое время Юра подал новый иск: из-за финансового дефицита положенные по первому суду деньги ему сразу не выплатили, набежала пеня.

Отношения, которые сложились у Юры с руководством хозяйства, начали напоминать отношения разведенных супругов, один из которых выплачивает алименты: каждая новая встреча для передачи денег того и гляди обернется перепалкой с припоминанием прежних обид.

— Приеду в правление на своей коляске, — рассказывал Юра, — еле-еле дотащусь по нашим-то дорогам. А там то нет никого, хотя в бухгалтерии отлично знают, когда я за деньгами должен являться, то, говорят, налички нет, с рабочими, мол, нечем расплачиваться... Это полторы сотни рублей найти — у них нет! Ну, постою-постою у крыльца да и поеду обратно. Один раз вот так же прикатил, а у правления мужики на крыльце стояли. Председатель подошел — они к нему. Ну, когда, мол, деньги-то, наконец, будут, елки-палки?! А он дверью хлопнул: "Че вы с меня просите? Вы вон у инвалида просите". Будто я это им колхоз разорил...

Обозленному председателю, конечно, можно посочувствовать: когда все хозяйства лежат на боку и не хватает средств на самое насущное, оплачивать втридорога свою прошлую халатность ужасно обидно. Но... Неужели не понимает этот дельный и неглупый человек, что поломанный позвоночник — поломанная жизнь человека? И компенсацию такого урона не оплатят никакие миллионы.

Найти работу инвалиду с таким диагнозом, как у Юры, в безработной Березовке — дело почти безнадежное. Жить с семьей на пенсию?

Вот почему, помыкавшись, пообивав пороги, получив очередную порцию обид, Юра вновь подал иск в суд. Иск принят.

Хроника марафона. Центр Альберта

Откровенно говоря, к городу Кунгуру Альберт Швейцер никакого отношения не имеет. Просто вот уже много лет врач железнодорожной больницы Виктория Васильевна Кулакова увлечена жизнью и человеческим подвигом этого великого гуманиста — философа, врача, музыковеда и теолога. Открыв в Кунгуре центр Альберта Швейцера, она попыталась найти единомышленников и устроить дело таким образом, чтобы нашелся здесь приют для сирых и убогих, нуждающихся во врачевании души и тела.

В центре проходят религиозные диспуты с представителями самых разных конфессий и художественные выставки. Здесь работает "малый органнй зал", где играет Баха сын Виктории Васильевны, Алексей Кулаков, и действует уникальный для города зал лечебных тренажеров. Короче, центр Альберта Швейцера — место, где собираются кунгурские чудики, этакий клуб "белых ворон". И каждая "белая ворона" обретает здесь свою "стаю"...

Меня поразила встреча с 76-летней Евдокией Никитичной Бартовой. Думаю, эта феноменальная женщина еще ждет исследования своих необычных способностей. Представьте себе худенькую, подвижную старушку, полуграмотную (всю жизнь про-

работала техничкой в больнице), которая сама — сама! — исходя из одной лишь собственной интуиции, разработала собственную систему оздоровления.

— У нее была тяжелейшая язвенная болезнь, — рассказала Виктория Васильевна. — Кроме того, левосторонний гемопарез после микроинсульта. Лично для меня как врача механизмы тех процессов, что произошли в ее организме, загадка. Но своим комплексом физических упражнений, разработанных, повторяю, совершенно самостоятельно, она добилась того, чего не смогли мы никакими лекарствами.

А бабулька между тем демонстрировала нам чудеса своей гимнастики, сотканной, казалось, из обрывков у-шу, приемов восточных единоборств, йоги, голотропного дыхания и дыхания по Бутейко... Да еще и комментировала при этом свои действия с забавной серьезностью:

— Заболит у меня голова или еще что — думаю: ну-ка, надо пуще упражнение-то сделать. Или нога подсекается, как ватная, я ее ледяной водой оболью и — шибче того! Не надо ей поддаваться, нервной системе.

Эти доморощенные сентенции, может быть, выглядели бы всего лишь забавными, если бы мы не наблюдали, каких акробатических вершин достигла своей интуитивной "гимнастикой" полуграмотная старушка. Ну вот одно из упражнений. Она садится на пол, прямые ноги плотно прижаты к ковру, туловище — тоже абсолютно прямое — держит под углом в 45° к ногам. Руки по швам. И в таком положении, отнюдь не напрягаясь, удерживается и пять, и десять, и двадцать минут. Это в 76-то лет!

Нет, поистине велик русский человек. Куда там йогам!..

ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ ПРОФЕССИЯ ДЛЯ ИНВАЛИДА

Валид Баталов

Валид сидел у дисплея, зажав карандаш в зубах. Этим карандашом нажимал на клавиши компьютера. На плечах — небрежно наброшенная джинсовая куртка. Сначала подумалось, пижонит парень, дурачится. Но, присмотревшись, поняла: рук у Валида нет. Вообще. По самые плечи.

В детстве, в пять лет, угораздило забраться в щитовую будку рядом с электростанцией. Ну, ту самую, где "не влезай, убьет". Валида не убило. Но электротравма лишила его обеих рук. Он воспитывался в специальных интернатах, потом понял, что без профессии обречен скитаться по интернатским приютам всю жизнь. Поступил в Кунгурский техникум, заканчивает его, собирается поступать в сельхозакадемию.

Себя Валид полностью обслуживает сам. И стирает, и готовит. У меня же все вертелся на языке один вопрос:

— Ну, а самое простое, прости, пуговицы на штанах застегнуть — это как же?

— Да вот так! — не смущаясь, показал он. Склонился, ухватил петлю языком... — Картошку только не могу чистить — в мундире приходится варить. Остальное мне все доступно. Я, между прочим, на сабантуе, в Башкирии, всегда первые места занимал в конкурсах — ну, знаете, где яйцо на ложке надо во рту принести. Или там яблоко сгрызть, которое на веревочке висит. Я даже по деревьям лазать могу. И писать тоже.

Отвлекаясь от своего компьютера, он развернул карандаш, зажатый в зубах, к моему блокноту и впрямь вывел каллиграфическим почерком "Баталов Валид".

Валид, заметьте. Не "ин-валид", а именно Валид. Зовут его так.

В Кунгурском техникуме-интернате для бухгалтеров ежегодно обучается около двухсот инвалидов из всех уголков России. Преимущественно, конечно, Урал, Поволжье, Сибирь. Специальность, которую получают здешние выпускники, — "экономика, бухгалтер и контроль".

Но вот ответить на вопрос, а куда потом трудоустроиться и как вообще устраиваются в жизни эти безрукие, безногие бухгалтеры и экономисты, директор техникума затруднился.

У нас, разбредшихся по интернатскому городку, техникум оставил невеселое впечатление. Похоже, за шестьдесят лет его существования тут ничего не обновлялось. Поросли травой деревянные мосты-тротуары, узенькие лестницы с выщербленными ступеньками — по таким не то что на костылях, на здоровых ногах нелегко подняться. Однако есть в техникуме замечательный компьютерный класс. Здесь мы и познакомились с Валидом Баталовым.

Володя Попович

А в Горнозаводске запомнился двадцатидвухлетний Володя Попович. Молодой человек с глубочайшей неврологической патологией, он не может ходить, у него фактически отсутствует речь. Но сохранен интеллект! И руки. Ах, какие роскошные изделия в технике макраме делает этот Володя! Как тонко, чисто работает, с каким тщанием изобретает узоры. Недаром Володино творчество — предмет законной гордости всех горнозаводчан. На всевозможных областных конкурсах его работы не раз занимали первые места. Подумалось, если среди всего многообразия творческого самовыражения Бог оставил ему только вот это, только умение плести узоры, согласитесь, это уже немало. Если ТАК плести.

А может быть, не мы инвалидам, а они нам, здоровым, способны дать (или объяснить) что-то такое, чего сами мы понять (или получить) не умеем?

Когда-то я размышляла над этим в одной газетной статье. Впрочем, вот она, та публикация.

Михаил Азанов

ГОЛОВА МИХАИЛА АЗАНОВА

"Звезда", 29 июня 1996 года

"Ну, Азанов... Азанов — это голова!" — говорили мне о нем общие знакомые. Тогда я еще не понимала, до какой степени буквально могут звучать эти слова.

Представьте себе хорошее, интеллигентное лицо много думающего человека. Высокий лоб, по-мужски крупные черты. Умные глаза насмешливо поблескивают за стеклами очков... А всего остального — нет. Ну, или почти нет, настолько несоизмеримыми кажутся приставленное к этой голове крохотное тельце, пухлые детские ручки с коротенькими пальчиками...

Наверное, после встречи с таким вот недугом Александр Беляев написал свой знаменитый роман "Голова профессора Доуэля". Помню, как я рыдала в детстве над этой книгой. Трагическая история интеллекта, ставшего заложником физической немощи. История души, заполнившей неподвижное, полуживое тело.

Ну, а как в реальной жизни живет персонажу, словно бы сошедшему со страниц фантастического романа?

Школа. Читать он научился в два года. Сам. Старшая сестренка вырезала из бумаги буквы, прикрепляла к настенному ковру — будто школа. И доигралась: обложенный подушками маленький Миша, неподвижно сидевший в уголке дивана, выучил азбуку раньше, чем она.

Школу Азанов закончил с отличием. Чуть было не написала — с медалью. И это было бы верно, но медаль Михаил получать не стал. Перед выпускными экзаменами позвонил в ректорат университета, поинтересовался: смогут ли его, инвалида I группы, зачислить на мехмат? Математикой он в ту пору прямо-таки бредил.

"А на сессии приезжать сможете? — услышал в ответ. — Нет? Тогда, извините, ничего не выйдет".

Значит, и медаль ему, посчитал, ни к чему.

Азанов вообще, судя по всему, человек практичный, что не мешает ему, впрочем, увлекаться до самозабвения. То математикой. То философией. То живописью. Не поступив в вуз, Михаил добился права стать полноправным читателем университетской библиотеки и проштудировал всю (!) имеющуюся там литературу по высшей математике.

Потом переключился на "Горьковку". Сегодня он, без сомнения, один из самых старых ее читателей (его формуляр значится под номером 14). И один из самых активных. А если добавить сюда горы журналов — от научно-популярных до сугубо специальных (в лучшие времена Азаны выписывали на дом по 25—30 наименований периодики), то, пожалуй, подтвердится, что разностороннее и образованнее Михаила Азанова человека в Перми нет.

Дело. "Ну и что? — спросит прагматичный скептик-читатель. — Даже если это и так, какой прок нам, живущим рядом, от его напичканного знаниями ума? Ведь ни передать этот багаж следующим поколениям, ни воплотить его в некое новое качество он все равно не сможет".

Ах, прошу вас, не спешите с заключениями! Потому что судьба Михаила Азанова — это не просто издевка природы, испытывающей человеческий характер на прочность. Это еще и назидание всем нам, здоровым, сильным и подвижным. Его судьба — это подарок, прямо-таки царский подарок человечеству, погрязшему в собственном благополучии.

...Свое первое изобретение — то, что превратило его детскую коляску в самоходную тачанку, — Михаил придумал в двенадцать лет. Надо же было как-то утверждаться в компании уличных пацанов!

Потом были новые чертежи, новые остроумные находки на тему "Транспортные средства, обеспечивающие подвижность инвалиду".

Были — не одно! — авторские свидетельства, полученные из Государственного комитета по изобретениям, подтверждающие и новизну, и остроумие решений.

Увы! Все эти свидетельства, патенты, чертежи пылятся сейчас без употребления. О внедренческих мытарствах Михаила Азанова можно написать целый роман. В нем нашлось бы место и истории про кооператив, который на заре перестройки надумал организовать Михаил Иванович со товарищи и который, как водится, благополучно лопнул, задушенный налогами. Отдельную главу этого романа можно было бы посвятить прямо-таки детективной эпопее о выездном заседании комиссии Госкомизобретения на квартире Азановых... Но к чему ворошить это прошлое? Историями про изобретателей-неудачников, годами бьющихся — не над изобретениями, нет! — над внедрением их в производство, и без того полна российская литература. Да и журналистика.

И все же последняя идея Михаила Азанова не дает мне покоя. Представьте себе двигатель, по выражению Азанова, "простой, как кастрюля", работающий на любом виде топлива (кроме электричества). Экономичный, экологически чистый, способный стать "энергетической установкой", таким вторым телесным "Я" для любого беспомощного человека. Впрочем, с меньшим успехом его можно было бы использовать и в наземном транспорте для здоровых, в садово-огородной технике, в медицине — скажем, для создания искусственного сердца. Наш организм ведь тоже машина тепловая.

Увы! Опять увы... Для того чтобы создать такой двигатель, нужны мощные денежные вливания, нужна серьезная производственная база. А главное, нужно стремление не к быстрой наживе — к техническому совершенству.

— Если б вы видели, сколько у меня за последние годы гостей перебивало... Тучи! — Михаил Иванович улыбается своей чуть виноватой улыбкой. — Но я, знаете, партнер-то уж больно капризный. Мне надо, чтобы все юридически четко было оформлено. А когда меценаты спешат в чертежи из-за твоего плеча заглянуть — я таким не доверяю.

Обжигался. Знает.

Мама. — Когда он родился, я думала: под поезд брошусь! Вместе с ним и брошусь, решила. Только мысль о старшей дочери и спасла... А когда домой от переезда шла (мы тогда в деревне жили), вдруг подумала: а ведь Миша мой великим человеком будет. Ну не может природа все у человека отнять, ничего не дав взамен. Не может, правда?

Мама Михаила, Александра Михайловна, кажется, понимает сына с полуслова. И, несмотря на это, за сорок с лишним лет общения у них не иссякли темы для долгих бесед и жарких диспутов.

Меньше всего квартира Азановых напоминает дом, где поселилось долгое несчастье.

"Сидячий проходимец" — так называет себя сам Михаил за неистребимую страсть к авантюрам — перенял у мамы-хохотушки и чувство юмора, и чувство слова.

— Книгу вот начали сейчас писать, — рассказывают Азановы. — Общими усилиями и пишем...

Книга автобиографическая: охватывает период от маминых двух лет (именно с такого возраста помнит себя Александра Михайловна) до сыновних сорока пяти.

— Это лучшее время в сутках — когда все дела переделаем и садимся за компьютер, книгу набирать.

Компьютер Михаил Азанов заработал себе сам — выполнял заказ для фирмы, где работает его младший брат. Сейчас он уже в этом деле ас: занимается компьютерной графикой, может сам составлять программы.

Вслед за Михаилом овладела компьютерной грамотой и Александра Михайловна.

— Ой, да мы с ним везде вместе! Когда кооператив открывали, я школу бухгалтеров закончила. В шестьдесят восемь лет на курсы водителей записалась. Сейчас вот мечтаю еще английский выучить. Правнук мой — у дочки уже внук шестилетний — ведь учит же!

А иллюстрировать "книгу жизни" будет сам Михаил. Ко всем своим талантам он еще и рисует.

— Думаю, именно рисование и есть то, для чего я был рожден, — в ответ на мое недоумение Михаил улыбается по-своему застенчиво.

Перебираю, рассматриваю его живопись, карандашные наброски. Да, это действительно художественные работы. Поражает сочетание четкого, отточенного рисунка и фантазийной буйности красок. Впрочем, удаются ему и шаржи, карикатуры, где гротеск соседствует с абсолютной ясностью линии.

Подумалось: а не этот ли сплав безудержной романтической фантазии и беспощадно трезвого расчета является и неперенным условием изобретательского дара?

— Я в детстве все хотел способ найти до реки добраться — чтоб самому, в одиночку, по воде на лодке сплавиться. Ужасно хотелось мне попутешествовать. Одному, чтобы никому не в обузу.

По-моему, он работает все двадцать четыре часа в сутки. Его изощренный мозг продуцирует изобретения, способные если не осчастливить человечество, то найти способ решения тысяч и тысяч проблем. Нет, он не обуза. Он — подарок, принесенный в этот мир, чтобы сделать его еще совершеннее. И как странно, как дико, как чудовищно, что мы не спешим воспользоваться этим даром...

Было у этой публикации и довольно радужное продолжение. Редакция газеты "Звезда" и благотворительный фонд "Благовест" решили взять Михаила Азанова под свой патронаж. Через несколько дней после публикации в его квартире был установлен модем, позволяющий включить его компьютер в систему электронной связи. А года два спустя (между прочим, вскоре после окончания марафона) мы получили от Азанова послание через Интернет. Начиналось оно так:

"Вы, наверное, давно меня забыли, а я вас, редакцию, не забыл! Вы даже не знаете, какую роль сыграла ваша помощь в моей судьбе.

Модем "Звезды" помог мне в свое время найти разового заказчика на мою графику. На гонорар я купил более мощный модем и нахально влез в Интернет с целью облазить все графические сайты мира, посетить все картинные галереи и вывести все новинки двигателестроения..."

Елена Габаева

Есть такие лица — заметные в любой толпе. И дело не в том, что как-то по-особому красивы, а вот пленяют — и все...

У Леночки Габаевой именно такое лицо. В Соликамске, на площади перед началом праздника в нашу честь, мы ее сразу заметили.

— Вон девушку видели, на коляске? — заволновались волонтеры. — К нам ее надо, в команду, давайте позовем.

Марафонцы тут же согласились:

— Ага, по глазам видно — наш человек. Не глаза — глазищи! Откуда только такая взялась в Соликамске? По всем статьям ей бы числиться восточной красавицей.

— Угадали! — смеется. — Беженцы мы с мамой из Тбилиси. Но здесь десять лет уже живем.

Она с детства росла болезненной — порок сердца. В двенадцать лет врачи предложили сделать операцию. Семья, конечно, согласилась — это давало бойкой девочке

шанс стать полноценным, здоровым человеком, вести столь любимый ею подвижный образ жизни.

Знать бы, чем обернется эта операция... А впрочем, может, и вправду, лучше не знать своей судьбы заранее?

Нет-нет, операция на сердце прошла успешно. А вот наркоз... Проводниковая анестезия, которую использовали при операции, "подарила" Леночке это страшное последствие: ноги у нее перестали действовать. Совсем. Они и сейчас, при Леночкиной вполне развитой фигуре, остались ножками двенадцатилетней девочки. Ни ходить, ни стоять на них Леночка не может. Вот так.

— Вот так, — говорит она нам и улыбается белозубо, встряхивая волосами.

Она рассказывает, что после средней школы подала документы в Санкт-Петербургскую заочную школу практической психологии. Закончила ее, получила сертификат практического психолога. Тема дипломной работы — "Помощь людям при стрессах". Не знаю, чему уж обучили ее питерские психологи, но уверена в одном: любому соликамцу при стрессе полезно было бы просто так пообщаться с Леночкой Габаевой. Пережить то, что пережила она, и остаться при этом милой, нежной, удивительно обаятельной, излучающей какой-то особый веселый уют — это, знаете, надо уметь!

Увы, найти работу по специальности в Боровске или Соликамске психолог Габаева не может.

— Обещали в библиотеке, что по соседству с домом, выделить мне комнату, ремонт там сделать. Но что-то вот застопорилось пока...

Позже, на "круглом столе" в Соликамске, мы поднимали вопрос и об этом⁴.

Вениамин Любчик

В Гремячинске шел проливной дождь. А вот разговор за "круглым столом" получился очень содержательным и интересным. И тон ему задали местные инвалиды. Один из них — Вениамин Евгеньевич Любчик. Да-да, тот самый знаменитый Любчик, боевой, "зубастый" журналист, которому не помешало стать таковым серьезное увечье: много лет Вениамин Евгеньевич фактически слеп, а рук у него с детства нет обеих.

Серьезные физические недостатки не помешали ему (а может, наоборот, помогли?) изобрести свыше двух десятков всевозможных бытовых приспособлений. Он умеет сам бриться, полностью обслуживает себя, может приготовить обед. Специальный наплечник с молоточком позволяет ему лихо управляться с клавишами пишущей машинки — печатает Вениамин Евгеньевич со скоростью 70 знаков в минуту.

Журнал "Русский инвалид" печатал статью В. Е. Любчика под весьма выразительным названием "Мои железки меня переживут". Там, кроме всего прочего, давались и чертежи, и описания его изобретений...

Василий Каменских

А я слушала Вениамина Евгеньевича и вспоминала еще одну свою журналистскую встречу. Участник Великой Отечественной войны Василий Константинович Каменских живет в деревне Вдовино Карагайского района. Эти люди не знают друг друга, но как близки они не только по духу, — по способам выхода из безвыходной ситуации. А раз так — то, может, пришла уже пора говорить не только о некоем человеческом уникаме, а об изобретенной ими технологии выживания? Технологии, могущей пригодиться для всех. Впрочем, перечитаем ту статью о Каменских.

НОВАЯ МЕЛЬНИЦА КРУТИТСЯ-ВЕРТИТСЯ

"Звезда", 25 сентября 1997 года

⁴ Вопрос решен. Е. Габаева работает психологом в Боровске.

Дон Кихот из Ламанчи с ветряными мельницами, как известно, воевал. Василий Константинович Каменских из деревни Вдовино предпочитает дружить.

Но если бы великий Сервантес узнал о нем, то несомненно вновь взялся бы за перо. И роман про уральского мастера был бы не менее гениален. Дело в том, что непривычный для Урала этот ветряной агрегат (единственный, наверное, на весь Карагайский район) Василий Константинович Каменских изготовил по своим чертежам и проектам совершенно самостоятельно. Чуть было не написала "собственноручно", но это было бы неверно. Потому что рук у Василия Константиновича нет.

— На фронте оторвало, под Кенигсбергом. Я пулеметчиком служил. Только-только после первого ранения в свою часть вернулся. То у меня легкое было, можно сказать, царапина. А здесь наступление. Ну, засели мы с пулеметом в одном из зданий... И вдруг как рванет! Я смотрю: мать честная, это же моя рука, оторванная, валяется. Осколки в подбородок, в другую руку попали...

Четыре операции перенес Василий Каменских за полтора года. И остался вот таким, как есть: левой руки нет по самое плечо, правой — чуть ниже локтя.

— Эвакуировали на Урал. Профессор Борис Васильевич Парин, золотой был человек, меня лечил. Все хотел добиться, чтобы я оставшейся культей владел не хуже руки...

А ведь получилось! Две кости на правой — как два пальца, растущие от локтя. Ими Василий Константинович и действует.

В конце 40-х судьба у искалеченных войной молодых людей, в общем-то, была одинакова. Или возвращайся домой, к родным и близким, или доживай век в доме инвалидов.

— А я из Смоленска. В шестнадцать лет на фронт ушел. Да так и потерялся. Искал после войны своих, писал всюду. Никого не нашел.

Так Василий Константинович оказался в Карагайском районе, в Рождественском доме-интернате. Юная Алевтина Ивановна работала здесь секретарем.

— Это не я на нее, она на меня глаз положила! — смеется он сейчас, покусывая седеющий ус.

— Ой, и чего мелешь-то! — всплескивает руками Алевтина Ивановна. — Не слушайте вы его! Пятьдесят лет вместе прожили, а он все как мальчишка. Как скажет чего-нибудь...

Троих детей вырастили Каменских. Младшая, Люба, рассказывала:

— В детстве я как-то даже не осознавала, что у папы рук нет. Он все умел, все мог. Дом наш, например, в котором все мы выросли, сам построил.

В селе, известное дело, забот по хозяйству всегда хватает. И скотину Каменских всегда держали и держат (а это значит бесконечные покосы), и парового отопления в избе нет (дрова надо заготавливать), и огород... У Василия Константиновича на каждый инструмент свои приспособления. И с косой, топором, пилой, лопатой он управляется, пожалуй, ловчей иного здорового. Да что там говорить, если довольно продолжительное время он еще и часовым мастером подрабатывал! Все ходики-будильники, что есть в селе, перечинил.

Он ловит мой взгляд, скользнувший по пустому рукаву, усмехается:

— В любом деле не руки — голова важнее.

Дом у Каменских стоит на высоком угоре. До деревенского колодца ходить далеко, свой копать — до воды не доберешься. А под угором бьет ключик. Только подняться от этого ключика к дому тоже не просто, всю воду расплещешь. И Василий Константинович придумал. Наладил нечто вроде канатной дороги. Туда, к воде, ведро бежит само, обратно подтягиваешь его обыкновенным воротом... Было это несколько лет назад. Сейчас-то здесь и вовсе все усовершенствовано. Не так давно прорыл Василий Константинович канаву к своему родничку, проложил трубы, установил насос. В общем, сработал настоящий водопровод.

А мельница?

Мельница была мечтой. В ней сошлись детские воспоминания о чудесных ветряках (на Смоленщине такие — привычная картина, как поутру дымок над избами) и вздохи жены: "Опять комбикорм на исходе. Надо зерно везти молотъ — две бутылки за мешок отдай".

Он долго чего-то мараковал у верстака под навесом, бродил по двору, сопя и на-свистывая. Алевтина Ивановна с расспросами не лезла: знала, пока конструкторский замысел не созреет, приставать к мужу бесполезно.

Потом несколько дней он бродил с топориком по лесу. Наконец, вернулся счастли-вый: "Нашел!".

Ту березу, чуть не метр в поперечине, они свалили вдвоем с соседом. Из могучего ствола Василий Константинович выточил два массивных цилиндра — жернова. А дальше все просто. Один установлен неподвижно внутри короба, к другому через сис-тему ременных передач подведен гигантский пропеллер, установленный на специаль-ной мачте над крышей амбара. Отпусти с тормозов — загудит, закрутится, зашуршит, стекая в специальное отверстие, истертое в порошок зерно... Ветры над угором, где стоит дом Каменских, дуют буйные. Не хуже, чем на родной его Смоленщине...

Уже собираясь уходить, я обратила внимание: на запястье Алевтины Ивановны, на-труженном, крестьянском, надета бисерная "фенечка" — узкий самодельный брасле-тик, современные подростки дарят такие друг другу на счастье.

— Внуки! — засмеялась она. — Шестеро их у нас да две правнучки. Все лето здесь гостили. Надели вот, велели носить. "Не снимай, бабушка, — говорят, — это вам с де-душкой счастье принесет".

Я не стала расспрашивать, принесло ли. Почему-то и так было очевидно: ну, ко-нечно, да.

Портрет марафонца. Зоя Тюфякова

Размышлениями и разговорами о работе для инвалидов, о путях самореализации людей с ограниченными возможностями был насыщен буквально весь маршрут мара-фона. Ободряли тех, кто упорно учится, обретая профессию. Обсуждали варианты тру-доустройства инвалидов с представителями властей и местных организаций ВОИ. Вос-хищались теми, кто нашел достойное применение своим способностям и талантам. За ним, как правило, стоял сильный характер... И многие марафонцы являли собою имен-но такой пример.

Если бы Зою Тюфякову увидел какой-нибудь иностранный режиссер, он пригласил бы ее сниматься в кино. Несмотря на изуродованные полиомиелитом ноги и "перекру-ченный" позвоночник.

Есть, есть в ее лице (в глазах? в душе? в характере?) что-то такое, что притягивает, пленяет, заставляет остановиться и всмотреться. Тонкий овал, почти прозрачная голу-боватая кожа, легкие светлые волосы, нос с чуть заметной горбинкой. И — внезапная улыбка, до того откровенно сияющая, что кажется, будто зубов у Зои не тридцать два, а раза в полтора больше. Феллини любил такие "неправильные", неожиданные лица. Но ни Барброй Стрэйзанд, ни Лайзой Миннелли Зое Тюфяковой стать не довелось.

Одна из сестер в многодетной семье, она родилась и выросла в Сиве.

— Удержу никакого со мной — до того бойка была в детстве, — рассказывала она. — Мама говорила, ходить я начала очень рано и куда только не забиралась в свои три года.

А потом случилось это несчастье: полиомиелит.

— И следующие три года я почти не помню. Лет шести только стала как-то снова себя осознавать. Люди в это время в дочки-матери играют, буквы учатся складывать. А я первые шаги делаю, ложку учусь держать. Как младенец, честное слово.

"Вытянутая" обратно с того света, бледненькая, тоненькая, как подснежник, она, тем не менее, вовсе не собиралась довольствоваться ролью всеми опекаемого нежного

росточка. В бойких шалостях деревенских ребятишек роль заводилы нередко доставалась ей. В школе училась блестяще. Выпускные экзамены за восьмой сдала на "отлично". И встала проблема: куда идти теперь? Она давно уже стала горожанкой — училась и жила в Перми, в специальной школе-интернате для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Старших классов здесь не было.

А она мечтала об истфаке университета. Она не очень четко представляла, чем занималась бы в качестве историка. Рылась в старинных книгах? Вела уроки в школе? Впрочем, теперь это уже и неважно.

— С твоим диагнозом в университет тебя не примут, — доложила родственница, отправленная на разведку.

И Зоя не стала добиваться иного ответа. В конце концов, может, это и верно — любимое занятие должно оставаться любимым, и негоже превращать его в профессию, в кусок хлеба.

...Много лет спустя после этого я разговаривала с директором школы-интерната для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

— Обидно, правда? — наседала я на нее. — Наверное, из Зои мог бы выйти неплохой учитель. Особенно для таких же детей, какой была она сама, да?

Вера Николаевна Зубарь, не один десяток лет отдавшая своему интернату, в оценках была осторожнее.

— Не знаю. Трудно судить. Дети-инвалиды — это все-таки народ особый. Дети вообще жестоки. А эти... Не то чтобы тем более, нет. Вовсе нет. Но они не прощают взрослым собственных недостатков. Свою хромоту, неловкие жесты, искривленную осанку они воспринимают как данность, как норму. А то же самое в учителе — совсем по-иному. Наверное, это как подойти к зеркалу и увидеть свое несовершенство через увеличительное стекло. Реакция бывает сокрушительная.

Вера Николаевна рассказала, как совсем недавно из школы-интерната пришлось уволиться преподавателю математики. Сам бывший выпускник этой школы, он страдает такими же нарушениями опорно-двигательного аппарата, как его ученики. И что же? Дети его буквально затравили. Педагог был вынужден уйти в другую школу. Обычную, массовую, для здоровых детей. Удивительно, но факт — там отношения с учениками у него складываются прекрасно.

И все же чрезвычайно жаль, что человеку на костылях общество не может предложить ничего иного, кроме рутинной механической работы. Специализированные училища для выпускников специализированных школ-интернатов во времена Зоиной юности располагали стандартным набором профессий: швея-мотористка, сапожник, фотограф, бухгалтер-счетовод.

С тех пор многое изменилось. Услугами фотоателье, например, пользоваться почти перестали: теперь у многих импортные аппараты-"мыльницы", щелкай сколько хочешь, а проявить, напечатать снимки — нет проблем! На каждом углу точки "Кодак-экспресс", там изготовят тебе качественные фотографии за полдня.

Бухгалтеров вообще развелось видимо-невидимо. Престижная, модная профессия, в которую валом повалил здоровый люд. Где уж тут тягаться инвалиду?

На фоне всех этих перемен неизменным остается только одно: в специализированных училищах для опорников учат все тем же "специализированным" профессиям — швея, сапожник, фотограф...

И Зоя поехала в Иркутск. Конечно, можно было выбрать что-то поближе к дому — тем более что не так их много, этих училищ, из которых она могла выбирать. Но ей хотелось именно подальше. Ведь это такая редкая возможность посмотреть мир!

Меня всегда изумляла в ней вот эта легкость на подъем. Знаете, как она попала в марафон? Совсем случайно. Хотя, с другой стороны, а что могло быть закономернее? Короче, так. Зоя приехала из своего Орджоникидзевского района к драмтеатру — посмотреть на старт марафона, пообщаться с ребятами, помахать рукой вслед... Выясни-

лось в последнюю минуту, что участвовать в пробеге не сможет колясочник из Чернушки — заболел. Образовалось вакантное место.

— Хочешь? — предложили Зое.

Она не сомневалась ни секунды. Пулей ринулась домой, собрала вещички. Машина районной организации ВОИ, на которой подвозили Зою, догнала марафонцев уже в Кукуштане.

...А после окончания Иркутского училища Зоя вернулась в Пермь. В "красном" дипломе значилась профессия — "швея" и стоял разряд — IV. На своих костылях она обошла с десятков предприятий. "Требуется, требуется" — кричали объявления у проходных. Но как только Зоя появлялась перед работниками отделов кадров, те отводили глаза:

— К сожалению, вы опоздали.

Она была готова пойти на работу, требующую более низкой квалификации:

— Но вот ведь у вас написано: "Требуется швеи II—III разрядов".

— Вы не справитесь, вы не подходите, — отвечали ей.

Отчаявшись, она пошла в собес. Единственное место, куда ее были готовы устроить, — дом-интернат для престарелых, в кастелянши.

"Всю жизнь штопать рваные простыни и общаться только со стариками? — представляла она. — В двадцать лет заживо похоронить себя в богадельне? Ну нет уж!"

Поехала домой, в Сиву. Однако и в родном райбыткомбинате ей отказали.

Тогда, поднявшись из начальственного кабинета на второй этаж, где располагались мастерские швейного ателье, она села за свободную машинку. Ни слова никому не говоря, принялась строчить халаты и фартуки, раскроенной стопкой лежащие в углу.

Женщины-работницы молча переглядывались, пожимая плечами. К вечеру она сделала дневную норму. Назавтра — полторы. На третий день к ней подошла соседка, сидевшая за машинкой у окна:

— Зой, ты подойди в бухгалтерию-то. Начальница сказала, задним числом тебя оформит...

Все, буквально все в жизни ей приходилось пробивать вот таким молчаливым упорством.

Оказавшись как-то по делам в Перми, встретила школьную подружку.

— Иринка! — изумилась Зоя. — Ты как хорошо ходить стала. Откуда такое улучшение? Почему? Как?

Ну та и рассказала, что несколько лет назад оказалась по направлению в клинике у одного московского профессора. Он как раз такие случаи последствий полиомиелита изучает, как у нее. Новые методики лечения пробует.

— Давай адрес, — потребовала Зоя. — Ведь у меня такой же диагноз.

Адрес Иринка дала — подруга все-таки. Только очень сомневалась, что у Зои что-нибудь получится: очереди к профессору громадные, но труднее тех очередей выдерживать битву с местными чиновниками от медицины, чтобы получить направление.

Направления от районной больницы Зоя добиваться не стала. Просто взяла на работе очередной отпуск да и махнула прямо в Москву. Остановилась у дальней родственницы — та в ужас пришла:

— Да как же ты, девонька, к профессору этому попадешь?

Зоя к телефону кинулась, сначала все про профессорский распорядок дня вызнала, а потом уж давай у подъезда клиники его караулить. Он как Зоину походку увидел, сам заинтересовался, подошел. А она... Ну, Зою надо видеть. Она своей улыбкой распахнутой, своим сиянием внутренним — вы, мол, лишь только скажите, как надо, я все сделаю — любого обворожит.

Короче, положил профессор Зою в свою клинику в обход всех направлений и инструкций. Через месяц — с гипсовой лонгетой на ноге — выписывает.

— Месяц, — говорит, — тебе отдыху. Ну, а недельки через три снова ко мне приедешь.

А что прикажете эти три недели в Москве делать? Обратно в Сиву катиться? А там как? Снова через месяц отпуск ей никто не даст, и просить неловко будет. Без содержания? Да, выход, конечно. Но опять же все в деньги упирается. А главное... Главная причина была в том, что Зоя очень не хотелось возвращаться вот так — с лонгетой на ноге, с туманными перспективами. Ей хотелось порхнуть перед односельчанами как птичка: да, бегаю! Да, вылечили! И потом — после всех этих радужных надежд, даруемых столицей, вновь в тусклую, будничную, обыденную жизнь. Ее "роман" с московской клиникой был праздником. И этот праздник еще не кончился. Нет, не кончился.

И тут Зоя вспомнила: дядя! Родной брат ее матери, дядя, живущий в Белоруссии. Вот кого она всегда хотела навестить. И мама частенько о нем вспоминает. Зоя тоже мечтала увидеться и с ним, и со всей его семьей, да вот только не чаяла, что когда-нибудь сможет выбраться. В Белоруссию с Урала — не ближний свет. То ли дело от Москвы...

Мне до сих пор непонятно, как молоденькая больная провинциалочка — с гипсом на одной ноге и малопослушной другой — доехала поездом из Москвы до Минска, в Минске сделала пересадку на поезд, идущий через Шклов, в Шклове выбралась на станции. И тут встретил ее дядька на велосипеде. И на раме этого велосипеда довез к себе, в село под Шкловом, где она и прогостила благополучно отпущенный ей профессором срок.

К себе в Сиву после серии необходимых операций она, конечно, не порхнула, как птичка, но двигаться ее ноги стали гораздо лучше.

Жизнь человеческая — как весенний ручеек меж сугробов. Кажется: ну вот, неодолимое препятствие, стоп! Ан смотришь, обойдет водица неприступный камень, спрячется под корочкой льда, вынырнет в другом месте. И все равно найдет, пробьет, проторит себе русло-дорогу. Туда, куда и стремилась. Я часто думаю, глядя на людей вроде Зои, созданных, казалось бы, совсем для другой жизни, чем та, которой они живут: ну, а повернись судьба по-другому, что с тобой было бы?

На курсах вождения мотоколяски Зоя познакомилась с молодым человеком. Василию она сразу понравилась, это было понятно. Он ей? Да как сказать. Серьезный, сдержанный. Видно, что умен.

Только передвигается еще хуже Зои. С Васей Зою познакомил школьный приятель — балагур, весельчак Володька. Володька пел, играл на гитаре, кружил головы девушкам, а Зоя хохотала, слушая его, и не принимала слишком всерьез все его намеки насчет Васиных взглядов и вздохов.

А зря, между прочим, не принимала.

Тот сентябрь, время обучения на курсах, остался в ее памяти как светлое, бесшабашное, веселое время. Но все светлое и бесшабашное в нашей жизни коротко. Она вернулась домой и думать забыла и про балагура Володьку, и про томные взгляды Васи.

Но через год, в такой же вот золотой, прозрачный сентябрь, возле ее родительского дома в Сиве вдруг остановилась легковушка с ручным управлением. Зоя обомлела: Вася с Володькой!

Пока Василий выбирался на свою коляску, Володька увлек Зою в комнату:

— А мы ведь тебя сватать приехали. И не вздумай ему отказать!

Она пыталась что-то лепетать про любовь, то есть про то, что если ее нет — какой же "замуж"? Разве только по расчету. А за инвалида — какой расчет?

— Да? — взвился всегда благодушный Володька. — Никакого? Да хоть семья у тебя будет! Собственная. А просидишь в своей Сиве — всю жизнь в няньках у племянников проведешь.

Это было правдой. Зоя знала, сколько девочек из их интерната, умниц-красавиц, разделили такую участь. И Володька знал, что она знает, что он прав.

В общем, в тот же вечер Васина легковушка увезла ее в Пермь. На следующий день они подали заявление в загс. Через два месяца отгуляли свадьбу...

Все эти истории из Зоиной судьбы я выслушала, конечно, не в один присест. Помню, долго приглядывалась к ней. Быть может, даже дольше, чем к другим марафонцам. Хрупкая, иной раз неловкая, легкая и на слезы, и на улыбку, всегда готовая чем-то помочь, удружить.

Именно вокруг Зои собирались всегда, где бы мы ни оказались, местные инвалиды. И обязательно находились один-два, с кем у нее завязывались долгие исповедальные разговоры. Марафонцы теребили ее, звали к автобусу:

— Зоя, скорей, ну кончай же ты свои беседы, опоздаем же!

Она только улыбалась в ответ: сейчас-сейчас, мол, подождите!

И я помню, как именно Зоя, хрупкая, неловкая, смешная наша Зоя, в один прекрасный день сдвинула, сломила ледок наших "круглых столов", несколько официально-казенных поначалу. В Чусовом она вдруг начала рассказывать о том, как умирал в больнице ее муж — тоже полиомиелитик-колясочник, с еще более глубокой инвалидностью, чем она сама. Как они мечтали о сыне, как родили и растили его. Как сопротивлялись этому обстоятельству врачи и социальные службы. Да куда, мол, еще вам увечным, ребенка? Разве справитесь? А получился абсолютно здоровый, красивый мальчик, нежно и трогательно заботящийся о матери. (Я видела его. В Кунгуре, где у нас была первая стоянка, именно в те дни проходил знаменитый фестиваль молодежной музыки "Рок-лайн", был Зоин Ванюша там. То-то удивился сын, встретившись с матерью в одной гостинице!)

Обо всем этом — безыскусно, просто, как задушевной подруге, — Зоя вдруг начала рассказывать чиновникам, собравшимся за "круглым столом". И когда слезы вдруг перехватили ей горло, я увидела, нет, кожей почувствовала: не у одной меня защипало в носу и мурашки побежали по коже. После Зоинога рассказа всем стало как-то совестно отделиваться обтекаемыми обещаниями и дежурными призывами.

Хрупкая, наивная, иногда неуместно восторженная, как дореволюционные институтки, она ценой своего характера перевела разговор в иное измерение, в иной масштаб цен.

"Вот оно — мужество исповеди", — подумала я тогда. Видно, действительно, только абсолютно откровенная, искренняя исповедальность способна что-то тронуть в чужих душах.

Если ты хочешь быть услышанным, не надо кричать и требовать. Скажи о себе сокровенное. Больно? Трудно?хлопотно? Но именно такой ценой добывается истинное понимание.

ДВИЖЕНИЕ — ЭТО ЖИЗНЬ

В юности я часто думала: какому изощренному уму первому пришла в голову мысль наказывать человека ограничением свободы? Не болью, не смертью, не голодом или членовредительством, а заточением в узилище! Всего лишь неподвижностью. Всего лишь ограничением контактов с другими людьми.

"На свете счастья нет, но есть покой..." — сказал классик. Казалось бы, вот и наслаждайся! Не наслаждается... Каменный мешок — одна из самых страшных пыток, изобретенных человечеством.

У физкультурников есть такое понятие — мышечная радость. Оно знакомо и детям. Я до сих пор помню ощущение счастья от того, что бегу. Просто бегу. По улице, по двору, по земле, по траве, по асфальту. Мои ноги упруги, мои руки гибки, мое тело ловко и подвижно. Я играю с земным шаром, как с мячиком: соприкоснувшись, мы отскакиваем друг от друга с радостным звоном. Кажется, его даже можно услышать.

Но чаще радость движения не замечаешь. Это — как дышать, как любить, как мыслить. И давит тоской, когда этого нет. Может быть, поэтому у родителей две главные радости, два этапа в отношениях с собственным ребенком: сказал первое слово и сделал первые шаги. Сказал и пошел.

Речь — это мышление. А движение? Движение — это жизнь. Но верно ли это тождество, если его перевернуть? Жизнь — это движение. А неподвижная жизнь — что, не жизнь? Или для того, чтобы она стала жизнью, надо изобретать для нее, неподвижной, новые формы движения? Какие? Как?..

В Чусовой мы прибыли утром. Город, растянутый, как бесконечное путешествие, не то вдоль реки, не то вдоль железнодорожной ветки, подобно реке, "омывающей" его промышленные "берега", марафонцев, похоже, вдохновил.

— Конечно, на колясках пойдем! — дружно заявили они делегации чусовлян, встречающей нашу кавалькаду у отметки "г. Чусовой". От этой отметки до города — километров пять. А потом еще два раза по столько через весь город: разместят нас в гостинице, в новом микрорайоне.

— Какой этаж? — интересуются сразу же марафонцы. И, узнав, что второй, а лифта нет, сразу грустнеют: значит, в город на прогулку не выбраться. Значит, как заселимся, так уж до утра — не будешь же нагружать ребят-волонтеров лишними просьбами "спустить-поднять". Они и так к вечеру еле держатся на ногах от усталости.

И значит, что ж? Надо использовать дарованную возможность на полную катушку. Погнали!

Да, рельеф в Чусовом по-настоящему уральский. Чувствуется близость настоящих гор. То спуск, то подъем. Особенно выматывают душу длинные тягуны. Взбираться в них без посторонней помощи хватает сил разве что у Володи Механошина. Он же — и не думая притормаживать! — летит с ветерком, если дорога идет под уклон.

Но другим марафонцам, особенно девушкам, помощь волонтеров на таких "американских горках" требуется практически постоянно. И когда дорога идет вверх — подтолкнуть, помочь выжать необходимую скорость. И когда она спускается вниз — придержать разрезвившуюся коляску, чтобы — не дай Бог! — не разогналась она до чрезмерной скорости. Справиться с управлением "рычажкой" на таких крутых (или не очень крутых, но длинных) спусках инвалиду не так-то просто.

Фирменные майки взмокли на спинах — и у марафонцев, и у волонтеров.

И все равно эти кусочки пути — когда пот застилает глаза, дыхание сбивается, а сердце, кажется, вот-вот выскочит прямо из пересохшего горла — запомнились как лучшие моменты жизни. Не потому, что мотнувшие трудности, как всегда, подергиваются таким флером млетоты. Нет, радость, гордость за человека, способного преодолеть непреодолимое, удовольствие от красивой, слаженной, четкой работы — вот что будоражило кровь.

Называйте это как хотите. Журналистской восторженностью. Романтизмом, вышедшим из моды. Чрезмерным пафосом. Я видела, я чувствовала, я знаю: тех, кто шел со мной рядом по трассе, переполняли такие же чувства. Это правда,

Большой культурно-спортивный праздник инвалидов, организованный под открытым небом — на стадионе металлургов, — вовсе не был показательным мероприятием, приуроченным к дням марафона. В Чусовом, где из 5000 инвалидов 111 — колясочники, этот фестиваль спорта для инвалидов — уже второй. Первый, говорят, произвел настоящий фурор. Когда горожане увидели, кого мы теряем, запирая в четырех стенах. На стадионе это увидели и мы.

Симпатичный рослый молодой человек, казалось бы, просто так, чтобы отдохнуть, присевший в коляску, оказался инвалидом с шестилетним стажем. Чуть смущаясь, представляется:

— Пушкин Александр Сергеевич. — И, предупреждая возможные расспросы: — Нет, стихов не пишу. Я вообще пишу плохо. Школу так себе закончил. И с работой проблема. Нету ее, невозможно для меня в Чусовом работу найти... Может, и впрямь стихи начать писать?

Но пока, в ожидании начала соревнований, Саша обменивается опытом с нашими марафонцами. Володя Механошин на вырванном из блокнота листе набрасывает ему какие-то чертежи. А-а, все понятно! Володя — главный рационализатор инватехники в нашей команде. Саше Пушкину он объясняет, как без особых хлопот можно усовершенствовать его коляску, сделать ее более мобильной, удобной в управлении.

Журналист газеты "Здравствуй!" Андрей Теплоухов интервьюирует паренька в инвалидной коляске. Восемнадцатилетний Саша Мещеряков совсем недавно был гордостью и славой Чусового. Юный спортсмен-горнолыжник, воспитанник знаменитой школы олимпийского резерва "Огонек", он подавал большие надежды. Драма разыгралась на соревнованиях в Омске. Падение, черепно-мозговая травма...

Он был в коме несколько недель. Врачи МСЭК и сейчас пишут ему в заключении "прогноз сомнительный"...

А Саша учится в 11-м классе нормальной школы, осваивает компьютер. Преподаватель-программист ходит к Мещеряковым на дом. И хотя уроки эти для бюджета семьи, где кроме Саши растут еще двое детей, обходятся не так уж дешево, родители идут на это:

— Профессия! Обязательно надо, чтобы у мальчика настоящая профессия была. Как жить-то без этого?

Марафонцы приглашают двух Саш с собой — ведь впереди у нас, кроме соревнований и "круглого стола", интересная культурная программа: экскурсия на спортбазу "Огонек", в музей реки Чусовой и литературный заповедник, созданные усилиями Леонарда Постникова — фигуры, ставшей достопримечательностью Пермского края.

Много слышавшая об этих музеях, я, к стыду своему признаюсь, не была там ни разу. Естественно, не были там и марафонцы: экскурсии, путешествия для них вообще удовольствие из числа самых дорогих и недоступных. Да и местные инвалиды, похоже, не так-то часто имеют возможность посетить свои достопримечательности, поэтому приглашение принимается с радостью.

Ну, а сейчас — состязания!

Пока Люда Трубникова с Андреем Загородских упражняются в стрельбе из винтовки, Володя Механошин собирает вокруг себя целую толпу, желающую посоревноваться с ним в армрестлинге. Ну, в силе рук со спинальниками-колясочниками здоровым лучше не тягаться.

— У нас ведь руки — это еще и ноги, — смеется Володя, легко укладывая на стол локти соперников.

А вот если за одним столом сойдутся два спинальника... За поединком Андрея Загородских и Володи Механошина наблюдал, по-моему, весь стадион. И так ли важно,

кто кого победил? Важно, что страсти кипели нешуточные. Гриша Вотинов, как всегда, король у теннисного стола. Он, кстати, тоже обыграл уже не одного здорового.

А на стадионе кульминация праздника — гонки на инвалидных колясках. Чтобы зрелище стало еще интереснее, вместе с колясочниками в забег отправляются спортсмены-разрядники. На своих ногах. Ну, нашим с ними, конечно, не тягаться. А вот проверить, кто резвее всех чувствует себя в коляске на трассе, очень интересно.

Андрей Загородских — вне конкуренции. Его машина — особый, спортивный агрегат. "Мерседес", как окрестили его ребята. Типовая "рычажка" такому не соперник.

Люда Трубникова женщин обошла легко, ей впору состязаться с мужчинами. Она и пошла с ними на равных, вот-вот готовясь обойти Юру. Но вдруг — что это? То ли сделав неловкое движение, то ли в азарте борьбы Юра вдруг выпрыгивает — выпадывает? — из коляски. Единое "ах!" сотрясает трибуны стадиона. А через миг к Юре кидаются со всех сторон волонтеры, медики, судьи... Кажется, все обошлось. Похоже, нет даже ссадин. Хотя риск получить серьезное увечье был. Но что же это за жизнь, что за борьба без риска?

И еще об одном впечатлении этого праздника не могу умолчать.

На импровизированной эстраде у трибун пел детский ансамбль. Хорошо пел, чисто, с душой. Музыка, которую исполняли дети, была заводная, так и подмывала пуститься в пляс. Первым не выдержал Володька Механошин — вырвался на асфальтовый пяточок перед эстрадой, встал на два колеса и давай наяривать свои "ламбады" с "самбами". Публика поддержала. На "танцевальную площадку" выскочили девочки в костюмах для аэробики (пока ждали своего номера в концерте, решили чуть поразмяться), потом кое-кто из взрослых, потом ребятишки-зрители.

Очень трогательно смотрелись две крохотные девчушки, танцующие одна напротив другой. Их жесты сплетались в изящный музыкальный узор: казалось, танцует каждая жилочка, каждая клетка.

— Глухие совсем девчушки-то, — кивнула, глядя на них, моя соседка. — Старшей семь, младшей шесть. И мама у них глухонемая. Кажется, какие уж тут танцы?..

И в который раз уже я задумалась о том, как таинственно и непостижимо расточает природа свои дары. И как, вероятно, смешны и самонадеянны бываем мы порой в своей благотворительности, в своей филантропии по отношению к сирым и убогим, к "калекам", нуждающимся в сочувствии.

Портрет марафонца. Вечер с Гришей Вотиновым

Один мой приятель как-то заметил: когда собираются малознакомые женщины и есть у них подспудное стремление узнать друг друга получше, речь непременно заходит о том, кто как рожал.

А мужики в подобных случаях заводят речь про службу в армии.

Свои армейские годы Гриша Вотинов готов вспоминать часами, во всех подробностях.

— Это было самое светлое время моей жизни, — признался как-то он.

Я, не выдержав, рассмеялась. Готова биться об заклад, что, услышав это тогда, рассмеялись бы и вы, читатели. Ведь Гриша только что закончил очередной рассказ о процветающей у них на корабле дедовщине, о том, как гоняли их, новобранцев, суровые старослужащие. И это — «самые светлые годы»?

— Ну, может быть, самые яркие, не знаю, — поправился он. — Ты вот представь, мороз, ветер пронизывающий. А мы работаем по двадцать часов в сутки, ни минутки свободной нет. «Коробка», на которой ходим, начинена вооружением, как бочка порохом. Начнись бой — за полчаса весь боезапас должны потратить. Задача — потопить хотя бы одну вражескую подводную лодку. А что дальше, спрашиваешь? Дальше — ничего, смерть.

— Да что ж тут светлого-то, Гриша?

— Ну как ты не понимаешь? Испытания...

Слушая историю Гришиной жизни, я впервые поймала себя на кощунственной мысли: инвалидность для него не трагедия хотя бы потому, что слишком много слишком суровых испытаний довелось ему пережить. Есть такое выражение: «Жизнь его не баловала». Так вот, Гришина жизнь, похоже, не то что не баловала — она постоянно строжила его, выдумывая одно наказание за другим.

Знаете, какой был у нас во дворе самый действенный способ самоутешения? Когда мальчишки-обидчики залимонят тебе из самострела по ногам так, что света белого не взвидишь, или лучшая подружка при всех выдаст твой секрет да еще и обзовет тебя душой — отбежать на безопасное расстояние и беспечно крикнуть на весь двор: «А мне-то и не больно!»

По-моему, Гриша всегда именно так выстраивал свои отношения с собственной судьбой. Она ему — хлесь! А он только сплюнет, потрет ушибленное место: "А мне-то и не больно!"

Мать родила его в восемнадцать лет, отца Гриша не знал. Жили у бабушки в деревне, потом перебрались в город, мать окончила финансовый техникум и, конечно, как всякая молодая женщина, надеялась устроить свою судьбу. Грише было пять лет, когда она познакомилась с его отчимом.

— Хороший был дядька, — вспоминает Гриша сейчас. — Он меня к спорту приохотил. На футбол пойдет — меня с собой поболеть возьмет непременно. Во двор выйдет — мячик попинает со мной...

Через два года у Гриши родился брат.

— Нам как раз квартиру должны были давать, бараки, где мы жили, сносили.

Эти бараки и убили отчима: разбирая свое бывшее жилище на дрова, он погиб, придавленный балкой.

Мать осталась с двумя пацанами.

— У брата проблемы со здоровьем были, мы его в специальный садик устроили. Помню, везу его через весь город, с пересадками... Мать на двух работах. После школы приезжаю к ней в ЦУМ, она там за кассой сидела, сяду рядом, уроки выучу, потом мы идем в булочную, хлеб разгружать. Я, бывало, там и спал, на письменном столе, пока она с хлебом возится...

Шустрый, подвижный, сообразительный парнишка, Гриша скоро понял простую вещь: для того, чтобы тебя уважали, надо хорошо, лучше всех, делать то, что у тебя получается. У него получалось все спортивное. Он лучше всех во дворе бегал, точнее всех забивал на спортплощадке мячи и шайбы и громче всех свистел, когда приходилось болеть. Впрочем, болеть ему доводилось редко. Чаще всего его записывали в команду, в основные. И во дворе. И в школе. И в дворовых клубах, куда он вскоре стал ходить. Футбол, хоккей, настольный теннис... Соревнования «Кожаный мяч», «Золотая шайба»...

Однажды к ним на игру пришли какие-то дядьки, как выяснилось потом — из знаменитой взрослой команды «Звезда» (теперь она называется «Амкар»). Они внимательно следили за тем, что происходит на поле, а после подошли к тренеру.

— Вот этого парнишку, — показали на Гришу, — мы у вас возьмем.

Но надвигались очередные соревнования, он подумал: это будет как-то не товарищески. Все-таки главное — команда. И отказался.

Мальчишки выросли. Пацаны из их школы записались в секцию спортивных единоборств. Худенькие парни накачали мышцы. Длинный — за метр восемьдесят — Гриша на их фоне стал терять репутацию самого сильного, самого спортивного в школе. Кинулся в секцию тяжелой атлетики. Тренер оценил и его настойчивость, и рвение. Но несколько месяцев спустя отвел в сторонку для серьезного разговора. Смысл был такой: не убивайся ты здесь, парень, с твоими данными тебе не тяжелой атлетикой заниматься надо.

Гриша занялся стрельбой. В общем, когда на призывной комиссии в военкомате определяли его армейскую специальность, сомнений ни у кого не было. Здоров парень! В элитные войска его. В морской десант. На Черное море.

Гриша был горд. Но планам этим не суждено было сбыться. На сборный пункт ему было ведено явиться 8 мая. А сопровождающие, прибывшие за пополнением, явились на три дня раньше! И увезли к себе на Черное море совсем других ребят.

Так Гриша попал на Тихоокеанский флот, в Хабаровский учебный отряд.

— Понимаешь, на флоте не существует слова «нет». Что бы тебе ни приказали, должен выполнить. «Дед» подзовет: принеси водки! Хотя в лепешку разбейся, но дос- тань. Каждую неделю стирка, все постельное, нательное с себя и «дедов» стирали, су- шили — чтоб через три часа все готово было. Приборка каждый день, губкой с мылом весь корабль изнутри и снаружи вылизываешь. А есть еще и прямые задачи — обслужи- вание техники, например. Там за месяц ты должен изучить все механизмы, весь ко- рабль досконально. Не сумеешь — тебя свои же сгноят, презирать будут...

Через несколько месяцев он с ужасом обнаружил, что забыл номер своего домаш- него телефона. Еще через некоторое время стал лучшим в дивизионе старшиной ко- манды комендоров.

— Понимаешь, армия — это все-таки здорово. Это действительно школа жизни: берут сырого пацана и делают из него мужчину.

Домой, в Пермь, Гриша возвращался настоящим мужчиной. Здоровым и сильным. И жизнь предстоящая — так ему казалось — развернется сейчас впереди такой же, как он сам, простой, здоровой и ясной. Собственно, среди всех ценностей жизни Гриша по- настоящему ценил только одно — собственное здоровье. А может, просто это была единственная драгоценность, которой он обладал. Здоровье да волевой, несгибаемый характер.

Дома он застал совсем иную картину. Жить фактически не на что. Найти подходя- щую работу — проблема. Выйти к друзьям не в чем.

Но — на флоте нет слова «нет». Немудрящее это правило не раз выручало его в жизни. А бывало — спасало жизнь. Он взял в руки иголку и из распоротых старых пальто стал шить себе модную куртку. За этим занятием и застала его мать.

— Гриша, а может, тебе в ателье устроиться? Он пошел учеником в скорняжный цех. У него получалось. Ему нравилось, как из кусочков меха рождается удобная и кра- сивая вещь. И люди в ателье нравились — женщины в основном. Их неспешные разго- воры о семье, о детях, о любви. И Грише казалось, что все у него впереди будет вот так же складно — семья, дети, достаток...

А потом у Гриши приключилась любовь. Она работала в этом же ателье и была старше его на несколько лет. У нее были маленький сын и муж, забияка и пьяница, с которым она все порывалась разойтись, жалуясь Грише на свое неудачное замужество.

— Так разойдись, — сказал он ей однажды. — Айда ко мне. Комнату снимем.

Но ничего из этой затеи не вышло. Все ее порывы оставались порывами, и находи- лась тысяча причин, мешающих им соединиться. Гриша мрачнел. Она путала заказы и грубила клиентам. Наконец однажды заведующая вызвала обоих и сказала:

— Значит, так. Или один, или другая. Увольняйтесь. Мне ваши романы не нужны.

Говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Лукавая эта пословица как нельзя лучше подходит к следующему этапу Гришиной судьбы. Она открывает его и, извиваясь, перевортывает, отражает обратное — не было бы несчастья, если бы так счастливо все не шло...

Подросткий брат посоветовал Грише:

— Да брось ты эту тягомотину в ателье. Тут мне один знакомый рассказал — новая работа хорошая появилась. Камнетес-гранильщик.

Это было время, когда класс «новых русских» потихоньку вставал на ноги. Из уродливых рыжих киосков торговля перемещалась в жилые дома. Точнее, в первые

этажи этих домов. Скупались квартиры, прорубались двери на улицу, крыльцо и фасад отделывались мраморными, а то и гранитными плитками — на века. Появилась потребность в каменщиках-умельцах. Стали появляться выгодные, большие заказы. Когда Гриша Вотинов пришел учеником в бригаду камнетесов-гранильщиков, она отделывала магазин «Стометровка». В первый же месяц, учеником, он заработал шестьсот. Потом тысячу. В те времена это были бешеные деньги.

Он отделывал фонтан у Дома Советов и ледовый Дворец спорта «Орленок». Он чувствовал себя человеком, мужчиной, хозяином жизни, умельцем, который может все.

Со своей будущей женой Гриша познакомился на новогоднем вечере в ДК. И не сказать, чтоб девчонка ему сильно понравилась — маленькая, худенькая, личико, как у куклы. Но было в ней что-то... Такое тихое, кроткое, что Грише поначалу просто жалко ее стало. Пригласил на танец раз, другой... После провожать пошел — жила девчонка аж на Пролетарке.

А потом она заболела, в больницу положили. Гриша, понятно, навещать ее ходил. А девчонка, похоже, и не ждала от него ничего, только смотрела своими кроткими глазами, и видно было, что защитить ее кроме него, Гриши, некому.

От чего эту девчонку надо было защищать, Гриша, пожалуй, объяснить бы тогда не смог. Он и сейчас, наверное, объяснить это не сможет. Только вышла из кроткой девчонки Марины и Гриши Вотинова очень неплохая пара.

Они поженились, родили двух ребят — полный комплект, мальчик и девочка. Марина оставила работу, воспитывала малышей. Гриша обеспечивал семью, вкалывал за троих. И достаток появился в доме, и ощущение надежности и уюта, несмотря на нестабильные времена.

Но — помните пословицу? Не было бы счастья, если б... Точнее, наоборот — слишком, видать, раздражала счастливая и налаженная жизнь суровую Гришину судьбу.

Он облицовывал плитами здание банка «Развитие». В СМУ, где Гриша тогда работал, камнетесам-гранильщикам платили хорошо. Зато экономили на досках для лесов, на сварочной арматуре...

Чтобы забраться по лесам на следующий этаж, облицовщикам приходилось вытаскивать настил буквально из-под себя и укладывать его на следующий ряд. «Палец» — здоровый металлический штырь, на который укладывались доски, — весит килограммов десять. Гриша с трудом выколотил его из двух железок и стал засовывать в следующий проем, как вдруг... Доски, на которых он стоял, на которые должен был опереться, раздвинулись, и он полетел вниз. С пятиметровой высоты. Оскольчатый перелом позвоночника, субарахноидальное кровоизлияние...

Это случилось 24 августа. А 22-го он открыл в банке счет, куда ему должны были перечислить зарплату.

Сегодня инвалиды-колясочники Грише даже слегка завидуют: ведь помимо пенсии по инвалидности Гриша получает доплату со своего родного предприятия. По закону положено — в размере среднемесячного заработка, если травма получена по вине предприятия. Кроме того, тот же закон предусматривает еще и индексацию ее с каждым новым витком инфляции.

Но закон этот, как водится, не выполняется. Гришины и трестовские расчеты того, что предприятие должно ему выплачивать, сильно расходятся. Не в его, понятно, пользу. Да еще и задержки... А ведь за каждый просроченный день невыплаты этого пособия предприятие обязано выплачивать и пеню.

Но судья, похоже, большим инвалидом счел предприятие, а не Гришу. Во всяком случае, в судебном заседании он всячески склонял Вотинова пойти на мировую. В конце концов Гриша «сломался». Он отказался от штрафных пеней, трест погасил ему долги по выплате среднемесячного заработка и обязался поставить гараж у дома.

— Сейчас жалею, — сокрушается Гриша, — гараж до сих пор толком не сделали, путевку на курорт, как обещали, не оплатили. Да и среднемесячную зарплату так и тянут, не рассчитывают по-нормальному. Придется снова судиться.

Разборки эти радости, понятно, не доставляют. Но и отказываться от своего он не намерен. Здесь — как в армии. Или в спорте: умри, но добейся результата.

Кстати, о спорте. «Сломался» Гриша Вотинов в тридцать три года. В это время большинство спортсменов свою карьеру уже заканчивает. А ему — вот парадокс! — именно инвалидность помогла пробить дорогу в большой спорт. В большой инваспорт.

— Полтора года я сидел у окна, — рассказывает Гриша. — Сидел, смотрел на улицу и привыкал к мысли: никогда. Все. Всего, что было у меня в жизни дорогого, любимого, радостного, больше не будет.

А потом ему позвонили из клуба инваспорта «Феникс», пригласили на тренировку. Ну не хочет на тренировку — пусть так приедет посмотреть. За ним готовы и специальный автобус прислать с подъемником.

Этот свой новый выход «в свет» Гриша не забудет никогда. Как не мог до той поры забыть атмосферу спортивного зала, такую родную, знакомую. Гулкий стук мяча, запах матов...

Он стал ездить на тренировки чуть не ежедневно. Настольный теннис, дартс, зимой — лыжи. Плавание. Да-да, представьте себе — и лыжи, и плавание.

Он занимал первые места в городе по лыжам, плаванию и дартсу. Не раз выигрывал партии настольного тенниса у людей, фактически здоровых. Скажем, ампутант левой руки — сравните — и он, колясочник.

В 1997 году в чемпионате России по настольному теннису Григорий Вотинов был вторым. Начал готовиться к открытому чемпионату Европы в Словакии.

— А что тут такого? — удивляется он моему удивлению. — Нормальная жизнь.

Я согласно киваю и прошу разрешения переписать себе на память график его тренировок:

"Вторник, 16.30 — настольный теннис и атлетизм, в "Скифе";

четверг — то же самое;

пятница, 12.00 — дартс, теннис, бадминтон, в Гознаке;

суббота, 18.00 — теннис, в спортшколе;

воскресенье, 10.00 — бассейн «Кама», 18.00 — теннис, в спортшколе".

Положу себе этот листочек на рабочий стол под стекло. Очень поучительный график для здоровых и ленивых.

Пожалуй, не было у нас более трудного участка пути, чем перед въездом в Гремячинск. Горы и спуски. Красивейшие пейзажи! Закатное солнце. Синие леса в прозрачной дали. Вильва с живописными скалистыми берегами. Но мне, честно признаюсь, было не до красот. Эти пять-шесть километров до въезда в город вымотали настолько, что к праздничной площади я подъехала уже лежа на капоте машины. Вперед ногами... А марафонцы держались как ни в чем не бывало.

После ужина нас привезли в так называемую немецкую гостиницу: ее строили специалисты из Германии для работников, обслуживающих газоперерабатывающую станцию.

Вот где мы почувствовали, что такое новые СНИПы, удовлетворяющие требованиям инвалидов. Широкие дверные проемы, полное отсутствие порогов, удобное для того, чтобы развернуться человеку на коляске, умывальные и туалетные комнаты.

Ребята лишь вздыхали и облизывались, глядя на все это великолепие. Утешаться оставалось одним: ну вот же, раз такое здание есть, существует в реальности, и не где-нибудь там, на благословенном сытом Западе, а в самой что ни на есть нашей, родной глубинке — значит, в принципе такое возможно? И то, за что мы ратуем в этом марафоне, — вовсе не такое уж невозможное прекраснотушение, а вполне реальные планы?

ПРО «НЕПРИЛИЧНОЕ», НО ВПОЛНЕ ОБЫЧНОЕ

Есть такой остроумный английский фильм. Здоровому человеку как-то приснилось, что он попал в мир, где все люди — инвалиды-колясочники. Все его знакомые, друзья, сослуживцы уселись на коляски, и среда обитания вдруг чудесным образом оказалась изменена настолько, что здоровый человек почувствовал себя в ней белой вороной. Дверные проемы, например, оказались необыкновенно широкими (удобно въезжать на коляске), но высотой — не более полутора метров: так и стукаешься лбом! Около столов ни одного стула. А зачем? Сидячие места у колясочников, как домик у улитки, всегда при себе. И т. д., и т. п.

Это был кошмарный сон. Глухое раздражение от собственной неловкости довело героя чуть не до истерики.

А ведь в таком "издевательском мире", мире, про который один спинальник сказал: "Я всегда чувствую этот расизм здоровых", — приходится ежечасно, ежеминутно обитать всем им.

Согласитесь, одно это способно свести с ума. Но есть и более неприятные проблемы.

Человеку непосвященному кажется, что травма поясничного отдела позвоночника лишает привычной функции лишь ноги инвалида. Ну да, неподвижные колени, голени, зачастую пристегнутые ремнями к подножке коляски (чтобы не соскочили, не соскользнули на ходу), — первое, что бросается в глаза. Но ведь спинной мозг нижнего отдела позвоночника иннервирует еще и все тазовые органы! А это значит, не работают не только ноги. Не работает кишечник. Не действует, как надо, мочеполовая система... Ну о половой мы поговорим в другом месте, а вот обо всех "грязных" делах — здесь.

Поначалу меня ужасно интриговало, куда это время от времени отъезжают на "зеленых стоянках" наши марафонцы. Повернут коляски спиной, встанут за автобусом и словно бы призадумаются, глядя задумчиво в небо высокое.

Или вдруг в самый разгар ответственного разговора за "круглым столом" кто-нибудь бесшумно выкатывается из официального зала заседаний и ищет себе укромный уголок. Особенно мужчины.

Оказывается, у каждого при себе специальная баночка. В нее собирают мочу, которую приходится буквально выдавливать из мочевого пузыря, массируя низ живота. Не опорожнишь вовремя пузырь — обречен путешествовать в мокрых штанах. Поймать момент, когда это сделать необходимо, и не дергаться из-за ложных позывов — целое искусство, на этот случай у каждого есть свои приемы и маленькие хитрости, зависящие и от особенностей травмы, и от собственного организма.

Конечно, в цивилизованных странах, где проблемами инвалидов открыто и поделовому занимаются не первое десятилетие, все обстоит несколько по-иному. Там налажена целая индустрия, производящая мочеприемники и прочие приспособления индивидуальной сангигиены.

Андрей Загородских, например, всем своим знакомым и друзьям знакомых, и знакомым друзей, отправляющимся за границу, заказывает одноразовые мочеприемники. Однажды, правда, здорово с этим накололся. Приятель, побывавший в Австрии, привез их целую кучу. Когда распаковали, выяснилось: мочеприемники-то женские! Пришлось сдавать в местную больницу. В качестве гуманитарной помощи. Кстати, для женщин эта проблема еще острее, чем для мужчин.

"Большие дела" — так называют спинальники регулярное опорожнение кишечника. Здесь единственный выход — регулярная, раз в три-четыре дня, очистительная клизма, которую каждый из них умеет ставить себе сам. Сил и времени это, правда, отнимает предостаточно. Но что поделать? Иного способа наладить нормальное функционирование родимого организма для спинальника не существует.

Вот почему все они, даже самые непрехотливые, крайне щепетильно относятся к собственному меню. Овощи — да. Рыба, мясо. Не дай бог рис (крепит!). И едят мизер-

ными порциями. Лишние калории — непомерная обуза для всего малоподвижного организма. Не дай Бог располнеть к осени — как в теплой одежде уместиться в коляске? Да и тяжело таскать на себе лишние килограммы.

Быть может, кое-кого из читателей покорабят эти физиологические подробности. "Туалетные разговоры" считаются неприличной темой. Но это жизнь. Признаюсь, всем нам — и колясочникам, и особенно группе сопровождения — пришлось преодолеть некий психологический барьер, однако на это потребовалось очень мало времени. Сопроводить колясочника в туалетную комнату, донести на руках Веру или Зою до кабинки, ополоснуть "спецбаночки" — очень скоро студенты-волонтеры приучились делать это без ложного смущения, ловко, спокойно, по-деловому.

...На прощальном банкете в конце марафона среди множества прозвучавших тостов запомнился такой:

— Здесь сгладились границы между больными и здоровыми, молодыми и не очень, мужчинами и женщинами.

Подумалось: наверное, такое стирание граней тоже помогает прояснить истинную цену всему. В том числе и "туалетным" вопросам. Не менее важным, между прочим, чем забота о хлебе насущном.

«Болит? Не болит?»

В Горнозаводске нас кормили в столовой местного детдома.

Среди всех помещений это было единственное, куда доступ инвалидам на колясках можно было обеспечить более-менее свободно.

К Андрею Загородских подошли три пацана лет десяти.

— Дяденька, а можно мы вас кирпичом по ноге стукнем? Андрей опешил:

— Зачем?

Мальчики слегка смутились:

— Ну, это... В общем, говорят, что у вас ноги вообще ничего не чувствуют. Вообще! Это правда?

— Правда-то правда, но...

О, наша доверчивая страсть к экспериментам! Судя по всему, самому Андрюхе было ужасно жаль отказывать ребятам, но отказаться все же пришлось. Спинальники крайне трепетно относятся к любым, даже самым незначительным травмам своих нечувствительных конечностей. Микроскопические ссадины, синяки, ушибы — все это в условиях нарушенного крово- (и нерво) снабжения заживает мучительно долго, грозит обернуться незаживающими язвами, пролежнями и тому подобными страшными вещами.

Однако то, что ноги при этом действительно ничего не чувствуют, — верно.

Володя Механошин рассказывал, как однажды друзья затащили его в баню. Положили на полоч, стали париться. А того не заметили, растяпы, что пальцы неподвижных Володиных ног уперлись прямо в железную стенку раскаленной печки-каменки. Сам он, естественно, тоже этого не ощутил.

Хватились, когда парилку прямо-таки заполонил невесть откуда плывущий запах... шашлыков. «Володька, ты ведь горишь!» Мышцы на пальцах обуглились чуть не до костей.

Он залечивал эти раны около года.

"В Лысьве будет баня!" — пообещали нам. Баня — это радость. Баня — это праздник. Баня — это удовольствие.

Но как вкатить в узкие, затейливо обшитые деревом дверные проемы семь колясок? Как доставить инвалидов по мокрому полу через все порожки к лавочкам-сиденьям? А под душ? А... Ну ладно, мужиков ребята-волонтеры на руках донесут. А женщин?

Впрочем, в действительности все оказалось совсем не так страшно, как казалось. Втроем с девушками-волонтерами Олей и Ириной мы справились с тремя нашими подопечными в лучшем виде. Двое сцепляют руки крестиком, третья тащит индивидуальную клеенку, которую предупредительно взяли с собой организаторы марафона, ее можно расстелить где угодно: хоть на стуле, поставленном под душем, хоть на лавочке или полке. Тазики — до краев и обратно — по цепочке... Вся помывка заняла не больше часа.

— Спасибо вам, девочки! — благодарили Зоя, Люда и Вера.

А мы с Ольгой и Ириной только переглядывались: да за что? Ей-Богу, удовольствие мы испытали, как от славной, слаженно исполненной работы. Ну будто в куклы поиграли. Любили вы в детстве пластмассовых пупсиков купать?

Березниковские сюрпризы

БЕРЕЗНИКИ. Этот город воспринимался нами как некий конечный пункт, вершина, цель путешествия. Может, потому, что среди всех обследованных нами территорий эта — самая северная, если не считать Соликамска, который мы должны посетить, проживая здесь же, в Березниках. Или потому, что в Березниках у нас самая длительная остановка, целых три дня. А может, причина и вовсе проста: Березники — единственный город, способный конкурировать по масштабам с областным центром. И удивить березниковцев — это вам не березовцев удивить.

Тем не менее именно в Березниках марафонцы как-то немного затужили. То ли сказались многодневная усталость, то ли соскучились по домашним, то ли и впрямь обдала холодом суэта большого города, где ты никому не нужен и не интересен...

Ступеньки — целых девять штук, — ведущие в "Hotel" (именно так значилось на неоновой надписи), казались совершенно непреодолимыми.

— Вы бы хоть деревянные трапики тут сделали к нашему приезду, — попробовали усовестить хозяев почувствовавшие уже свою силу марафонцы.

— Ни к чему показуху городить, — отрезали представители власти. Гости и вовсе сникли.

Впрочем, на следующий день все переменялось.

Приятные сюрпризы начались с самого утра. У того самого злополучного входа появился деревянный настил-пандус, да такой удобный, что съезжать с него марафонцы могли самостоятельно, без помощи волонтеров.

А внизу нас ожидала веселая, разговорчивая женщина в коляске.

— Все Березники с вами пройду! — заявила она. — Куда вы — туда и я.

И верно, несмотря на свой солидный возраст, Капитолина Григорьевна Ханипова ни на йоту, ни в чем не отстала от марафонцев.

А по дороге рассказывала о себе. Росла и воспитывалась в детдоме. В пятилетнем возрасте — время было суровое, военное — переболела полиомиелитом. С тех пор костыли да коляска — ее постоянные спутники. Впрочем, детская инвалидность не мешала ей, повзрослев, выйти замуж, завести свою семью. Только не получилось благополучия. Муж погиб на работе от электротравмы, осталась дочь.

Но и у той судьба складывается несчастливо — выйдя замуж, родила девочку-инвалида. Детский церебральный паралич, да в такой тяжелой форме! Ни ходить, ни говорить, ни элементарно обслужить себя внука не может. Родители, для которых такой ребенок, конечно же, тяжелый крест, недавно решили завести еще одного. Сейчас у Капитолины Григорьевны две внучки. Пятимесячная малышка, как и положено, "съемает" все время у папы с мамой. А заботы о пятнадцатилетней Оленьке фактически лежат на плечах Капитолины Григорьевны. Упаси Бог, она не жалуется! Вдвоем они отлично научились справляться и с собой, и с домом, и с покупками, и с уборкой, и с готовкой. Только вот понимания бы от окружающих чуть-чуть побольше.

— Я ведь почему так к вашим марафонцам прикипела? — делилась Капитолина Григорьевна. — Может, увидят наши горожане, поймут, что инвалид — такой же человек, как и все. И нечего его чураться...

Оленьки же Ханипбой соседские девочки во дворе, похоже, чураются.

— Я иногда их прошу: девочки, помогите Оле из квартиры выйти. Или, наоборот, по лестнице подняться. Отвернутся, отойдут, будто не им говоришь. А сколько раз я слышала сама, как родители им внушали: Олю-инвалидку не поднимайте, надорветесь еще — она тяжелая...

Ну, как тут не вспомнить александровский детсад № 7 с его интегрированной системой воспитания больных и здоровых? Впрочем, подобные детские сады видели мы потом и в Добрянке. Более того, именно эти детские сады являются победителями в общероссийском конкурсе «Детский сад года». И не случайно. Потому что атмосфера доброжелательности, взаимного интереса и взаимного, если можно так выразиться, обогащения, столь свойственных такому интегрированному подходу, служат одновременно и развитию детей. Душевному, духовному, интеллектуальному.

Портрет марафонца. Вечер с Андреем Загородских

Сознаюсь сразу: вечера с Андреем у меня не было. Ну не получилось. Как ни набивалась я к нему в исповедники, чтобы сесть и так вот непринужденно, по-дружески, чтобы я ему — глупые или бестактные вопросы в лоб, а он мне — эх, мол, Ольга, да разве в этом дело? — и всю душу в ответ... Ну, пусть не вечером, пусть где-нибудь на неторопливом привале. Пусть не всю душу — только самое важное для себя.

Не получилось. Хотя, наблюдая за Андреем на "круглых столах", я почти не сомневалась в успехе. Каждое его выступление превращалось в концертный номер. Зрители, то бишь участники заседаний, то хохотали, как на вечере юмора, то вытирали слезы. Где-то к середине марафона заметила — ребята из команды начали уже просить Андрея:

— Ты лучше про гараж расскажи. Нет, про матрасы, про матрасы...

Только повтор "номеров" удавался ему плохо. Импровизации — да, блеск! А вот, казалось бы, уже отрепетированные байки — нет.

В один прекрасный день я решила Андреевы рассказы записывать. Идти, так сказать, вслед за ним. С недоумением обнаружила: ничего занятного из этого не получается. Слушаешь, затаив дыхание, и ахаешь, и хохочешь в нужных местах. Стоит перенести на бумагу или даже попытаться пересказать кому-нибудь третьему — ну и что?

Он как бы вечно бликовал, наш Андрей. Блефовал, бликовал и отсвечивал, пряча за солнечными зайчиками своих шуточек (иногда грубоватых, чаще незатейливых, порой почти непристойных) собственное нутро.

Вот ребята-волонтеры подходят к его коляске, собираясь внести Андрея в автобус. Прежде чем опустить руки им на плечи, он потирает ладони:

— Ах, обнимашечки-любашечки сейчас будем делать! — И начинает напевать на какой-то полублатной мотив: — Карагайчики любят мальчиков...

После этого его так и звали — "мальчик-карагайчик".

Вот Андрей отстает от колонны. На него начинают уже беспокойно оглядываться, но он, вдруг разогнав своего необычного трехколесного "коня" (только у одного Андрея Загородских была такая коляска — спортивная, с ручным приводом, скоростная, она досталась ему в наследство от предыдущего, всероссийского марафона), — так вот, разогнав своего "коня", Андрей вдруг встает на задние колеса и выписывает такие пируэты, что у всех просто глаза вылезают из орбит.

Мужики-марафонцы заметили: Загородских никогда, даже если ему это и ничего не стоит, не облегчит ситуации. Не поможет волонтерам, вносящим его в автобус. Не ска-

жет: "Да ладно, давай я сам". И не из слабости или каприза. Скорее, из экспериментаторского интереса.

Он, сам любящий испытывать себя на прочность, похоже, с удовольствием наблюдает за другими, оказавшимися в трудном положении: а ну, как справишься? Порой еще и сам их провоцирует...

Отец у Андрюхи умер, когда ему было одиннадцать. Воспитывала сына мать. Да как воспитывала? Извечные деревенские правила диктовала сама жизнь: не ленись, не трусь, не болей...

После 8-го класса он поступил в училище в Краснокамске, начал учиться на газосварщика, записался в секцию бокса. Спорт у него как-то сразу пошел. Настырный, крепко сложенный, безжалостный в бою, Андрей быстро делал спортивную карьеру. Соревнования, победы, разряды...

В армию его призвали в воздушно-десантные войска, служил в Монголии. Это было по нему — романтика жестких, нестигаемых парней, психология всегдашнего победителя.

Только ломать жестких, судя по всему, легче, чем гибких.

Он сломался 1 июля 1993 года, в двадцать шесть лет.

Еще позавчера — бравый десантник, кандидат в мастера спорта по боксу. Еще вчера — вполне успешный выпускник техникума, инженер межхозяйственной строительной организации, вполне благополучный муж и отец — сынишке Денису было всего два года. Сегодня... Сегодня он стал никем. И чего они набились в этот мотоцикл таким кагалом! Баловались, озорничали, лихачили...

Нелепые шутки за рулем ударили сразу по нескольким его приятелям: кто-то сломал руку, кто-то ногу. Больнее всего авария прошла по Андрею Загородских — перелом трех ребер, обеих ключиц, позвоночника, сотрясение мозга, вывих стоп, смещение коленной чашечки.

Эх, мальчишки-карагайчики!..

Сложенный буквально из кусочков, спаянный, свернутый, стянутый болтами, он ощущал себя древней колымагой, непонятно зачем и для чего восстановленной из металлолома. Три года Андрей просидел у окна. Молча. Тихо и смиренно (а может быть, просто тупо?) наблюдал он протекающую за окнами жизнь. Вот прошла баба с ведрами. Зачем ей ведра? В благоустроенной-то квартире? Знать, в огород направилась. А ему вот, видно, никогда уж не выбраться к грядкам. Как не любил он всегда эту работу — копать в огороде. А вот дай сейчас лопату, скажи: иди, Андрюха! Все участки бы, наверное, всем соседям перекопал. Если бы только за это ноги вернулись... Не вернутся.

Вон пробежали куда-то мальчишки. Чего бегут? Дураки. Ходили бы смирно, упадут где-нибудь, покалечатся, будут вот сидеть, как он.

Жена от него к этому времени уже ушла. Да не винит он жену! Понятное дело, какой из него сейчас мужик? Она молодая, здоровая...

Вон такая же молодая здоровая за окном идет, улыбается. Раньше Андрей непременно что-нибудь крикнул бы ей вслед. Какую-нибудь немудрящую шуточку. В крайнем случае, если б не нашелся, что сказать, петухом бы прокукарекал, промяукал чего-нибудь, чтоб вздрогнула. Просто так, из озорства. А сейчас чего озорничать-то?

Время от времени заходили друзья. Время от времени принимались его уговаривать:

— Ну что ты все в квартире сидишь? Давай мы тебя на улицу вытащим. Посидим, как обычно, на наших лавочках, посмеемся.

Он вспоминал: да, ведь было такое время. На лавочках этих они устраивали настоящий клуб. И Андрюха у них вроде вечного тамады. Или коверного клоуна. Весь вечер на арене! Ребята животики надрывали. Они, похоже, и сейчас-то зовут его не из жалости, а потому что и впрямь соскучились по его байкам, его юмору, его умению превратить в цирковое представление любое жизненное обстоятельство.

Любое?

— Не, ребята, не могу, — отпирался он. — Ну че я так пойду? Как раненый, блин. Инвалид. Вот если б у меня была коляска. Он думал, что нашел хорошую отговорку. Раз добыть новенькую коляску для инвалида и в городе-то непросто. А уж в селе Карагай...

Друзья прикатали ему сияющую "мазду" через несколько недель. Отпираться дальше было бессмысленно. Андрей сел за рычаги и...

И что дальше?

Треп с друзьями у ворот оказался шагом. Хотя и решительным, и первым, и весьма значимым, но — лишь одним шагом. За ним следовало делать следующие, если не собираешься снова оказаться у окна, бесцельно и бессмысленно созерцать дали.

И Андрей стал делать эти шаги. Как в спорте — каждый раз определял себе вполне конкретные цели.

"Съезжу-ка я в понедельник в наш комитет соцзащиты, — загадывал он себе в выходные. — Слышал где-то, что есть такие противополежневые подушки, очень хорошо против пролежней помогают".

От его дома до Карагайского комитета соцзащиты километров семь. Да все в гору. После такого путешествия он, бывало, поначалу падал от усталости. А ведь один визит к чиновникам, как известно, ничего не решает. Напомнить о себе надо и два, и три, и четыре раза.

Получив, наконец, возжеленную противополежневую подушку, Андрей говорил себе: "А не съездить ли мне в соцзащиту? Не попросить ли противополежневый матрас?" И — новая серия межкарагайских путешествий. Потом пришла очередь мечты о машине с ручным управлением, потом — гаража.

Потом он выяснил, что есть такая система Дикуля, позволяющая буквально творить чудеса. Он съездил в свою строительную организацию, где когда-то работал. К нему на дом прислали токаря-сварщика. По специальным чертежам, раздобытым через друзей-знакомых и официальные каналы, умельцы изладили ему приспособления не хуже дикулевских. Он начал ежедневно накачивать мускулы, чтобы привести себя в форму, в какой находился до травмы.

И привел! Нет, ноги двигаться у него, конечно, не стали. Но на ринг Андрей все-таки вышел! Вышел тренером в местной спортивной секции. Тренировал, сидя на своей коляске, вполне здоровых мальчишек. Они бегали за ним косяком. Увидев такое дело, к отцу потянулся и подросток Денис. Теперь он у него довольно частый гость.

Когда клуб «Приключения» по руководством Д. Шпаро вздумал провести марафон, маршрут которого пролегал через всю страну (Семипалатинск — Чернобыль), Андрея Загородских, единственного из всех пермских инвалидов, по рекомендации ВОИ включили в команду.

Ровно полгода потребовалось этим крепким парням, чтобы исколесить страну. В автобусах, как мы, в том марафоне не ехали. Конструкция спортивных колясок, на которых они "марафонили", такова, что позволяла проходить по семьдесят—восемьдесят километров в день. Собственно, и цели у того марафона были чисто спортивными: показать всем мужество, выносливость "людей на колесах".

Чего стоят эти выносливость и мужество, Андрей Загородских, похоже, знает лучше других. В том Семипалатинско-Чернобыльском марафоне он получил травму, открылись пролежни и нарывы. Его дважды оперировали, и, едва оправившись от болячек, он догнал команду.

...Когда я попыталась все же выяснить у Андрея Загородских секрет, вытянувший его из "комплекса инвалида" в нормальную жизнь, он сформулировал коротко:

— Надо себе конкретные цели ставить. На день. На месяц. На сезон. На год. В прошлом году я сказал себе: мне нужна баня. И построил ее. Осенью: надо вывезти навоз на огород. И вывез. Нынче вот говорю: зимой буду делать ремонт.

...Осенью на реабилитационное лечение в профилакторий "Энергетик" Андрей Загородских не приехал. Причины были вполне уважительные: надо картошку копать и собака вот-вот ощенится.

НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЕЦ

Здоровье красиво. "Красивая улыбка", — говорим мы про знаменитый голливудский оскал. А чем красива-то? Только тем, что все зубы здоровы. "Красивая сияющая кожа" — ага, значит, здоровая, без закупорившихся пор и воспаленных прыщиков. "Красивые волосы" — блестящие, без жирных сосуллек и ломкой сухости. Здоровые, короче говоря.

Человек здоровый может позволить себе быть некрасивым, небрежным. Неужоженным. Инвалид-колясочник позволить себе этого не может ни под каким видом. Небрежность моментально грозит обернуться неопрятностью, неряшеством, а некрасивость — уродством. Выглядеть уродливо не хочет никто.

— Я никогда не встану на костыли, — говорил мне, например, Володя Механошин. — Во-первых, это бесполезно. Во-вторых, по мне это некрасиво.

Некрасиво! Это определение из философии эстетов мне нигде не приходилось слышать так часто, как в обществе марафонцев-колясочников. Видимо, их мироощущение, замешенное на созерцательности (все-таки созерцательности, а не действию!), заставляет по-особому ценить такую "бесполезную в хозяйстве" вещь, как красота.

Ощутить красоту — это то небольшое, вернее, то чрезвычайно громадное, что судьба им оставила, ограничив список доступных человеческих радостей. Не потому ли, что список этот скуден, и приобретает такой солидный вес, такую особую значимость, способность насладиться красотой?

Вовсе не поэты в душе и не художники по призванию, марафонцы способны были подолгу любоваться пейзажами — каким-нибудь изгибом горной дороги между Чусовым и Горнозаводском, земляничинками на привальной полянке, закатом над теплым озером.

А может быть, подумалось еще, такая страсть к красоте — ну не то чтобы страсть, а усиленное, подчеркнутое внимание, — диктуется стремлением воссоздать, восполнить гармонию мира, нарушенную собственным увечьем?

Лучше виртуозно гонять на коляске, чем ковылять на костылях.

Лучше встать на полчаса, на час, на два раньше и отправиться на трассу в отглаженном костюме, с тщательно наложенным макияжем, чем показаться "мокрой курицей".

Когда наши ребята шли по трассе — все в одинаковых бело-голубых фирменных спортивных костюмах, голубых бейсболках, специальных белых кожаных немецких перчатках, чтобы не стирать до мозолей ладони,двигающие рычаги колясок, это было действительно очень красивое зрелище. Бело-голубые машины дорожной инспекции, обрамляющие нашу колонну, бравурная музыка, звучащая из динамиков, улыбки на загорелых лицах, вскинутые в приветствии руки... Ну ровным счетом ничего, что напоминало бы об увечности этих людей, их физической ограниченности. Наша колонна напоминала гонщиков какой-нибудь "Формулы-1", усаженных на невиданную еще технику.

Не случайно во всех городках, селах и поселках, где мы появлялись, к обочинам шоссе стекались местные жители. Прежде всего, конечно, мальчишки на велосипедах. И надо было видеть, как мчались они, почетным эскортом окружив коляски, посверкивая спицами, как охотно бросались на помощь марафонцам при малейшей, даже кажущейся необходимости.

Доброе сердце у нашего народа? Да, конечно, но не только, не только в этом дело! Было, было в ребятах-марафонцах нечто такое, к чему хотелось приобщиться. Некая притягательность обаяния, волнующая аура красоты.

Как в киверах гусар, входящих в уездный город...

Волонтеры – значит добровольцы

Я уже говорила, что помогали инвалидам студенты-волонтеры. Красивое иностранное слово переводится на русский язык просто – "добровольцы". На Западе "волонтерами" называют тех, кто бескорыстно участвует в опеке (или развлечении) стариков в домах призрения, в дежурстве на телефонах доверия и в других благотворительных миссиях.

В процессе подготовки к марафону организаторы поняли: без молодых и здоровых, способных поднять, усадить, подсобить и т. д., колясочникам многокилометровый путь не одолеть никак. Взор (а потом и клич) был брошен на факультет физического воспитания Пермского педагогического университета. Просили ребят-старшекурсников, желательно покрепче, "поздоровше", ну и двух девушек. Не для компании – просто уже знали, что в коллективе марафонцев будут две женщины, и помочь им справиться с бытовыми проблемами девушкам было бы сподручнее.

Как это нередко у нас случается, клич дошел до адресата в совершенно искаженной форме. Дошел он, во-первых, не до того адресата. Предложение принять участие в марафоне передали студентам не "физвоза" (факультета физического воспитания), а физфака (факультета, на котором готовят учителей физики, а не физкультуры, и где публика с гораздо менее накачанными мускулами).

Во-вторых, студентам объяснили, что помощь их нужна будет детям-инвалидам:

– Ну там развлечь, попеть-поиграть, занять чем-нибудь увлекательным. Поэтому желательно, чтобы ребята были творческие, с огоньком.

Ольга Волкова, Андрей Чиграков, Саша Пермяков, Коля Селин, Дима Абанькин, Ирина Чупина – тогда третьекурсники физфака, друзья и приятели, составляющие одну компанию, — решили приглашение принять. Мотив был простой: это зачтется как педагогическая практика, так лучше две недели повыступать с пеньем и играем перед детьми-инвалидами, чем полтора месяца торчать в пионерлагере, днем и ночью нести ответственность за оставшихся без родителей тинэйджеров. К тому же, студентам сказали про путешествие по области: аж двенадцать городов и районов! Интересно посмотреть.

Когда волонтеры явились в областное правление общества инвалидов, изумлению той и другой сторон не было предела.

— Какие песни, ребята? Какие игры-развлечения? — удивились в правлении. — Горшки! Биотуалеты! Баня! А грубая мужская сила будет нужна в первую очередь. Семь колясочников — это значит семь колясок. Нет, больше. У кого-то с собой две — комнатная и "рычажка", на всякий случай берем с собой и запасные. В автобус погрузить, из автобуса выгрузить, коляски отдельно, марафонцев на руках. По лестницам поднять — кое-где придется на второй этаж: дома без лифтов, без пандусов. Ну, а на этапе — это, значит, когда марафонцы своим ходом, на колясках, идут по шоссе, — бежать рядом, чтобы всегда можно было подстраховать, если что... Впрочем, гитару, конечно, тоже возьмите с собой. Пригодится.

Они переглянулись. Они подумали. Справедливости ради надо заметить, раздумывали ребята совсем недолго. И — согласились. Поехали!

Не знаю, что сказалось тут в первую очередь. Быть может, юношеский авантюризм, замешанный на любопытстве: что такое летний загородный лагерь, все представляют достаточно отчетливо, а вот что такое марафон на инвалидных колясках...

Может, повлияли на выбор ребят благородные мотивы, сознание своей нужности, необходимости, ведь это, черт возьми, действительно очень приятно сознавать, что без тебя "тут ничего бы не стояло".

А может, личный опыт... Во всяком случае, когда на третий или четвертый день марафона я попыталась заговорить с ними об этом, у многих нашлось что сказать. У кого-то бабушка, перенесшая инсульт, долгое время лежала парализованной ("И я помню, как было трудно всем, как ее болезнь всех измучила, какой она была беспомощной

и как я ничем не могла тогда ей помочь"). Чувство вины? Желание хоть здесь, хоть сейчас воздать недоданное когда-то тому, кто в нем особенно нуждался?

У кого-то инвалидом является отец ("Только не таким, не колясочником, а с головой у него не все в порядке, спился совсем. Честно говоря, я так от него устал"). И тем не менее решился сюда? ("Отдыхаешь от смены деятельности. А тут – смена диагнозов").

Так или иначе, но ни один из волонтеров ни разу не пожалел о том, что отправился в этот марафон. Хотя упихивались ребята, что называется, вусмерть. Особенно в первые дни.

Это ведь только легко написать - погрузить-выгрузить. На самом деле процесс погрузки (особенно вначале) занимал не менее сорока минут (к концу марафона стали управляться за десять-пятнадцать минут). Столько же выгрузка. В день таких процедур не менее шести, то есть три раза погрузить-разгрузить. А в иные дни доходило и до десяти. Кроме того, обязанностью студентов было следить за техническим состоянием колясок, вовремя подкрутить что надо, подкачать колеса. Отдельный разговор - размещение, подъем по лестницам и сопровождение в туалет.

Кстати, о туалете. Когда выяснилось, что женщин в команде марафонцев не две, а три, а студенток-волонтерок всего две, Зинаида Викторовна переполошилась было: подразумевалось, что за каждым колясочником будет закреплен свой волонтер.

Но жизнь показала - это вовсе не обязательно. Во-первых, помогать человеку с парализованными ногами удобнее не в одиночку, а вдвоем. Во-вторых, в процессе прохождения марафонской дистанции все настолько сблизилось и прониклось проблемами друг друга, что действительно стали напоминать одну семью. И никого уже не удивляло и не шокировало, когда Коля с Сашей на руках доносили, предположим. Веру до кабинок женского туалета, а Оля споласкивала "мальчишковые" спецбаночки.

В обязанность волонтеров вовсе не входило присутствовать на заседаниях "круглого стола". Для них это были те редкие часы и минуты, когда можно отдохнуть, подремать в салоне автобуса (все наши волонтеры жутко не высыпались. Ну еще бы! Ведь кроме основательных физических нагрузок, гулянье, провожанье и пенье под луной тоже, как говорится, имели место быть. Как же без этого в двадцать-то лет?).

Так вот, ходить на "круглые столы" волонтерам в обязанность не вменялось. Но и не возбранялось, само собой. Впервые я увидела ребят на "круглом столе" в Гремячинске. После Горнозаводска они не пропускали уже ни один.

А в Березниках впервые взяли слово.

Впрочем, больше поразило другое. Кроме команды волонтеров, марафонцев обслуживала группа сопровождения автоинспекции, четыре милиционера на двух машинах с сиренами и мигалками... Ну это, понятно, народ особый. В том смысле, что кланяться они не привыкли, привыкли, скорее, к обратному, чтобы им то есть кланялись. Жесткий народ, не склонный к сантиментам и особой чувствительности. Они и внешне вполне соответствовали этому образу - молодые, спортивные. Особенно эффектно смотрелся на фоне всех наших колясок их глава. Чуть было не написала — главарь, и это, пожалуй, не было бы оговоркой.

Лейтенант Игорь Коломиец и в самом деле (не только по званию, не по одной лишь должности) верховодил в этой команде. Явно неформальный лидер, он был замечен за версту - представьте себе детину ростом два метра и весом в сто килограммов (между прочим, параметры эти я уточняла у него специально).

И вот этот ироничный, насмешливый Игорь Коломиец, озабоченный, как мне казалось, только одним - поточнее (и поскорее!) довести команду до места сопровождения, на второй день начал помогать укладывать и ремонтировать коляски. На четвертый - "для променаду" - выходил на шоссе потолкать подуставшего в "рычажке" инвалида.

На седьмой гайшники устроили марафонцам потрясающий пикник с шашлыками.

А на одиннадцатый Игорь Коломиец пришел на "круглый стол" и взял слово. Он говорил про статистику дорожного травматизма ("любой из нас, здоровых, завтра может оказаться в положении колясочников") и необходимость специальных разрешающих знаков для инвалидов-автолюбителей, он требовал, чтобы власти добивались у владельцев частных стоянок бесплатного места для автомашин инвалидов.

А по возвращении в Пермь, спустя неделю, он счел своим долгом прийти и на пресс-конференцию участников марафона с журналистами.

Спустя полтора месяца, оказавшись вновь по служебной надобности в Березниках, постарался навестить Веру Чугайнову и Леночку Габаеву, проживающую аж в Боровске! Ни для чего - просто чтобы увидеть, узнать, как их настроение, а вернувшись в Пермь - отрапортовать об увиденном Вере Ивановне Шишкиной. Все-таки дисциплина, что вы хотите!

Ну, а что касается волонтеров... Они не пропустили после марафона ни одного сбора его участников, где бы он ни проходил — в приемной областного комитета соцзащиты, в кабинете у вице-губернатора, в профилактории "Энергетик", куда осенью участники летнего марафона были собраны на реабилитационное лечение. Студенты даже навещали марафонцев-пермяков дома.

А Оля Волкова однажды призналась:

— Мы теперь совсем по-другому по улицам ходим. Все ступеньки считаем, и есть ли поручни, и как можно объехать бордюр, смотрим тоже. Вот такая привычка образовалась.

Они, конечно, не станут градостроителями, наши милые волонтеры-физики. Но разве не ради этой вот "привычки", не ради того, чтобы образовалась она в умах и сердцах дорогих наших сограждан, и затевался весь этот марафон?

Коляска против велосипеда

В Соликамске марафонцев выкатились приветствовать ребята на велосипедах.

Все они занимаются в местном клубе велосипедистов. Сами мастерят причудливые конструкции, сами ездят с ними на соревнования. Сергей Иванович Санников, который руководит этим клубом уже много лет, рассказал, что в 1990 году на Всероссийских соревнованиях они заняли первое место. Впрочем, используют ребята эту технику и по другому назначению — ходят, например, на велосипедах в походы, помогают этими "тележками" родителям по хозяйству.

На центральной городской площади как-то сами собой устроились настоящие импровизированные соревнования — мальчишки-велосипедисты и колясочники. Потом велосипеды оседлали наши студенты-волонтеры. Потом местные спортсмены-велосипедисты попросились "поругать", сев за рычаги запасных инвалидных колясок, которые у нас с собой были.

"Какое кощунство! — может воскликнуть иной читатель. — Экое бесстыдство — инвалидную технику на потеху ребятам предложить".

Быть может, скажи мне об этом два дня назад, и я сама восприняла бы эту игру так же. На грани фолла развлечение. Но там, на площади, в гуще молодых, разгоряченных лиц, это все выглядело совсем по-иному. Даже не выглядело — ощущалось.

По-моему, именно в таких вот шуточных "обменах ролями" и происходит настоящее узнавание, стирание грани между человеком на двух ногах и человеком на коляске. Уже сама возможность сесть на низенькую, причудливо собранную двух-трехколесную технику и посмотреть человеку глаза в глаза, на одном уровне, а не с высоты собственного роста, не из окна автомобиля, дорогого стоит.

Еще отчетливее ощущаешь, как точно звучат слова девиза "Смотри на меня, как на равного", когда видишь за рычагами двух соседних колясок инвалида и здорового. Первый кажется таким ловким, таким уверенным рядом со вторым. Не правда ли, по-

учительное психологическое упражнение? Главное, весьма эффективно излечивает от бациллы "расизма здоровых".

"Ах, нет! Я этого не вынесу..."

Одна знакомая рассказывала:

— Не могу видеть молодых инвалидов — сразу плакать начинаю, ну хоть ты что со мной делай. Недавно на рынке парень, молодой парень, сидит — обеих ног нету. Я подошла, пятерку ему подаю, а у него и вместо рук-то культы. Ему монетку даже взять нечем. Уревелась вся!

Слышала я и другую мотивировку этого самого "не могу видеть инвалидов", прямо противоположную. Чужое несчастье, дескать, вещь заразительная, нельзя долго общаться с убитыми горем, с больными, с убогими, со страдающими и переживающими. Почему? Кто-то отвечает: "И сам таким будешь". Кто-то — опять же с точностью до наоборот: "А потому, что собственное благополучие начинает тяготить, кажется не нормой, а патологией".

У этих, на первый взгляд таких разных, мотивов в сущности одна подоплека. Это то самое, что Стефан Цвейг назвал "нетерпением сердца" (хотя точнее, по-моему, было бы перевести как "нетерпеливость", "неумение терпеть").

Наше сердце, наша душа не выносят тягости сострадания. Как, впрочем, и тягости благодарности. Благодарность — ответ на сострадание. Как часто эти чувства разводят двух "адресатов" именно потому, что ни тому, ни другому не хватает терпения души, чтобы вынести их, достойно пережить.

Вспомните сюжет цвейговского романа. Дочь богатого помещика Эдит страдает последствиями полиомиелита, она с трудом передвигается на костылях. Юный офицер, по случайности оказавшийся на большом приеме в доме ее отца, допускает бестактность: не заметив инвалидности девушки, он приглашает ее на танец. Следует бурная сцена с истерическим припадком. Затем не менее бурные извинения. Затем нежная дружба, замешенная на сострадании юноши...

Именно дружба. Именно на основе сострадания. Ведь понять, ощутить, почувствовать муки другого, как свои, — это значит не только понять и возвысить его. Это также — понять и возвысить себя. Цвейг очень точно описывает новые ощущения жесткой, привыкшей к регламентируемой дисциплине души. Она расцветала, как бутон, она наполнилась ликованием счастья — от одного сознания своей способности к милосердию, от переживания высоких, не испытанных до этого чувств.

Похоже на любовь? Может быть. Как похожи на любовь вообще все сильные чувства в этом мире — и восхищение красотой, и нежность, и ревность, и обида, и понимание, и зависть, и сочувствие...

Эдит полюбила офицера. Он ее — нет. Сначала ему показалось кощунственным само это притязание: "Разве ТАКИЕ могут любить? Разве имеют на это право?"

Но отец девушки, и вся ее родня, и доктор, мудрый, все понимающий философ-доктор, сам в свое время женившийся на своей слепой пациентке, постепенно, порой того не желая, втягивают офицера в опасную игру: "Не отвергай! Не признавайся! Ну еще чуть-чуть поддержи в ней эту теплящуюся иллюзию на взаимность. Правда убьет ее".

И юноша играет. И мечется, запутываясь в оттенках сложных, противоречивых чувств. И уже сам начинает почти верить, что из сострадания должен полюбить. И готов жениться. И объявляет о помолвке.

Кончается все это трагически. Он удирает, не выдержав вранья. Потом спохватывается, телеграфирует, что вернется. Но поздно. Поняв, что так и не смогла стать настоящей любимой, Эдит разбивается насмерть, бросившись с башни замка.

Литературоведы и моралисты, комментируя психологические коллизии романа, во все времена склонны были относить упрек в "нетерпении сердца" прежде всего глав-

ному герою, офицеру. Мол, не хватило у него нравственных сил, чтобы всего себя посвятить спасению несчастной девушки.

Мне же кажется, что упрек в нетерпении сердца относится к ним обоим. Нетерпение двух сердец. Его, не сумевшего вынести — нет, не тягости ухода за больной, а тягости дружеского сострадания, противопоставленного безответной любви. Ее сердца, не сумевшего довольствоваться малым. Свернуть на тропку любви оказалось проще, чем удержаться в границах "благодарность — сострадание". Нетерпение сердца, нетерпение сердец, не желающих осваивать новые территории новых чувств.

Когда сегодня я перечитываю этот роман, глядя на него через призму состоявшегося марафона, мне хочется сказать словами Веры Ивановны Шишкиной. Эдит нужна была не медицинская, а социальная реабилитация. Зацикленность на своей болезни, точнее, на страсти к исцелению, на одной-единственной, но не осуществленной надежде, изуродовала ее характер, ее личность, всю ее систему чувств. Причем не только ее — ее близких тоже. Что за глупость — полагать, будто любят только здоровых, красивых, тех, кто без костылей и протезов? Что за трагедия — безответность первой любви?

Помнится, как в одном из фильмов в ответ на отчаянное признание сына: "Папа, она меня не любит! Ну что мне делать?" — отец отвечает одним словом: "Страдать".

Но страдание страданию рознь. Страдать от горечи неразделенной любви — это столь же нормально и естественно, как наслаждаться, дышать, жить. И все мы — больные и здоровые — прошли через страдания безответного чувства. Ах, если бы Эдит кто-нибудь смог вовремя объяснить это! Если бы ее жизнь не ограничивалась одним поиском чудесных снадобий и методик лечения! Если бы она захотела, создала условия (а при богатстве и могуществе ее отца такое было бы вполне возможно) для общения не с одним-единственным случайным офицером, а с самыми разными людьми... Кто знает, быть может, среди обширного круга знакомых и нашелся бы кто-нибудь, кто полюбил бы ее по-настоящему, подлинной, не из сострадания слепленной любовью.

Герой С. Цвейга, перечитывая, чтобы хоть чем-то унять свое смятение, "Тысячу и одну ночь", натывается на притчу про джинна. Этот джинн в облике беспомощного хромого старика лежал на дороге в пыли, вызывая помочь ему двинуться с места. Один прохожий согласился, посадил его себе на плечи. И тогда старик обернулся злобным джином и навсегда — навсегда! — оседлал беднягу, заставляя его выполнять все свои прихоти.

Как часто ограниченные в своих физических возможностях люди становятся вот такими джиннами для близких! И не из страха ли перед такой перспективой сильные и здоровые отсекают себя в своих благих порывах? Сделаю, мол, доброе дело, а мне потом на шею сядут. А не готов шею подставить — в подлости обвинят...

Я это к чему? К Славику. К тому, что мороженка не подлость. Жизнь дарит человеку и крупные подарки, и сущие безделицы. Так стоит ли, ожидая лишь крупных выигрышей, отказываться от милых мелочей? Не лучше ли (не легче ли!) принимать их! С благодарностью. И расточать. По мере сил.

Университеты

Я помню, на одном из "круглых столов" Андрей Загородских как-то оговорился: "Когда рядом с тобой взрослые люди..." Потом, в других ситуациях, уже после марафона, я не раз слышала от колясочников что-то подобное: "Я подъехал, а там взрослые люди"...

Самому Андрею за тридцать, но, видимо, вот этот взгляд вечно сидящего человека, всегда снизу вверх, заставляет спинальника подсознательно чувствовать себя ребенком. Ребенком во враждебном взрослом мире, мире, устроенном взрослыми для взрослых.

Володя Механошин как-то проговорился: самым трудным преодолением барьеров в обживании его нового, "колясочного" образа жизни был именно этот "угол зрения". Всегда снизу вверх.

— Особенно, когда женщина подходит — так и тянет вскочить, ну, неудобно же! Не могу сидеть. А не вскочишь.

Потом он привык. Но способность совершенно по-детски радоваться жизни, радоваться даруемым ею мелочам, детская способность подмечать детали у колясочников развита по-особому.

Быть может, дело в том, что человек, получивший такую, как Андрей, Людмила, Володя, Гриша, серьезную спинномозговую травму, и впрямь измеряет свою жизнь двумя? И в этой, новой жизни Андрею всего пять лет, Грише Вотинову — три, Володе — девять.

— А ты как думала? Конечно! — смеялся он. — И все этапы проходишь заново: сначала грудничок — лежишь в пеленках, и кормят с ложечки, потом ползунок — осваиваешь жизнь на четвереньках.

— А сейчас?

— О, сейчас я уже грамотный, начальную школу окончил. Людмила вон — университет...

Да, у каждого из нас свои университеты.

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПРАЗДНИКАМ

В тот день, когда мы въезжали в Кунгур, у ледяной пещеры в туркомплексе "Стагмит" заканчивался молодежный республиканский песенный рок-фестиваль "Рок-лайн-98".

Марафонцы радовались:

— Хотя конец концерта успели послушать, самые хиты!

Не уверена, что среди нас были такие уж рьяные поклонники рока. Среди студентов-волонтеров — может быть. Но среди инвалидов?.. И все равно они рвались на этот фестиваль. Как рвались в Лысьве на спектакль в городской театр. А в Чусовом — на экскурсию по музею реки Чусовой. А в Соликамске — в местные храмы, преобразованные в музеи, и на художественную выставку, развернутую в одном из них.

Потом я поняла почему. Ребятам просто хотелось прикоснуться к атмосфере большого праздника, подышать ею.

В конце концов (то есть именно это самое главное!) не так часто доводится им участвовать в подобных мероприятиях. А рок или классическая музыка, политическая демонстрация или народное гулянье, театральная премьера или вернисаж — не так уж важно.

— А вечером пойдем на танцы! — сказал Володя Механошин и кивнул на ровный круг танцплощадки, вымощенный каменной мозаикой, когда мы осматривали достопримечательности лысьвенской базы отдыха "Сокол".

Я думала, он шутит. Вежливо похихикала в ответ. Оказалось, хихикала напрасно. Вечером и впрямь инвалиды потребовали танцы. Точнее, они их сами и организовали, в два счета уговорив изумленного директора базы установить на эстраде аппаратуру и подключить освещение.

Танцуют колясочники так. Этой фразой я хотела начать следующий абзац, описывающий (для тех, кто не видел, конечно) технологию инватанцев. А потом подумала: фраза-то неверная. Инвалиды, как и все нормальные люди, танцуют по-разному.

Володя Механошин, например, в прошлом завсегдатай танцплощадок, выписывает головокружительные пируэты, установив коляску на два задних колеса и удерживая ее в этом положении собственным весом. Особенно ему удаются вальс и всякие ритмичные композиции вроде латиноамериканских танцев. Не отстает от него и Гриша Вотинцов — не зря он только что прошел школу управления коляской активного типа.

Юра Гладких, встав на закованные в аппараты ноги и поддерживая себя в вертикальном положении "канадками" (опираться на них можно локтями, оставив руки свободными), положил ладони на плечи Зои Васильевны Трошиной (когда это она успела его пригласить? Или он ее?). Мерно покачиваясь, они удивительно напоминают ностальгическую картину моей юности. Так "топтались" на танцплощадках в конце 70-х.

Прелестны наши девушки. Люда Трубникова, взметнув руки, играет всем телом. Плечи, шея, спина, каждая клеточка, все, что способно шевелиться, у нее поет и танцует. Рядом Вера Чугайнова. И хотя коляски у обеих стоят неподвижно, кажется, они исполняют на пару какой-то древний языческий танец. Настолько слаженны их движения, настолько подчинены обе какому-то общему внутреннему ритму.

А волонтеры резвятся вовсю. Все оттенки модных нынче поп-, рейв- и технорока идут у них в ход.

Вокруг — в немом изумлении — застыли редкие обитатели "Сокола": медсестра, что нас встречала, девочки-подавальщицы из столовой.

— Ну чего вы тут вытаращились? Людей не видели, что ли? — попробовал было "навести приличие" кто-то из местной администрации.

— Не надо, — остановил Володя Механошин. — Для всех же танцы. Вы разрешите вас пригласить?

Он сказал это, лихо подкатив на своих двух колесах к симпатичной медсестре. Она засмушалась, заотнекивалась. Но он, конечно, добился своего.

Оказывается, здоровому танцевать с колясочником совсем не сложно. Надо лишь слушать ритм и не бояться импровизировать.

У Зои Васильевны с Юрой, который уселся в свою коляску, получился, например, целый спектакль. Прямо-таки инсценированная песня. Им аплодировали.

— Володь, — осторожно спросила я потом у Механошина, — а тебе не мешают зрители? Ну вот что смотрят, как на диковинку. Неприятно ж, наверное, а?

Он засмеялся:

— Очень даже приятно. Люди зачем на танцы приходят? Себя показать, других посмотреть. Вот пусть и смотрят на здоровье.

Он устроил зрителям настоящий спектакль. Честное слово, это было изысканное зрелище.

До Губахи мы не доехали: жить нам предстояло в пионерском лагере "Чайка". От широкого шоссе — асфальтированная дорожка. А вдоль нее... Вдоль нее до самых ворот стояли дети с цветами, они махали нам, кивали, тянулись прикоснуться к коляскам и улыбались: "Здравствуйте!"

"Здравствуйте, мы вас ждем, добро пожаловать!" — шелестело вдоль дороги.

Понятно, ребятишек так научили. Но из всех отрепетированных приветствий это, пожалуй, было самым приятным, самым сердечным, самым ласковым. То, что мы увидели час спустя наверху, на втором этаже, и вовсе превзошло все ожидания.

Представьте себе шикарно накрытый банкетный стол.

— И это все... нам? Для нас? В честь нас? — недоумевали марафонцы.

И тут впервые, глядя на заблестевшие глаза ребят, я поняла, как не хватает им настоящих праздников. Вот таких парадных столов, многолюдных тусовок, тостов и речей. Да, от шумихи светской жизни быстро устаешь. Когда она в изобилии. Но без нее... Без нее, наверное, невозможно почувствовать себя полноценным человеком. Сполна ощутить и прелесть уединения, и радость тихого общения узким кругом, и наслаждение любимым делом.

Праздники — в том числе и такие, пышные, шумные, с буйным смехом, застольным хором и танцами, — должны быть в каждой человеческой жизни. И именно такой праздник устроили марафонцам хозяева губахинской "Чайки".

Так совпало — в этот день отмечала свои именины Людмила Трубникова. Ей вручали сонеты и букеты, дружеские шаржи и духи, каких только шуточных подарков и вполне серьезных предметов не преподнесли!

Среди всех дифирамбов, прозвучавших в ее честь, мне запомнился один:

Пусть угораздило разбиться.

На трассе — райская жар-птица!

Летит, сияя, как комета,

Вся в восхищенных взглядах света.

Выносливей коня, осла, верблюда...

Ну, догадались? Это — наша Люда.

А потом на импровизированную сцену — пятачок перед накрытым столом — выходили местные таланты. А потом и инвалиды не удержались — и песни и танцы пошли уже в общем исполнении.

Андрюха Загородских до того растрогался, что, выбравшись на "сцену", стал публично объясняться всем в любви, вспоминая собственное "босоное детство" и застолья в родительском доме. Его едва спровадили спать...

После полуночи прибой общего гуда стал стихать, общество разбилось на группки, на компании, на пары.

Где-то звучала гитара, где-то полился неспешный разговор за жизнь...

Одним словом, это был хороший вечер.

На широком балконе, когда все уже улеглись, мы остались маленькой компанией. Над темным лесом, где только что догорел закат, уже теплилась полоска рассвета.

В такие ночи хочется читать стихи, петь негромкие душевные песни или говорить о любви. О ней и говорили.

...Подняться на следующее утро было довольно трудно. Но — график есть график! — через пару часов нас ждут в Кизеле. Скорый завтрак, улыбки новых друзей, шуточки по поводу событий вчерашнего банкета.

Наконец колонна построена. Как всегда, у кого-то проблемы с коляской (колесо спустило), у кого-то спешные дела в придорожных кустах. Медики (тоже как всегда) обходят марафонцев с расспросами. Андрей, чувствуя, видно, что слегка переборщил вчера со своими выступлениями, от смущения начинает капризничать:

— Ой, мне давление померяйте, пожалуйста. Ой, да-да, я чувствую — прямо такое большое, огромное, непосильное, можно сказать, у меня давление.

Врач послушно берет тонометр, жмет на грушу. Андрей притаил дыхание. Оглянувшись, замечаю — точно так же напряженно, следит за ходом этой процедуры вся наша кавалькада. Наконец врач вынимает из ушей трубочки фонендоскопа:

— Сто десять на семьдесят.

Команда взрывается хохотом. А волонтер Коля Селин, только что торопливо и истоково накачивающий колеса Вериной коляски, бросив насос, азартно переспрашивает:

— Сколько? Сколько?

Словно жить не сможет, не узнав цифру Андрюхиного давления.

И вот тогда я впервые подумала: "Мы — команда. Точнее, даже нет. Мы — единый организм. Мы — тот самый социальный оптимум, который, по идее, должен складываться вокруг больных и здоровых, сильных и слабых, смешных и серьезных..."

«А может, сменить угол зрения?»

Вечером в холле березниковской гостиницы празднуем очередной день рождения — Веры Чугайновой. Естественно, гитары, песни, анекдоты из жизни...

Засиделись за полночь. Мимо нас раз, другой прошла крашенная блондинка. Наконец остановилась, явно хочет что-то сказать.

— Мешаем? — вскинулись ребята. — Вы уж спать, наверное, легли, да? Мы сейчас разойдемся...

— Да нет, что вы! Что вы! — замахала руками. — Просто я это... Можно тоже с вами посижу?

Оказалось, барменша со второго этажа. Сбегала за стулом, принесла бутылку шампанского. Предложила тост: "За жизнь!". И разговорилась:

— Знаете, ребята, я так живу поганно. Вчера вот у меня гараж завалился. Я шабашников наняла гараж строить, а он завалился. Зуб сегодня утром сломала. Да что ж это такое, думаю, не жизнь — сплошное гадство? Сына одна рашу, с мужем развелась, а женихов больше нету... Доллар растет, рубль падает... А на вас погляжу — вы такие счастливые, будто и не в нашей стране живете. Слушайте, может, мне тоже надо на коляску сесть, чтобы порадоваться жизни?

Мы посмеялись тогда все вместе, а потом не раз — и мысленно, и в разговорах — возвращались к этому случаю. Есть, есть что-то такое в этом взгляде из коляски, что заставляет по-иному оценивать жизнь, чему невольно хочется научиться...

В Березниках, после деловых встреч с местными инвалидами и делегацией ВОИ из Красновишерска марафонцев порадовали прогулкой на парходике по Каме. Парходик этот принадлежит Клубу юных речников, и обслуживают его — весь, от и до, — сами ребята.

Отойдя несколько миль вверх по Каме, наш пароходик притулился у скромной пристани — не у пристани даже, у бережка, на который сбросили трапы. Все высыпали на палубу. А на высоком обрывистом берегу, как на сцене, для нас устроили настоящее представление.

Оказывается, дети из расположенного неподалеку спортивного лагеря ждали нашего приезда. И сейчас, на глазах у изумленной публики, демонстрировали показательное выступление — акробатические этюды и игры с мячом, спортивные единоборства и эстафеты.

Игорь Коломиец не выдержал:

— Ну-ка, дайте я им тоже кое-что покажу! Выбравшись на берег, он азартно, как мальчишка, демонстрировал какие-то удивительные фокусы с мячом.

— Э-эй! Не забудь там сказать, что ты — наш, из инвалидной команды! — кричали марафонцы двухметровому стокилограммовому Игорю.

...А вместо ужина поехали на пикник с шашлыками, затеянный гаишниками. И был закат, описать который просто невозможно, потому что не в оттенках зари и не в озерной ряби дело. И был костер, на который я порой люблю и сейчас, когда после марафона минуло уже столько времени: наши "фотомыльницы" так явственно и точно увечили это сияющее пламя! И сияющие лица вокруг него.

И были тающие во рту, с хрустящей корочкой, нежнейшие кусочки мяса на шампурах ("Ребята, ну кому еще? Ведь пропадет добро!"). Удивительно — и когда эти ловкие парни умудрились наготовить шашлыков на такую ораву? И были дикие танцы на дилом берегу под магнитофон. И тихие объяснения под гитарный перебор струн. И еще что-то, что не описать словами и не пересказать, но что и составляет, наверное, суть настроения. Мы все в этот вечер были юны, влюблены и здоровы. И — счастливы.

Портрет марафонца. Вечер с Володей Механошином

Пойдем, погуляем по городу, — предложил Володя Механошин. — Не боишься?

Сначала я даже не поняла, о какой "боязни" он говорит. Подумала: действительно, Березники — город серьезный, транспорта на улицах много, а мы вдвоем, без милиции, без волонтеров, без сопровождения. Случись что — и помочь-то некому.

— Если упадешь с коляски, Володя, — начала осторожно, — так и знай, мне тебя с поля боя не вынести.

— Да я не о том, — усмехнулся он в пшеничные усы. — Стесняться-то не будешь?

Не буду? Я не знала. Честно, искренне не знала, что буду испытывать я — резвая, общительная, уверенная в себе, — когда окажусь на улице в паре с инвалидом. Прелестным июльским вечером. Вдвоем с кавалером. На коляске.

Это была незабываемая прогулка. С одной стороны, мне все время хотелось Володю подстраховать. Так и тянуло схватиться за ручки коляски перед светофором, или на проезжей части, или когда дорога поворачивает в гору.

— Отпусти, — жестко и коротко приказывал он, немедленно остановившись. — И иди с этой стороны, подальше от машин. Все-таки я — мужчина.

— А на плечо, Володь? Ну хоть на плечо руку можно положить? — канючила я, испытывая инстинктивный страх оттого, что он сейчас во что-нибудь врежется или кто-нибудь на него налетит.

Милостиво соглашался:

— Ну, на плечо можно. Будто мы с тобой под руку идем. Слушай, а что это у тебя вообще за страсть к гиперопеке?

Да если бы только у меня!

Сколько раз замечала: стоит инвалиду появиться где-нибудь в людном месте — и все принимают судорожную и напряженную стойку баскетболистов на площадке. Словно боясь, что вот-вот он "бросит мяч", то есть что-нибудь уронит, заденет, упадет. Его начинают страховать и поддерживать так, что колясочнику становится тошно.

— Я сам, — говорит в таких случаях Володя Механошин. Говорит спокойно и внушительно, а чтобы смягчить резкость тона, добавляет с очаровательной улыбкой:

— Если надо, я попрошу. Хорошо?

Кстати, просить тоже надо уметь. У Механошина это выходит блестяще. Однажды при мне Володя "загрузил" в трамвай (!) трех колясочников. В другой раз мгновенно сагитировал мужиков снести его с трех десятков крутых ступеней, ведущих к стадиону.

— Понимаешь, — объяснял он мне, — у людей не надо одалживаться. Надо их просто пригласить сыграть в забавную игру. Или как бы доверие оказать.

Наверное, и впрямь у современных мужчин не так уж много арен, где они могут продемонстрировать свою мужскую состоятельность. Во всяком случае, те, кто поднимали Володю в трамвай или на ступеньки, заметно оживлялись после такой работы. Глаза мужиков загорались, плечи распрямлялись, и уходили они, гордо поигрывая мускулами.

А в Березниках мы с Володей брели по улицам и хохотали.

— Знаешь, — говорила я ему, — у меня ощущение, будто выгуливаю большого сенбернара. Голова лохматая, руку, замирая от собственной храбрости, держу на загривке. А он вдруг...

— ...Ка-ак тяпнет! — резко оборачивался Володя, поддерживая шутку.

Встречный мужчина на костылях остановил нас у винного магазина.

— Спасибо, брат, — протянул он руку Володе. — Я сегодня на вас посмотрелся — хорошо вы живете, молодцы. Так держать!

Вдруг его умиленный, чуть пьяненький взор обратился ко мне:

— Только ты не бросай его, ладно? Не бросишь? Обещай!

Ну что мне оставалось делать?

— Нет! Нет, конечно! Вы что? Обещаю! — заверила я мужичка.

Отойдя, мы долго молчали.

— Ну, извини, — сказал Володя. — Ну что? Надо было ему все объяснять? Это, дескать, не жена. Жена у меня верная, хорошая, дома осталась, а это меня просто так девушки любят?

Мы посмеялись. Противиться Володиному обаянию действительно было невозможно.

Помню, как в Губахе мы до утра проговорили о смысле жизни. Втроем: Володя, я и начальница лагеря Наталья Перцева.

— Откуда в тебе такая уверенность, Володя? — все допытывалась она. — Такое внутреннее спокойное достоинство? Рядом с тобой себя действительно слабой женщиной чувствуешь. Хотя вроде должно быть наоборот.

И он рассказывал нам про аварию, в которую попал около десяти лет назад. Ехал с приятелем на мотоцикле, не справился с управлением. Понял, точнее, почувствовал, что на повороте упадут и рычащий железный зверь рухнет прямо на них. "Прыгай!" — приказал Володя. И они прыгнули. Оба. Приятель даже очки не разбил. И на теле — ни одной царапины.

У Володи, впрочем, царапин тоже не было. Только — перелом позвоночника. И полный разрыв спинного мозга.

У него была красивая профессия — строитель. И несомненный организаторский талант. Незадолго до травмы он добровольно перешел из прорабов в бригадиры. Через три месяца ему должен был исполниться 31 год. Возраст молодости. Возраст зрелости. Возраст вершины. Он встретил его в больнице.

А рядом — верная жена Рита, которая знает его, кажется, всю жизнь. С которой росли на одной улице, в соседних домах. Которой вдруг ни с того ни с сего он стал когда-то писать из армии подробные, душевные письма. (Почему ей? Ведь провожала на службу его совсем другая девчонка. Да и у Риты были другие поклонники.) Но именно ее первую встретил он, вернувшись из армии домой. Три года в Морфлоте, в экипаже

подводной лодки, две "автономки" за спиной — это вам не соседский юнец, а вполне интересный мужчина.

Так или нет рассуждала Рита, тогда уже студентка-третьекурсница университета, сейчас сказать сложно. Только через полгода они поженились. Родился Женька, потом Настя.

Когда он разбился, Женьке было восемь. Насте — пять... А Рите? А Рите, верно, небо показалось с овчинку, когда она наконец по-настоящему осознала, поняла, чем грозит мужнина травма... Но...

— Понимаете, — говорит сейчас Володя, — инвалидность, она ведь не только отнимает у человека. Она ведь что-то ему и дает.

Говорят: страдания облагораживают душу. И еще говорят: ну как же было не озлобиться, ведь столько пережить довелось! Так все-таки облагораживают или озлобляют человеческую душу несчастья?

Наверное, оба эти утверждения столь же верны, сколь и ложны. Да, страдания озлобляют (если человек был зол и до того). Да, облагораживают (если и до свалившихся на нее страданий личность руководствовалась в жизни прежде всего высокими мотивами).

Помните такую детскую радость — переводные картинки? Клейкие желтоватые листочки с мутными, как сквозь запотевшее стекло, рисунками. Но намочи такой рисунок в воде, приложи к какой-нибудь гладкой поверхности, потри пальцем... И сквозь пелену тумана, сквозь скрученные катышки сдернутой защитной пленки появятся необыкновенно яркие, сияющие краски. Не появятся, а проявятся.

Мне кажется, внезапная травма — как та переводная картинка. Во всяком случае, в Володиной жизни она высветила такие краски, о которых он, быть может, и не узнал, если бы не разбился. Во-первых, Рита.

— Это я ее всю жизнь добивался, понимаешь? А она меня, по-моему, вовсе и не любила сперва. Замуж пошла? Да так как-то, не спорить же ей со мной. Это бесполезно. А когда стало ясно, что на ноги я больше не встану (никогда!), что детей у нас больше быть не может — вот тут-то доброхоты и начали ей в уши напевать: мол, зачем тебе такой муж и все такое.

— А она?

— А она... Знаешь, это, наверное, парадокс какой-то, я не могу объяснить. Но, по-моему, она меня только после травмы по-настоящему-то полюбила...

Во-вторых, работа. Я поняла бы, если бы Володя был, скажем, писателем. Или бухгалтером. Или программистом. Одним словом, человеком, для которого неподвижность ног — вовсе не преграда, чтобы толково и умело исполнять свою работу. Но он был строитель. И физические возможности при его специальности ценились и значили не меньше умственных. Найти достойную замену любимому делу, приспособиться, устроить жизнь так, чтобы не чувствовать себя беспомощным калекой, чрезвычайно сложно. Он смог.

Занялся деревом. Выпиливал, выжигал, резал. Оборудовал в своей квартире настоящую мастерскую, даже мебель сам делает. Когда понял, что у него получается, предложил свои услуги местному Дому пионеров. Вел кружок для мальчишек.

Однако это случилось много позже, после того, как... Впрочем, лучше по порядку.

Принято думать, что травма вроде Володиной разбивает жизнь человека на две. Людмила Трубникова, например, так о себе и говорит: "Когда я была живая..."

Володя тоже измеряет свою жизнь двумя. Только не "до травмы и после", а "до Сестрорецка и после". Сестрорецк — это курорт под Ленинградом, специализирующийся на реабилитации инвалидов-колясочников. Володя побывал там, когда его стаж спинальника составлял три года.

Знакомство, а потом и дружба с ленинградскими спортсменами-гонщиками, которых усадила в коляски трагедия на трассе, просто перевернули всю его жизнь. Точнее, его представление о собственной жизни. Володя вдруг наяву увидел то, что лишь смут-

но чувствовал, живя в своей Нытве. Новая жизнь может быть ничуть не хуже старой. Ведь сам-то он, сам, ничуть не изменился.

Ах, какие экскурсии по ночному Питеру устраивали они! Оказывается, забраться в электричку, спуститься по эскалатору, отмахать десяток-другой километров по ленинградским проспектам на коляске вовсе не составляет труда!

Они ездили на взморье, в дюны. Они взбирались на колокольни (!) храмов. В одном из таких храмов питерский Володин друг обвенчался со своей невестой. Он — спинальник, она — здоровая девушка. Наверное, их трепетная любовь тоже чем-то озарила Володю. Во всяком случае, вернувшись из Сестрорецка домой, в Нытву, он круто поменял свою жизнь.

Для начала сменил квартиру с престижного третьего этажа на первый. Снабдил въезд в дом необходимыми устройствами для самостоятельного передвижения. Оказалось, для этого вполне достаточно нескольких ведер цемента (и получился вполне приличный пандус у крыльца). Сделал откидной щит на пружине, прикрепленный к стене. При необходимости он прикрывает непреодолимые когда-то шесть ступенек лестничного марша, и Володя свободно, без посторонней помощи, может выбраться из дому. Таким же образом переоборудовал кухню, ванную, туалет...

Дело кончилось тем, что к Володе пришли домой старые знакомые и предложили работу в автосервисе. И теперь он ведет нормальную трудовую жизнь нормального делового человека.

И еще о приобретениях.

— Знаешь, — сказал мне как-то Володя, — я, наверное, погорячился немного, когда, рассказывая вам с Наташей Перцевой свою жизнь, заявил, что травма меня ничуть не изменила. Изменила, конечно. Я спокойнее стал.

"Спокойнее" — на Володином языке значит "мудрее". Исчезли суетность, бесконечная ежедневная гонка: куда-то поспеть, что-то достать, с кем-то встретиться. Появилось четкое сознание цены и меры. Мелочей и главного. И умение радоваться тому, что даровала судьба.

— И еще знаешь что? — заметил он в недавнем разговоре. — Моя инвалидность свела меня с людьми, с которыми раньше я никогда бы не сумел познакомиться. У меня — ты будешь смеяться! — круг общения необыкновенно расширился. Те же ребята-гонщики, журналисты, школьники, учителя, чиновники, артисты, спортсмены. Где бы я их всех нашел на своей стройке?

А в Березниках он играл в футбол. Встал на своей коляске между двух кирпичиков — импровизированные ворота. Верхние голы ему, конечно, не взять. Но те, что в пределах досягаемости, — не пропустил ни одного. "Я же способный", — смеялся.

Его обожают дочь и сын. Неудивительно. Ведь выросли они практически на его руках. Мама уходила на работу, а папа Володя оставался дома — варил обед, проверял уроки, собирал в школу. Дети у Механошиных получились на удивление спокойными, ласковыми, послушными. Впрочем, чего ж удивляться? Когда дома постоянно присутствует один из взрослых, то есть явственно ощущается родительское организующее начало, то никаких капризов, стрессов, запущенных проблем. Им просто неоткуда взяться. И я уже несколько не удивлялась, когда узнала, что шестнадцатилетний Женька отлично справляется не только с отцовским "Запорожцем" на ручном ходу, но и с другими машинами, ремонтируемыми в автосервисе. Что Настя вместе с отцом обожает собирать облепиху на собственном огороде. Что строить дачный домик, или ловить рыбу, или ходить за грибами дети привыкли вместе с папой. Что даже плавать их учил он.

— Сам?

— А ты как думала?

— Но как же ты, Володя, в воду-то забираешься?

— Как-нибудь покажу, — пообещал он. И показал. Дело было в Добрянке. В тот вечер — знойный, удушливый, какой-то чрезмерно летний — мы не пошли бродить по

городу, а отправились напрямик на пляж. На своей коляске Володя подъехал к линии мокрого песка. Разделся, ловко перевернулся на бок, скомандовал:

— Держи меня за ноги! Ну не помнишь разве, как Колька-Килька с Иваном Семеновым фуражку из лужи вылавливали?

И когда я ухватила его за безжизненные щиколотки, уверенно зашлепал на руках прямо в воду. Плавает он отменно.

Когда мы подобным же образом выбирались на берег, поглядеть на нас собрался весь пляж.

— Смотрят? — негромко переспросил Володя, уверенно пробираясь к своей коляске.

— Ага.

— Тогда сейчас аплодисменты будут. Если бы пляжная публика в Добрянке была чуть более раскованна, нам бы устроили овацию. Во всяком случае, восхищение во взорах, брошенных в нашу сторону, я ловила. Не раз.

И мне не было ни стыдно, ни неловко, ни стеснительно. Ничуть, ни капельки.

НУ КАК НА СВЕТЕ БЕЗ ЛЮБВИ ПРОЖИТЬ?

Травма или болезнь, усаживающая человека в коляску, лишает его не только подвижности. Зачастую она лишает его чувства, которое я бы назвала уверенностью пола. "А мужчина ли я?" — задает себе вопрос спинальник, узнав от врачей, что он больше никогда не сможет иметь детей. И вообще — испытывать восторг физической любви. Женщинам, наверное, несколько проще. И все равно это страдание ("меня никто не любит, потому что калека") способно отравить жизнь. И отравило — в буквальном смысле, и продолжает отравлять — не одному поколению девчонок-инвалидов.

Так вот, ответственно и категорически заявляю: все это неправда! Любят (и еще как!) всяких. И безруких, и безногих, и способных рожать, и нет.

И любят — все.

Одна из приятельниц как-то позабавила меня полуприличной шуткой. "Я все думаю, — рассуждала она, — почему это, когда речь идет о женитьбе, предлагают "руку и сердце"? Ведь речь идет, в сущности, совсем о других частях тела".

Пообщавшись с инвалидами, я, наверное, нашла бы, как ответить на эту шутку.

Именно руку и сердце.

Володя Механошин рассказывал историю женитьбы своего ленинградского друга-спинальника на совершенно здоровой девушке.

— Я ее спрашиваю: "Ну почему ты его-то выбрала? Ведь у тебя вон сколько здоровых кавалеров?" А она отвечает: "С ними — все вранье. Только здесь я поняла, что такое настоящее чувство". "А как же секс? — говорю. — Это ж тоже важно. Душа душой, а тело телом". "Он — говорит, — умеет сделать так, чтобы мне было хорошо". — "Понятно, — говорю, — но сам-то при этом разрядки не получает!" А она смеется: "Ну и что? А переживать вместе с любимым человеком его "разрядку" — это что, мало? В Древнем Китае, между прочим, мужчин специально учили совершать половые акты, воздерживаясь от семяизвержения. Считалось, что таким образом они накапливают божественную силу..."

У нас здесь, конечно, не Китай, но у каждого из моих собеседников нашла история, подтверждающая тезис: подлинная, серьезная и отнюдь не только платоническая любовь между инвалидом и здоровым — вещь вполне реальная.

Да я и сама вспомнила одну такую историю, о которой писала года полтора назад.

Анна Митрошина

ТАЛИСМАН НА СЧАСТЬЕ

"Звезда", 24 января 1997 года

Ходит Анна Григорьевна так: надевает на правую руку маленькую детскую калошку и, опираясь на нее, переступает ногой.левой руки, как и левой ноги, у нее нет. С рождения.

Впервые увидев из окна своей квартиры, как пробирается она по досочкам, брошенным через дворовую грязь, я ужаснулась. Теперь, встречаясь с ней, все чаще... завидую. Ну, может, это чересчур сильно сказано. Скорее, не то чтобы завидую, а невольно начинаю сравнивать.

У меня на месте все руки-ноги. Есть вроде и голова на плечах. И даже, можно сказать, довольно симпатичная.

У нее — инвалидность I группы.

У меня: в прошлом — развод, после — долгоиграющий роман, закончившийся ничем, сегодня — банальное женское одиночество.

У нее: красавец сын, дом — полная чаша, видный муж.

Вопрос: кто из нас счастливее? Одна моя знакомая в таких случаях говорит:

"Бог всем дает поровну. Кому — талант, кому — красоту, кому — удачу, кому — богатство".

Анну Григорьевну Митрошину, похоже. Бог наградил необычайной силой духа.

Она выросла в семье, где было восемнадцать детей. Родилась перед самой войной. Врачи потом гадали: то ли голодное лихолетье сказалось, то ли изнурительный крестьянский труд матери-колхозницы...

Уходя на фронт, отец наказывал:

— Аннушку берегите. Если она выживет — значит, и я на войне уцелею. Так и знайте.

Может, оттого на нее в семье никогда не смотрели как на обузу? Скорее как на ангела-хранителя, как на некий талисман, дарованный на счастье: "Выживет Аня — папка вернется". И потому лучший кусок — ей, теплое местечко — ей...

С должностью талисмана Анна справилась. Отец демобилизовался в 46-м. Жив-целехонек!

А дальше ее жизнь ничем не отличалась от жизни деревенских сверстников. Вместе со всеми бегала на речку купаться, помогала, как могла, по хозяйству... Вместе со всеми и в школу пошла, после начальной — в интернат... А уж когда восьмилетку закончила и пришла пора в жизни определяться, проявила самостоятельность. Здраво, в общем-то, рассуждая: в колхозе толку от нее, калеки, никакого. Надо в город перебираться. Надо паспорт получать.

С паспортом этим целая история вышла. Попутками, на перекладных, добралась до райцентра, нашла фотоателье... И так, видать, растрогала своим видом женщину-фотографа, что та пригласила Аннушку к себе:

— Поживи с недельку, я тебе все документы, как надо, выправлю. Мыслимо ли дело — девчонке без ног пороги тут обивать?

В благодарность Анна до блеска, до шелковистой желтизны отдраила полы в ее избушке...

Между прочим, чистота — это "пунктик" Анны Григорьевны. У нее и в нынешней четырехкомнатной городской квартире все блестит и сияет. Как она умудряется добиваться этого одной своей рукой, я до сих пор не представляю.

Дома не сразу заметили Аннушкино отсутствие — среди восемнадцати душ, верно, и впрямь непросто за всеми доглядеть. Спихнулись, когда приехала старшая сестра, Татьяна. Заявила:

— Анну я забираю с собой, в город. Будем вместе с ней новую жизнь начинать.

Так Анна Григорьевна стала горожанкой. А вскоре по рекомендации сестры и на работу устроилась. Да не куда-нибудь — в швейную артель. Начальник этой артели поначалу за голову схватился: разве сможет такая малышка с электрической машинкой управляться? А она за две недели освоилась, план стала выдавать не хуже здоровых.

Это потом, после, окончила она курсы бухгалтеров, нашла себе работу по силам — в обществе глухих, да больше тридцати лет там и проработала. Тут и квартиру получила, и счастье свое женское встретила...

Сейчас это счастье топает за стеклянными дверями большой ухоженной комнаты, шуршит чем-то в кухне, а я склоняюсь поближе к моей собеседнице и прошу:

— Ну пожалуйста, Анна Григорьевна, расскажите подробнее. Как вы познакомились? Как он вас полюбил?

— Ой, да как? Как обыкновенно знакомятся?

Случайно... Мы, например, на трамвайной остановке.

Она никогда не боялась быть экстравагантной.

В доме отдыха как-то познакомилась с парикмахершей. Та такие прически заворачивала — с ума сойти! Аннушка загорелась: неужто я не смогу? Хотя бы для себя научиться. Научилась.

С ней часто заговаривали — на улице, в транспорте.

Она легко отвечала — не чинясь, не навязываясь. Как бы самым своим видом подчеркивая: я с вами, как видите, не кокетничаю. Какое, мол, с моей стороны может быть кокетство? Ее хотелось опекать. Рядом с ней любой мужчина чувствовал себя Шварценеггером.

И Геннадий Григорьевич, человек в ту пору семейный, не избежал этого соблазна. Они стали встречаться.

Влюбиться Анна Григорьевна не боялась. Она вообще никогда ничего не боялась, не ограждала себя от сильных чувств: "Потом будет плохо? Ну и что! Зато сейчас хорошо". А может, это детская привычка ощущать себя талисманом, приносящим счастье, вела ее по жизни уверенной рукой?

Когда Анна поняла, что ждет сына, не испугалась тоже. И то, что растить ребенка, по всей вероятности, придется одной, ее тоже не остановило. Геннадий метался между двух берегов, и прищипливать его к своей юбке она не собиралась. Есть работа, есть жилье, будет ребенок — чего еще надо?

А потом случилось ЧП. Андрюше было три годика, когда Анна сломала ногу. Единственную опору всей своей вроде бы вполне благополучно налаженной жизни. В больнице, куда ее определили, пациенты шушукались: циркачку привезли! И верно, в своей блузке с блестками, цепкая, ловкая несмотря на все увечья, она казалась экзотическим существом, персонажем из другого мира. А может, и не ошиблась молва? Может, и впрямь чудеса не хуже цирковых вынуждена была ежедневно творить Аннушка, чтобы прожить нормальную жизнь нормальной женщины? Только "работала" она не на публику, без страховки и без аплодисментов.

...А вот с деньгами стало совсем плохо: долгое лечение, маленький ребенок на руках. Она долго думала, прежде чем решилась подать на алименты. Но когда суд, наконец, вынес решение в ее пользу, опять поступила нелогично. Взяла и спустя некоторое время от алиментов... отказалась. Сегодня, объясняя тот свой шаг, она пытается найти по-житейски резонное оправдание. Мол, присылал копейки, не хотелось унижаться... А я думаю, была, была в мотиве этого поступка еще одна нота, может быть, самая главная. Ведь никогда никому Анна не хотела быть обузой. Всегда только талисманом на счастье...

Неожиданный ее шаг задел Геннадия за живое. Впрочем, это мягко сказано. Похоже, он перевернул его душу, что-то щелкнуло в ней. Выключилось? Включилось? Не знаю. Так или иначе, но после этого поступка он пришел к Аннушке навсегда.

Вскоре они поженились.

Анна Григорьевна смеется:

— Как видишь, никакой идиллии. И никаких особых секретов. Бабья судьба, как у всех. И сегодня, бывает, ссоримся так, что ух! Да что мы все о грустном? Давай я тебе лучше платье покажу, что сшила к празднику. Слушай, за полдня смастерила! А может, чайку? У меня там стряпня осталась, тесто вчера заводила...

Мне тепло и уютно рядом с ней, и хочется рассказать о своем, и кажется, я вот-вот пойму, что же составляет душу и суть ее необыкновенной, вопреки всему, женской притягательности.

Впрочем, формулу успеха в этой сфере пытались найти многие. Красота? Умение готовить? Слушать? Создавать уют? Не знаю... По-моему, главное — это женская щедрость.

Женщины — вообще существа избыточные. В них всего должно быть с запасом, чтобы хватило на двоих, — тепла, любви, какой-то житейской ловкости. Выносливости, само собой. И юмора.

Это ведь только на первый взгляд — холодный, оценивающий взгляд постороннего человека, Анна Григорьевна может показаться ущербной. На самом деле в ней этих женских качеств — с избытком. Потому, верно, и счастлива.

После того, как эта публикация увидела свет, в редакцию было много звонков. Люди посторонние сомневались в подлинности моей героини:

— Вы ее не выдумали? А соседи и знакомые, хорошо знавшие нас обоих, ахали и охали:

— Верно ведь, все так! Сколько лет Аннушку знаем — и не задумывались, какая судьба. Да про них с Геннадием надо роман писать.

Роман про их любовь я уже не напишу. Примерно год спустя после этой публикации Геннадий Иванович умер от сердечного приступа. Вот так — уснул и не проснулся.

Я не умела ее утешить. Я только смотрела все в ее глаза — живые, необычайно выразительные — и думала: да, никому не дано решать, не дано угадать наперед, чего и сколько отпускает нам судьба. Хрупкий комочек жизни, маленький "талисман на счастье", ребенок, обиженный природой с рождения, — кто мог предположить, что именно она переживет своих близких? Именно она проживет наиболее успешную жизнь? Именно ей будут завидовать — даже в горе! — ее соседи,...

Нет, жизнь таинственна и непредсказуема. Так же, как таинственна и непредсказуема любовь. И стоит жить! Стоит — хотя бы для того, чтобы, заглядывая за очередной поворот, каждый раз дивиться непостижимым сюрпризам жизни.

В Кизел мы въезжали жарким полднем. Честно говоря, волновались перед встречами в этом городе, как ни в каком другом. Город угольщиков только-только пережил многодневные забастовочные страсти, здесь было примерно то же самое, что в Воркуте и Кузбассе, — перекрывали дороги, садились на рельсы.

А тут мы со своим марафоном: как вы решаете проблемы инвалидов? Резонный ответ: кто бы нам, здоровым, наши-то помог решить...

И все же забастовки забастовками, но и в этих условиях приходится жить и как-то выживать инвалидам. А травматичное производство, к которому, несомненно, относится и угольная промышленность, делает проблему адаптации инвалидов особенно актуальной.

Мы привычно шли колонной по шоссе, уже выработав и единый ритм, и наиболее удобное расположение колясок. На обочине, у крыльца какого-то частного магазина, разгружали продуктовую машину. Темноволосый усатый человек (как потом выяснилось, хозяин магазина), увидел нас и замахал рукой:

— Эй, стойте, ребята! Стойте! — Схватил коробку минеральной воды: — Это вам в подарок, угощайтесь! И счастливого пути! Пусть повезет в жизни.

В минералке мы не нуждались — ею было затарено пол-автобуса: один из наших спонсоров, владелец большого пакета акций на заводе газводы, постарался. Но этот искренний жест совершенно постороннего человека мы, конечно, не могли не оценить. — Спасибо, брат! — сказали ребята. — Теперь мы уверены, что повезет.

МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ ПЛАКАТЬ И СМЕЯТЬСЯ, ИЛИ ВСЕ НА СВЕТЕ ОТНОСИТЕЛЬНО

Пожалуй, только усевшись в инвалидную коляску — буквально, опустившись на сиденье и пристроив ноги на подножке, даже будучи при этом абсолютно здоровым, — понимаешь, насколько все условно.

А оно ведь и на самом деле очень относительно: грань между здоровьем и потерей физических возможностей так зыбка и так мгновенно нарушима — судьбы всех марафонцев впрямую меня в этом убедили, — а всякая беда так неизбежна. Никогда нельзя быть безоглядно уверенным в том, что она не коснется тебя самого или твоих близких.

В Березники мы приехали поздним вечером. Пожалуй, это был самый тяжелый среди всех дней марафона: только утром мы распрощались с Губахой, днем отработали очень жесткий "круглый стол" в Кизеле, потом встречу в Александровске: с концертом, спортивными состязаниями, "круглым столом" и общением с обитателями местного психоневрологического интерната.

В общем, к Березникам и волонтеры, и пресса уже едва таскали ноги. Пока обсуждали, как будем поднимать марафонцев на девять ступенек высокого гостиничного крыльца, я присела в чью-то пустующую коляску. Меня тут же окружили барышни лет семи-девяти.

— Тетенька, а вы почему не инвалид? — строго и даже как-то требовательно спросила одна из них. Спросила не у меня, а с меня. И я вдруг стушеввалась, растерявшись, не зная, что ей ответить.

— Да вот, как-то так получилось, милая. Не повезло мне...

Потом ребята часто смеялись над этой фразой: "Не инвалид? Не повезло тебе?"

Когда связи между общественными организациями Перми и всевозможными добровольческими объединениями английского графства Оксфорд только-только начинали складываться, в одну из делегаций включили и пермских активистов общества инвалидов — Галину Дубникову и Станислава Пастухова⁵, ампутанта без обеих ног. Конечно, были в числе этой делегации и вполне официальные лица, например тогдашний председатель областного Совета народных депутатов, человек, понятно, вполне здоровый.

Этому депутату и пришлось сопровождать Станислава с Галиной на дискотеку инвалидов. Зрелище, надо заметить, для непривычного к таковым российского взгляда весьма специфическое. Кто-то танцует, оперевшись на костыли, кто-то кружится в коляске, кто-то, заикаясь и брызгая слюной, радостно мычит, увидев знакомого...

Галина на костылях и Станислав на своей низенькой тележке отлично вписались в этот круг. Им улыбались, их приглашали, с ними пытались объясниться и восклицали изумленно, узнав, что гости — "фром Раша".

И только один наш официальный руководитель потерянно жался у стены, не зная, как себя повести, чтобы соответствовать ситуации. То ли руку согнуть, на перевязь спустить, то ли прихрамывать начать... Ну прямо как в смокинге на пляже...

Вспоминая эту историю, я часто думаю о том, как портит нашу жизнь неумение шутить. Нас губит пафос! Мы боимся шутить над несчастьем. Мы считаем кощунственным посмеяться в обществе человека-инвалида над комичными ситуациями, так или иначе связанными с инвалидностью. Более того. Я заметила, что многие вообще считают непристойным говорить с инвалидами о проблемах инвалидности. Или находят это

⁵ Станислав Иванович Пастухов — председатель Пермской областной организации ВОИ в 1989—1997 гг. Умер в 1997 году.

бестактным. Ну, знаете, по принципу "в доме повешенного не говорят о веревке"... Или уверены, что сочувствие должно выражаться лишь молчаливо-скорбным поджатием губ...

Ох уж эта наша "молчаливая скорбь", воспетая в тысяче стихов и романов! Она отчего-то с давних пор считается единственно приличным способом переживания горя. И вообще любого несчастья, любой беды. Больше того — способом выражения сочувствия. Не знаю. Может, и впрямь кому-то легче страдать молча. Меня же, например, это всегда бесило. И, думаю, не меня одну.

А впервые усомниться в благотворности "деликатного", то есть молчаливого, сочувствия меня заставил реальный случай. В нашем подъезде умерла соседка. Остался муж, теперь уже вдовец — всегда такой уверенный в себе красавец мужчина с престижной профессией. "Ну, этот долго страдать не будет!" — судачили соседки. И остался сын-студент. Вот перед ним замирали в том самом молчаливом сочувствии все, кто встречался ему на пути. Юноша выходил во двор и пробирался, как сквозь строй, через эти скорбные взгляды, враз примолкнувшие уста. Однажды увидев такую картину, я прямо кожей почувствовала, как тяготит его подобная "бережность". И не боясь разбередить рану, подошла и нарочно заговорила с ним о матери. Начала, помню, с какого-то нелепого в своей прямоте вопроса: "Постой, Расскажи мне, как она умирала..."

Мы никогда не были особенно дружны. Разные компании, разница в возрасте. Но видели бы вы, с какой жадной готовностью он ухватился за мой вопрос, за само это чье-то намерение выслушать. Не утешить — разве может что-то утешить в такой ситуации? Не отвлечь — разве отвлекают от настоящей беды притворно бодрые разговоры "о другом"? Когда болит, думается только о том, что болит, и оплакать, прострадать, проговорить хочется только то, что болит.

Как он говорил! Ни до, ни после, никогда больше не было у нас с ним таких откровенных, таких исповедальных разговоров. А тогда (сколько это длилось? — неделю? полторы? не больше) он стал буквально ловить меня во дворе, зазывал к себе в гости, сам нередко заходил к нам. И все рассказывал, рассказывал... Какие-то мельчайшие подробности, уже известные мне. В третий, в пятый, в пятнадцатый раз. Что она сказала. И как повернулась.

И как он услышал. И как стало жутко на кладбище, когда опустили гроб...

Вот тогда я поняла: чтобы горе изжить, его надо излить. В третий, в пятый, в пятнадцатый раз. Чтоб оно излилось, надо открыть некие шлюзы души. Ведь страдающий человек жаждет, чтобы они "открылись"! И поэтому не бойтесь задавать якобы бестактные вопросы. Не бойтесь беречь чужую душу. Не бойтесь делать больно. Вас отодвинут, если вы будете неуместны. Но гораздо чаще, поверьте, мы делаем больно, боясь прикоснуться к ране. А может, бережем не страдающего, а себя, боясь взяться за хирургические функции?

На протяжении марафона я не раз наблюдала картину, как местные жители, отведя в сторонку кого-нибудь из волонтеров, жадно расспрашивали:

— А вон тот что, тоже в аварию попал? А у этой — болезнь с детства, да?

— Да вы поговорите с ними сами! — предлагали обычно волонтеры.

Но собеседники мялись:

— Неудобно как-то.

Отчего же неудобно? Очень даже удобно! И более того — необходимо, чтобы лучше понять друг друга. К слову говоря, на мои бестактные вопросы ребята всегда отвечали искренне, честно и откровенно.

То же самое, думаю, касается и шуток. Нормальное общение, общение на равных предполагает всю палитру красок — от взаимной поддержки до взаимной усмешки. Да, и усмешки тоже.

Я помню, как кто-то из марафонцев рассказывал на каком-то инвалидном сборище анекдот про "семью уродов". Ну, знаете, тот самый, когда у матери рот перекошен в

одну сторону, у отца в другую, у дочери с сыном он вообще не открывается. Короче, никто не может задуть перед сном горящую свечу. Решают: надо позвать соседа. А тот, придя, вовсе и не собирается дуть, а плюет на пальцы и тушит огарок, прижимая фитиль. И приговаривает при этом: ну, уроды! Обидный анекдот? Оказывается, инвалидам вовсе так не показалось. Смешной, говорят!

А анекдоты про спинальников, которые в большом количестве ходят в специализированных санаториях?

Они же не обижают — они помогают пережить обидную ситуацию. И понять здоровому больного помогают тоже.

Кстати, в марафоне это было очень заметно. Чем ближе, задушевнее, проще становились наши отношения — отношения марафонцев с волонтерами, больных со здоровыми, подвижных — с ограниченными в подвижности, — тем больше шуток, обыгрывающих в том числе и проблемы инвалидности, у нас звучало.

...Не успел на танцплощадке Юра Гладких встать на костыли, чтобы потанцевать медленный танец с Зоей Васильевной, как в его коляску тут же плюхнулся Андрей Теплоухов и начал выписывать пируэты на колесах.

— Все смешалось в доме Облонских! — хохочут девчата-марафонцы.

На одном из "круглых столов" кто-то из команды с пафосом толкает речь:

— Мы приехали сюда для того, чтобы инвалиды перестали чувствовать себя инвалидами, а здоровые...

— Здоровыми, — подсказывает Володя Механошин.

На пикнике Андрей Загородских, выбираясь из коляски на траву, поранил руку об осколок стекла.

— Экий ты неловкий, братец, — корит его Игорь Коломиец. — Инвалид, что ли?

— Теперь — да! — парирует Андрей, демонстрируя перевязанную ладонь.

На том же пикнике один из волонтеров, видать, чересчур хлебнул горячительного напитка.

— Помоги-ка мне зайти в автобус, — просит его Людмила. Он подставляет ей плечо, и они, обнявшись, на одинаково подкашивающихся ногах с трудом забираются по ступенькам. Она — в соответствии с диагнозом, он — оттого, что перебрал.

— Вы — как двое приятелей из одного кабачка, — потешались ребята. — Хоть в кино снимай.

Но в кино, то есть на видеокамеру, снимали совсем другое. Кстати, двухчасовой фильм, сделанный нашим бессменным оператором Зинаидой Быковой после марафона, фильм, где наглядно и убедительно показаны все барьеры окружающей среды, барьеры, непреодолимые для людей на костылях и колясках, стал предметом самого серьезного обсуждения на самых разных уровнях. И в главном управлении архитектуры и градостроительства. И на координационном совете по делам инвалидов при вице-губернаторе области. И... А вы говорите — шуточки!

Человек – не остров

Не доезжая до Добрянки, устроились у излучины какой-то речушки. Жара заставила высыпать на галечный пляжик всю нашу компанию. Зинаида Викторовна Быкова, признанный морж, как окунулась в ледяную стремнину, так и не вылезала оттуда до команды "Отъезд!".

Ну, а мы, люди несмелые, освежались кто как может. Зоя Тюфякова плескалась у берега, опустившись на гальку. Володя с Гришей въехали на колясках в воду и, перегнувшись через подлокотник, обдавали друг друга серебристыми брызгами.

Галина Александровна Дубникова пересела в коляску и попросила наполнить речной водой бутылку из-под газировки. Просьбу выполнили, а взамен мы с Андреем Теплоуховым попросили ее костыли.

— Давай я тебя сфотографирую на них,— предложил мой коллега. — Ступай вон на тот остров.

Посреди реки, чуть выступая над водой, виднелась влажная спинка валуна.

Я весело взгромоздилась на этот пьедестал, оперлась на костыли, поджала ногу...

— Отличный кадр! — смеялись ребята.

— Очень живописно, — подтвердила и Вера Ивановна Шишкина. — Прямо метафора: инвалид среди моря проблем.

— Ну и как там, на острове, не одиноко?

— Барьеров не чувствуешь?

И среди этого гомона, солнечных бликов, ироничных комментариев, с трудом уже удерживаясь на мокром валуне, я вдруг отчетливо ощутила пронзительную правоту старинной мудрости: человек — не остров. Как часто в собственной гордыне или обиде мы забываем это чувство, перестаем ощущать себя кусочком огромного материка, имя которому — человечество.

"Как я одинок", "Меня никто не понимает...", "Человек — существо автономное", "Каждый проживает свою жизнь"... Эти и другие подобные им изречения — признайтесь, читатели, — и вам наверняка доводилось произносить или слышать не раз.

И все же поверх этого, кроме этого, вопреки этому, невзирая на это, помните, пожалуйста, о другом: человек — не остров. Мы все связаны друг с другом. Мы все способны услышать друг друга. И помочь.

Смешно, но это уютное чувство причастности, сладкое чувство защищенности и востребованности острее всего я испытала именно тогда — стоя на чужих костылях на крохотном каменном выступе посреди реки.

Человек — не остров.

Давайте не будем забывать об этом.

Портрет марафонца. Вечер с Верой Чугайновой

Глаза у Веры — в пол-лица, про такие, наверное, и говорят — "как озера". Точнее, омуты: тонут мужики в таких глазах.

И ресницы, что пушистыми гусеницами вокруг, не спасают. Как взглянет...

И голос у Веры волнующий, грудной, низкий. Только слышно его редко — большей частью Вера молчит. Может, стесняется. А может, так привыкла. Дома-то она чаще всего одна да одна.

Замуж Вера вышла рано, только-только восемнадцать исполнилось. Училась она тогда в Соликамском медучилище, очень ей специальность в детстве нравилась — "медицинский лаборант". Но лаборантом стать не вышло, поступила на "детскую медсестру". А тут из армии брат парня, с которым она тогда дружила, возвращается. И так, видеть, она этого брата озерами своими, омутами синими околдовала, что через полгода они поженились. Родился Сергей, через два года Наташа. Николай, муж, шахтером на Березниковском калийном работал, квартиру получили, жизнь катилась немудрящая, как у всех, со своими положенными радостями и негромкими печальями.

Печаль серьезная, обернувшаяся большой бедой, подкралась к Вере как-то незаметно. "Вдруг" в ее жизни не было. А что было? Был банальный аппендицит, который совершенно банально ей вырезали. Потом навалились еще какие-то болячки. То ревматизм под вопросом. То головные боли ни с того ни с сего. Впрочем, она всегда была слабенкой. Если за зиму три-четыре раза не простудится да гриппом не отболеет — то вроде и зима не в зиму. Чуть не год так мучилась, пока наконец ее не отправили на серьезное обследование в Пермь. Здесь в областной больнице ей и поставили диагноз: рассеянный склероз.

Слушателям анекдотов про склеротиков, страдающих забывчивостью, болезнь эта может показаться смешной. На самом деле, кто знает — понимает: такой диагноз — вещь суровая. Ведь при рассеянном склерозе поражается нервная система на всех уров-

нях — и периферическом, и центральном, страдает и спинной мозг, и головной, в зависимости от того, где, в каком месте возникают очаги склерозирования, где клетки нервных волокон или мозговой ткани заменяются склеротическими бляшками.

Понятно, что последствия этого заболевания могут быть весьма различны. У человека, например, может наступить полный паралич ног. Или рук. Или того и другого разом. И бывают нарушения мозговой деятельности.

Или, наоборот, длительные периоды ремиссий, когда вроде бы все системы и органы функционируют нормально, но каждый миг болезнь грозит обернуться катастрофой.

Через год Веру вывели на II группу инвалидности. Через два — определили первую.

Сегодня она имеет уже порядочный стаж колясочницы. Может, держась за стенки, привстать на свои неверные, непослушные, негнувшиеся ноги. Может даже сделать пару шагов. Остальное недоступно. Врачи опасаются, что в перспективе болезнь может затронуть и руки, и мозг...

Сама Вера думать на эту тему не желает. Точнее, рассуждает, почти как Скарлет О'Хара из "Унесенных ветром": "Я подумаю об этом завтра". Вот когда окончательно припечет...

Строго говоря, "припекало" Веру уже основательно. Муж, человек простой, от всех трагедий видит одно лекарство — извечное российское средство... "Как уйду в больницу — так запивает", — рассказывала Вера. Рассказывала не жалуясь, констатируя: а что, мол, мужику еще остается? И его можно понять.

Но и у нее на это есть извечное бабье противоядие — принцип "зато":

— Зато дети у меня хорошие. Сережа уже совсем за отца. И в огороде. Картошку окучит, в яму сходит, что надо сделает. А дочка со мной, по дому. Магазины на ней...

— Может, и верно, что рановато замуж-то выскочила. Зато детей успела до болезни своей поднять.

— ...Зато как из запоя мой выйдет, я ему все уши прожужжу. Ты чего, мол, меня взаперти держишь? Я ведь тоже человек. Веди давай на улицу. Стеснялся поначалу моей коляски, потом привык. А мы ведь на четвертом этаже живем. Это ж спустить да поднять — целое дело.

Было время. Вера все свои силы направляла на поиск чудодейственных средств. Чем только она не лечилась! Где какой рецепт нетрадиционной медицины узнает — тут же пускает его в ход. Теперь успокоилась. Не помогает? Ну и не надо.

— Зато у меня так много свободного времени образовалось! Я себе сказала: непременно работать пойду. Всех родных и знакомых озадачила: найдите мне работу. Пусть копеечную, за гроши. Но я не хочу, не могу больше одна, как сыч, дома сидеть. Я должна чувствовать, что еще нужна кому-то.

Родные и знакомые нашли ей сразу две работы. Точнее, три. В двух фирмах Вера работает сейчас диспетчером на телефоне, принимает заказы на изготовление железных дверей. Зарплату, правда, платят, и верно, копеечную. Но ведь и она плюс к семейному бюджету, а не минус.

Ну, а третья работа — в порядке общественной нагрузки. В Березниковской городской организации ВОИ Вера Чугайнова возглавила женский клуб. Раз в месяц собираются его участницы на свои посиделки. Лекции, беседы, конкурсы с подарками перерастают, как водится, в душевные разговоры. С обменом рецептами. С исповедальными историями. С "посмеялись-поплакали". Впрочем, это, последнее, продолжается и после, в промежутках между заседаниями клуба, главным образом уже по телефону. Многие женщины стали звонить Вере домой. Нет, не прося советов. Просто чтобы высказаться. Она оказалась отличным слушателем.

Кстати сказать, готовясь к марафону, Верину кандидатуру долго обсуждали на правлении ВОИ. Была она одной из наиболее сомнительных. Понятно почему: "рассеянный склероз" — это не травма спинального, не пережитая в детстве инфекция. Это

заболевание, способное принести неожиданные и весьма коварные плоды. Как скажутся на его течении сверхнагрузки, которые предстояло испытать Вере в ходе марафона?

Забегая вперед, скажу: сложилось все прекрасно. Пожалуй, ни один из марафонцев не может похвалиться таким результатом, как Вера. Именно психологическим результатом. Да и физическим, впрочем, тоже.

— В августе у меня у сестры день рождения. Она не в самих Березниках живет, в пригороде. В общем, решили мы с Николаем съездить ее поздравить. Знакомые нас на машине довели, все честь по чести. Ну, а там... Там это празднование в настоящую пьянку вылилось. Все, — говорю мужу, — мне это надоело, поехали домой. А он ни в какую. Останемся да останемся. Раньше бы я, конечно, ни слова поперек. И не потому, что такая покорная, а просто — куда я без него? Ведь не выбраться все равно. А тут плюнула на все, махнула рукой. Э-э, думаю, марафон выдержала вон какой, неужто до дому не доберусь? Подкатываю к автобусной остановке. Одна. Автобус подходит. Двери открылись, спрашиваю у мужиков в салоне: по какому маршруту идет? Они мне все обсказали, выскочили, чтобы на ступеньки поднять. Водитель ждет, кондуктор суетится: "Вам так удобно? А где вас лучше высадить?" В общем, с доставкой почти что на дом меня довели, предлагали и до квартиры проводить, но от этих уж услуг я гордо отказалась. Дочка с подружкой гуляли во дворе, они меня подняли. А я главный для себя вывод сделала: могу!

Эту историю Вера Чугайнова рассказала мне много позже, прибыв в Пермь на реабилитационное лечение в профилакторий "Энергетик".

Между прочим, муж накануне ее отъезда в "Энергетик" сломал ногу. Но она была непреклонна:

— Что ж делать, дорогой? Мне тебя очень жаль, но не поехать не могу.

— Я тебя, когда ты стала инвалидом, не бросил. А ты меня — сразу бросаешь? — накуксился он.

— Всего на три недели, — утешала она. — И знаешь, нарушение опорно-двигательного аппарата — это не такая уж трагедия, поверь. Ты прекрасно со всем сумеешь справиться сам. Он справился.

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Дети инвалидов и дети-инвалиды — это особый разговор.

Если крах с профессией, невозможность заниматься любимым делом многими инвалидами воспринимается как драма, то отсутствие детей — как трагедия. Наверное, потому, что здесь ничто ничего не заменяет. С профессией ведь как? Не можешь строить большие дома — выпиливай лобзиком игрушечные. Потерял способность выходить на ринг сам — тренируй мальчишек. Не светят тебе археологические экспедиции — читай записки Шлимана. И так далее, и тому подобное... А что заменит радость материнства или отцовства? Воспитание племянников? Собака в доме? Дружба с соседской ребятней?

Отчасти, быть может, и да. Только...

Иметь детей — проблема. А если дети есть? Десятки проблем. Уже иных, однако тоже очень сложных. Юрий Гладких с женой разошелся, когда сын был вовсе крохой. Регулярно отчисляя на ребенка алименты из своей достаточно скудной пенсии, Юра, тем не менее, вовсе не считает, что тем самым выполняет отцовские обязанности. Он рад бы видиться с сыном почаще, но... Дороги, опять дороги! Свидания, правда, случаются. Помню, как рассказывал Юра об одном из них.

— Я подъехал к нему, понимаешь, взял на колени, а он как закричит!.. — Голос у Юры ломается, он поднимает глаза к потолку, чтобы не выкатились слезы, и поясняет, извиняясь: — Что ж, испугался. Конечно, коляска, аппараты — непривычно ему.

Помню, как в Горнозаводске председатель местного общества инвалидов, тоненькая нежная девушка с певучим голоском, вдруг задала марафонцам такой вопрос:

— Скажите, а ваши дети вас не стесняются? Оказалось, для самой Оли это проблема. Ее пятилетний сын уже не раз приносил домой боевые синяки и царапины:

— Мама, а почему ребята над тобой смеются? Почему все ходят вот так, и без палочек, а ты — вот так?

Никогда не забуду слез Зои Тюфяковой, вспоминающей детство своего сына:

— Прибежит домой, весь в слезах: "Мама, мальчишки говорят, у тебя отец — урод, мать — урод, вырастешь — сам уродом станешь. Это правда?"

Помню недоуменные взгляды Володи Механошина, Люды Трубниковой, пожимающих плечами:

— У нас таких проблем не было. От себя, наверное, все зависит. От собственной уверенности.

Но откуда берется она, эта уверенность? Где ее взять и — главное! — как проявить? Как показать, привить собственному ребенку? Чтобы он, любящий, не только жалел тебя, но гордился тобой? Ведь это так естественно и так необходимо — гордиться собственными родителями. (Кстати заметить: а всякий ли здоровый отец способен ответить этой естественной детской потребности?)

В Чусовом, на городском стадионе, где проходили встречи и спортивные состязания марафонцев с местными инвалидами, мне запомнилась одна семья. Главу ее, Наиля Галимова, красивого, статного, сталевара по профессии, более десяти лет назад усадила в коляску производственная травма. Рядом с Наилем крутились целых три женщины — жена, дочь и крошечная внучка.

Эта внучка Дашенька вызвала прямо-таки восторг зрителей. Представьте себе семимесячного (!) ребенка, вышагивающего собственными ножонками вокруг дедовой коляски и ни за что не желающего идти на ручки. Ей бы еще в пеленках лежать, а она — ходит!

— Это она у нас вместо деда. Он не может ходить, так вот внучка отдувается, — смеется бабушка. Погулять с общительной Дашенькой нашлось немало охотников. Никому не отказывая в своем внимании, Дашенька, тем не менее, явно предпочитала деда. Удобство ли его коляски, за которую при необходимости всегда можно уцепиться, бли-

зость ли дедовых коленей и рук тому причина — Бог весть. Быть может, просто на солнечном многолюдном стадионе эта коляска была единственным знакомым ей предметом, символизирующим стабильность окружающего мира. Но, подумалось, эта девочка никогда не будет стыдливо прятать глаза, встретив на улице человека на коляске. Не будет обмирать от неумения проявить сочувствие и стесняться своих близких...

И все-таки — как воспитать, как сформировать вот такую броню защищенности у детей, растущих в семьях родителей-инвалидов?

Задача для психологов. Но в море семейно-психологической литературы что-то ни разу не попадались мне на глаза популярные издания, проливающие свет на эту проблему. А ведь она не единственная.

Пятилетний сынишка Люды Трубниковой везде ходит с папой. И хотя в медицинском плане тот реабилитирован настолько, что вполне обходится без костылей и тросточек, а тем более коляски, контрактура, стягивающая ножные мышцы, дает о себе знать. Ходит Анатолий, сводя колени, прихрамывая. Точно так же, поразительно похоже копируя походку отца, переступает и Андрейка.

— Ты зачем так идешь? — поинтересовалась. — Это ведь неправильно, ты же умеешь, как надо.

— Ну и что? — азартно заспорил он. — Хочу, как папа!

Плюс это? Минус? Забавное детское обезьянничанье, которому не стоит придавать значения, или зернышко каких-то будущих проблем? Не знаю...

Бойкий Андрейка раскован не по годам. Ему ничего не стоит подбежать на улице к незнакомому человеку и попросить того оказать какую-то услугу. Понятно — с самого нежного возраста он для родителей как Гермес для греческих богов. Вестник и проводник, ординарец для поручений, доверенное лицо, когда надо соотнестись с кем-то, кого отделяют от плохо передвигающихся родителей непреодолимые ступеньки, пороги и бордюры.

Груз ответственности — он, конечно, развивает и воспитывает. Но он и давит. Наступает разрядка. Безудержным криком. Капризами. Какой-то преувеличенно "детской" неуправляемостью.

— Не знает слово "нельзя", — сокрушается Людмила. — Сами избаловали. Ну правильно, как же — ребенок инвалидов! Что ни попросит — из кожи вывернемся, да купим, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь не сказал: конечно, мол, родители — калеки, где уж мальчику шоколадка, или машинка, или еще там что-нибудь достанется.

Может, оно и так. Может, надо научиться ограничивать себя. Но у какой матери, скажите, не дрогнет сердце, когда ребенок спрашивает:

— Мама, а почему мне только папа делает подарки, а ты — никогда?

Как разъяснить такому крохе, что маме тоже хочется, ужасно хочется выбирать для него одежды, книги и игрушки, но что делать, если большинство наших магазинов сегодня для колясочников недоступно?

В дороге мы не раз говорили о своих детях — и в конце концов оказывалось, что проблемы, встающие перед инвалидами-родителями, конечно, осложнены или несколько переориентированы спецификой их физического состояния, но вообще-то переключаются с обычными семейными заботами и хлопотами, которые по мере взросления сыновей и дочек наполняются иным содержанием, обостряются или смягчаются и т. д. и т. п. Но в целом — наполняют жизнь смыслом. Опять же как в любой семье, где родители при здоровых руках и ногах. И здоровых детях.

А если ребенок болен? Если он обречен на инвалидность, только появившись на свет? Если стал жертвой коварной инфекции или катастрофы?

На маршруте марафона проблемы адаптации таких детей к жизни обсуждались горячо и заинтересованно. Снова и снова вспоминали группу для больных ребятишек в обычном детском саду города Александровска. А потом нам показали то же самое в Добрянке.

И подлинным открытием для многих стала в Березниках работа доктора Бронникова и его сподвижников.

В Березниках нам показали уникальное заведение — центр реабилитации для детей с отклонениями в развитии. Центр этот — детище главного врача, кандидата медицинских наук Владимира Анатольевича Бронникова. Здесь лечатся дети с двух месяцев и до восемнадцати лет, в основном с диагнозом ДЦП. Страшным диагнозом. Страшным — и становящимся все более популярным. В одних лишь Березниках сегодня проживает 150 детей, страдающих ДЦП. Центр пролечивает 600 человек в год, в том числе и областных, конечно.

Владимир Анатольевич показывает нам кабинеты, снабженные современной аппаратурой, и многочисленные тренажеры, развивающие и закрепляющие возможности ребенка-инвалида.

Собственно, центр этот нужно было назвать не центром реабилитации, а центром абилитации. Ведь не восстановить забытые, утраченные навыки, а сформировать их заново, вопреки матери-природе, сэкономившей на ребенке-инвалиде, пытаются здешние врачи. Абилитировать гораздо труднее, чем реабилитировать. И тем не менее эффективность методик, применяемых в центре доктора Бронникова, вдохновила и продолжает вдохновлять не одно материнское сердце.

— Помимо медико-педагогической коррекции, — рассказывает доктор Бронников, — мы решили заняться и социально-психологической помощью. То есть нас просто сама жизнь к этому толкает. Надо научить человека не только двигать ногами, но и зажигать газ, к примеру, или управляться с водопроводными кранами на кухне, уверенно чувствовать себя на перекрестке или в магазине.

Над воплощением этой идеи в центре доктора Бронникова трудятся сейчас не только медики-массажисты, но и инженеры, психологи, социальные работники. Общими усилиями они создают свой вариант систем адаптации ребенка в миру — с учетом его индивидуальных особенностей, особенностей семьи, в которой он живет. Они же помогают наилучшим образом обустроить стандартную квартиру, приспособить ближайшую среду обитания к возможностям ребенка.

— Вы знаете, — счастливо улыбнулся в заключение нашего разговора Владимир Анатольевич, — результаты вот такого широкого, а не узкомедицинского подхода меня самого порой удивляют. В этом году, например, один из наших давних пациентов, мальчик с болезнью Дауна, пошел в нормальную школу. Представляете?

Из центра Бронникова мы выходили, как из церкви, — очищенными и просветленными.

— Нет, — вдруг сказал негромко кто-то. — Не погибнет Россия. Никогда не погибнет, пока такие люди в ней живут.

Действительно, очень много могут сделать талантливые, неравнодушные люди для своего Отечества. А если точнее, для самых слабых в этом Отечестве — для его обделенных здоровьем детей.

Но для каждого такого ребенка его первое Отечество, его мир — семья. И от того, что делает для него семья, целиком зависит его будущее. Думая об этом, я вспоминала семью Зайцевых, которая сумела противопоставить горю рождения больного, обреченного на неподвижность малыша всю силу родительской любви и своей человеческой стойкости. Мама, Елена Евгеньевна, вовсе не походит на затравленную жизнью фанатичку, везущую непосильный воз. Вся в улыбчивых ямочках, она при каждой новой встрече поражает какой-нибудь неожиданной новостью, новым поворотом в судьбе семьи. Папа, Николай Григорьевич, сам спортсмен-разрядник, не ударился в глухое отчаяние, не утонул в депрессии, смирившись с недугом сына. С самой горькой из всех возможных бед они научились бороться достойно и толково.

Семья Зайцевых сегодня знакома многим благодаря публикации в пермской "Здравствуй!" и общероссийской "Надежде" — газетах для инвалидов.

В средствах массовой информации сейчас очень популярны "дайджесты" — подборки сокращенных материалов из других изданий. Вот такой дайджест из очерков моей коллеги Валентины Бреусенко я и хочу вам предложить, чтобы поближе познакомиться с Сашей Зайцевым и его родителями.

ПРИТЯЖЕНИЕ "СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЧИКА"

Из очерка в газете "Здравствуй!"

8 апреля 1998 года

Пять лет назад редакция газеты "Здравствуй!" познакомилась с семьей Зайцевых. Папа внес восьмилетнего Сашу в редакцию на руках. Из-за детского церебрального паралича все мышцы ребенка были стянуты, и суставы не распрямлялись. Выглядел он совсем маленьким и беспомощным. Между тем именно в его лице обрела "крестного отца" новая газетная рубрика для детей "Солнечный зайчик", ставшая весьма популярной у читателей. Здесь публикуются стихи, рассказы, задачи, придуманные самими детьми-инвалидами.

«Фамилия у нас такая...»

— Елена Евгеньевна, как же возник "Солнечный зайчик", почему он — солнечный и почему — зайчик?

— Саша у нас большой книгочей. Все, что попадает ему в руки, он читает от корки до корки. Так ему попала на глаза газета "Здравствуй!", которую мы получали практически с первых номеров. Через какое-то время сынишка стал рассуждать:

"Если я читаю газету, значит, ее читают и другие дети. Мальчики и девочки. А почему тогда здесь нет ничего для детей?" Я с ним согласилась. Почему бы маленький уголок в газете не отдать нашим деткам? Это предложение мы высказали в письме редактору газеты Галине Александровне Дубниковой. А потом встретились с ней лично. Она приняла нас, будто давно ждала: "Вас мне Бог послал!"

"Солнечный зайчик" был задуман как творческая мастерская для детей, в которой мы бы могли объединить все таланты. Под этой рубрикой печатаются стихи, сказки, рассказы, рисунки, кроссворды, конкурсные задания. Начался же наш "зайчик" с Сашиной сказки. Название вроде само собой придумалось. Фамилия наша Зайцевы. Отсюда и "зайчик", когда Сашина идея воплотилась в жизнь. А "солнечный" — потому что веселый и приходит к детям, чтобы согреть их душу и дать почувствовать радость жизни на свете. У каждого ребенка есть талант. Каждый одарен чем-то особенным, чем-то интересен другим. Только надо дать ему возможность пофантазировать, проявить себя. У "Солнечного зайчика" очень отзывчивая аудитория. На каждый выпуск всегда приходят отклики. Случалось, что мы получали до 30 писем в неделю.

Пишут не только из Перми, много ребяток из области. Даже из других городов страны иногда получаем отклики. И мы отвечаем на каждое письмо, каждому адресату.

— Елена Евгеньевна, а для вас самой "Солнечный зайчик" — не лишние хлопоты? Ведь семья, Саше приходится уделять больше времени — еще и "Зайчик"...

— Нет, хлопотами это вообще трудно назвать, когда очень любишь своего ребенка. Скорее, живая ниточка общения с другими людьми, духовная подпитка. Когда приходят письма — у нас целый праздник, стены квартиры как будто раздвигаются до горизонта. А это так важно для всех, кто, как Саня, ограничен в своем передвижении. Для нас и для них это способ общения.

Елена Евгеньевна вместе с мужем окончила в Перми художественное училище. Потом Московский университет искусств. Работала, как и муж, художником. Надо сказать, что стены в их квартире украшают лепные барельефы, выполненные главой семьи.

Первенец Саша появился на свет с родовой травмой и традиционным в таких случаях диагнозом-приговором: ДЦП. Елена Евгеньевна оставила работу. Через два года

родила вполне здоровую девочку. Назвали ее Ольгой. Чтобы обеспечить выросшую семью с ребенком-инвалидом, папе-художнику пришлось переучиваться на бизнесмена.

Наверное, это была судьба. Потому что в новом для себя качестве Николай Григорьевич познакомился в Перми с американским предпринимателем К. Даулингом. В его семье случилась такая же беда со старшей дочерью. Но после операции она стала передвигаться с помощью палочек. К. Даулинг обещал похлопотать за Сашу в американском госпитале, где оперировали его дочь. И слово свое сдержал. В августе 1997 года семья Зайцевых приехала в город Сент-Луис штата Миссури. Здесь в детском госпитале Вашингтонского университета Саше сделали операцию на позвоночнике. Оперировал его известный доктор Парк.

Двенадцать лет провел Саша на руках родителей или в инвалидной коляске. Теперь он сам может вставать на ноги. Три раза в неделю к Саше приходит тренер. И ежедневно с сыном занимается отец, помогая мальчику развивать мышцы и наращивать мускулы.

Папа в семье отвечает за физическое развитие детей, а мама — за духовную жизнь. И то, что она сделала и делает для сына, можно считать настоящим материнским подвигом.

Из районного Дома творчества в квартиру Зайцевых плавно перетек клуб "РИФ" ("Работа, игра, фантазия"). Пригласили ребятишек в гости к Саше, так сказать, для обмена творческими замыслами. Гостям понравились общение и обстановка: "Как у вас интересно!". После этого члены клуба стали собираться у Зайцевых по субботам. Только представьте себе, что в вашу квартиру вваливается ватага ребятни! Как минимум их нужно напоить чаем, потому что дети пришли из школы или из секций, а потом и убрать за всеми. Главное же — организовать увлекательное общение, занять чем-то головы и руки. Потом был открыт на дому клуб юных журналистов, собиравший до двадцати пяти человек сразу. На его занятиях дети знакомились с интересными людьми.

Когда я пришла к Зайцевым, вся редколлегия "Солнечного зайчика" была в сборе. Вместе стали разбирать пришедшие письма. Оля вытащила кипу рукописных журналов. Саша комментировал. Не забыл похвалить сестру, как главного "генератора идей" конкурсов "Солнечного зайчика". Оля хорошо рисует и сама придумала заставку для этой газетной рубрики. Тоже пишет стихи и сказки. И другими талантами Оля не обделена, как и родительским вниманием. Учится она в пятом классе седьмой английской школы. Саша занимается дома по учебной программе седьмого класса этой же школы. Он быстро форсирует то, к чему у него лежит сердце. В прошлом году закончил зоологию за 8-й класс. Сейчас по программе 8-го класса проходит химию. А по английскому языку уже заканчивает 11-й класс.

Оля сообщила, что вместе с братом сочинили стихотворение на английском, посвященное Президенту США Б. Клинтону.

Возле дивана, на котором мы устроились, лежит гора книг на русском и английском языках одного автора. Но на русских изданиях в написании его фамилии есть разночтения: Толкин и Толкиен. По этому поводу Саша меня и просвещает:

— Джон Толкин — английский писатель-фантаст. Только неграмотные переводчики переводят его фамилию как Толкиен.

— В таком случае приходится предположить, что ты владеешь английским языком в совершенстве?

— Да. Творчеством Джона Толкина уже полжизни занимаюсь. В подлиннике читаю его книги, которые еще не переведены на русский язык. У нас в стране много людей, которые считают себя фанатами Джона Толкина. Но, по существу, они его не знают. Даже те, кто считает себя взрослыми, до конца его не понимают. Я хочу им открыть этого писателя и показать, что их непонимание идет от несовершенства имеющихся переводов. Сейчас пишу научную работу о значении и роли мифологии в творчестве Толкина. И еще исследую влияние его творчества на душу человека.

Научный руководитель Саши Зайцева — преподаватель филологического факультета Пермского государственного педагогического университета Александр Витальевич Волков.

«Пускай в твоей библиотеке всегда будет новая книга»

Это эпикурейское пожелание для пиршества ума я мысленно адресую Саше, вспоминая наш разговор о книгах.

Мальчик самостоятельно научился читать в четыре года, что стало полной неожиданностью для родителей. Своей заслугой они могли считать разве что покупку кубиков с азбукой, когда их малышу исполнилось два года. Но как-то помимо их влияния любовь к чтению стала для Саши культом жизни. Лишенный возможности передвигаться, любознательный малыш таким образом познавал мир за окнами квартиры и по-своему приобщался к нему.

Вскоре он проявил интерес к английскому языку. По телевизионным передачам успешно одолел первую ступень обучения. После этого на дом стала ходить к Саше учительница английского языка.

В семь лет он был уже достаточно эрудирован для того, чтобы участвовать в самостоятельном клубном "Поле чудес". В предварительном туре худенького и маленького ростом мальчугана с сомнением спросили: "Ты хоть читать-то умеешь?". А он выиграл супер-игру. И одновременно пережил разочарование, которое помнит до сих пор.

— Это же высший закон подлости! Сначала спросили, что я хочу получить в подарок. Я ответил, что книги. После этого никак не мог понять, почему это мне вручили медведя, а другим книги!

Огромный плюшевый медведь жив-здоров до сих пор. Хотя Саша и смотрит на него косо, но все же это его трофей за интеллектуальную победу.

В доме сейчас столько книг, что с трудом находятся для них свободные ящики и полки. Тем не менее связь по линии "Книга — почтой" не прерывается. А выбор всегда предопределяет Саша. Как знаток со стажем, он не пропускает телевизионных передач о книжных новинках. Смотрит их, слушает и решает, что для него интересно и что пополнит домашнюю библиотеку. К слову, ею пользуются и друзья, и близкие знакомые Зайцевых. Сам Саша ни одну новинку не оставляет непрочитанной.

— Саша, тебе бывает когда-нибудь грустно?

— Да, когда наступают каникулы. Но это еще бы ладно. А вот когда в каникулы нечего почитать, это уж совсем!

— Кем бы ты хотел стать во взрослой жизни?

— Естественно, писателем, если получится. Или, что более реально для меня, писателем-переводчиком. Вообще-то я хотел бы стать и ученым, но это уже самое сложное. Хотя в идеале все три профессии вполне совместимы. Если удачно сложится, то я хотел бы в будущем совместить и первое, и второе, и третье.

«Главное — я живу»

— Елена Евгеньевна, вы верите в судьбу?

— Верю.

— Саша, а ты?

— Нет, не верю. Человек сам ее себе строит. Это в какой-то момент, когда он рождается, тогда, возможно, судьба и действует, каким ему появиться на свет. А дальше уже человек сам себя делает, сам свою судьбу устраивает. Неважно, в какой семье родился, бедной или богатой. От самого человека зависит, как он в жизни выкручивается из сложившихся обстоятельств. Просто не надо унывать и отчаиваться. И среди моих друзей нет нытиков.

— А если бы у тебя не было таких мамы и папы, как бы ты тогда сам выкручивался?

— Не знаю. Но решение, если его надо найти, само на ум приходит. Главное — я живу. А папа с мамой — мои помощники, которые помогают мне устраивать судьбу. Но это же естественно и элементарно для каждого человека, чтобы у него были любящие родители и надежные друзья.

— Когда-нибудь ты думал о том, что твоя мама, возможно, могла бы стать великой художницей?

— А стала великой мамой, — с улыбкой моментально отшутилась Елена Евгеньевна, не дожидаясь ответа сына.

Я ее шутку восприняла как озарение: "великая мама" — это важнее и значительней в жизни, чем все прочие великие творцы.

Елена Евгеньевна верит в судьбу. Думаю, что эта вера — именно в счастливую судьбу сына.

Не знаю, к чему, но сочиненное ее детьми стихотворение на английском вдруг заставило вспомнить, что один из президентов США, Рузвельт, был инвалидом-колясочником. Но это не мешало ему управлять огромной страной...

Прошел год и Валентина Бреусенко снова побывала в гостях у Зайцевых, потому что читатели газеты не переставали живо интересоваться судьбой Саши.

ПРИТЯЖЕНИЕ "СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЧИКА" - 2

Из очерка в газете "Здравствуй!"

5 апреля 1999 года

...Раздается телефонный звонок. Елена Евгеньевна помогает сыну встать с дивана и сопровождает к телефону, поддерживая под мышки.

Когда мы встречались год назад, Сане уже была сделана операция. Но год назад Елена Евгеньевна чуть не на руках принесла "солнечного зайчика" в эту комнату. Его ножки были закованы в брейсы — ортопедические аппараты на замках. А тут я вижу: он стоит на своих ногах!

— Что же вы сразу не сказали про главную новость?! — возмущаюсь и радуюсь одновременно. — Как же Саня встал на ноги?

— В какой-то день сломались брейсы... — начинает мама.

— И к лучшему, — опережает ее сын. — Говорят, что посуда ломается к счастью. Но не только она. К счастью для меня, сломались брейсы. В первый раз встать на ноги было очень тяжело. Очень трудно, боялся упасть. Чувствовал себя неуверенно и выглядел неуклюже.

— Видимо, всегда должен быть какой-то побудительный толчок к самостоятельным действиям, — соглашается с рассудительным чадом хозяйка дома. — Поначалу ноги подкашивались так, что Санька мог рухнуть в любой миг. Нам приходилось его постоянно страховать. Сейчас он ходит уверенно. Упирается руками в бокер — это такие ходунки — и передвигается по комнате. Был он у нас "ползунчик", а теперь — "кузнечик". Может ножку в коленке включать, управлять коленной чашечкой. Раньше его приходилось нам на закорках носить. Сейчас уже мне его не поднять. Под мышки поддерживаем и так гуляем.

Да и ростом парнишка вот-вот догонит маму.

— Как только встал на ноги, сразу пошел в рост, — подчеркивает эту особенность Елена Евгеньевна. — Вот какой он у нас вымахал! Пришлось весь гардероб обновлять.

Руки у Саньки тоже вытянулись, дотягиваются ими до самого верха дверного косяка. Лучше владеет пальчиками... И рукопожатие стало неожиданно крепким.

Все это он мне продемонстрировал и походил по комнате с бокером.

Более ровным и четким стал почерк. И голос тоже переменялся.

— Саша, как ты сам себя сейчас ощущаешь?

— С каждым преодолением набираюсь опыта. И становлюсь старше. Увереннее начинаю себя чувствовать. Это для меня очень важное чувство — уверенность в себе.

Сильнее стал. Дольше переносу и выдерживаю физические нагрузки. Можно сказать, что у меня есть личный рекорд. Могу сто пятьдесят раз присесть на табуретку и встать.

Ясно, что не зря папа старается и, несмотря на свою занятость, ежедневно тренирует сына. По признанию Сани, порой он пытается "бастовать" и даже устраивает отцу сцены. "Подсыпает перчика в нашу жизнь", — так это характеризует мама. Но Николай Григорьевич упорно, "по капле", выдирает своего первенца из его физической немощи.

— До операции у Сани не было никаких перспектив встать на ноги. Вообще никаких, — Елена Евгеньевна словно все еще боится спугнуть "птицу счастья". — И врачи в Перми были поражены, когда узнали, что он встал.

Есть у нашего героя новые достижения и в интеллектуальном плане. Он стал лауреатом областного конкурса учебно-исследовательских работ учащихся в рамках программы "Детство — равные возможности". Его исследование по культурологии "Мифологическое сознание в трилогии Дж. Т. Т. Толкина "Властелин колец" отмечено дипломом первой степени.

Выглядел самый юный победитель малышом в сравнении с другими участниками, все больше учащимися выпускных классов. Зайцев и был единственным семиклассником на столь серьезном конкурсе. С его дипломом можно после окончания школы поступать в пермские вузы вне конкурса.

Отмечен он и на конкурсе научно-исследовательских работ обучающихся в городском Дворце творчества юных: заслужил грамоту "За практическую значимость работы" по секции "Программирование" и сертификат — за разработку темы "Эпоха, мировоззрение, текст" по секции "К юбилею А. С. Пушкина". Оценка "за практическую значимость" не для красного словца. Это компьютерная программа, помогающая изучению в школе творчества поэта и его современников.

Еще одна грамота с грифом "Администрация Перми, общественные организации и объединения" — награда за второе место в первом заочном чемпионате по игре "Что, где, когда?". Таким образом Саня сразу заявил о себе и в качестве новоявленного члена городского интеллектуального клуба ЮС "Союз добровольцев".

Сейчас учится в восьмом классе. Больше десятка преподавателей приходят к нему на дом. Кроме школьных предметов, он занимается по программе дополнительного образования Дворца творчества юных.

По заданию учительницы географии Галины Васильевны Сорокиной Саня начал писать работу о штате Миссури и городе Сент-Луисе, где ему делал операцию доктор Парк. Вместе с историческими, географическими, научными изысканиями включил в нее и свои собственные наблюдения об том городе и общем укладе его современной жизни. Для написания этой работы использует первоисточники на английском языке.

А учительница английского языка Римма Борисовна Томасова, благодаря которой Саша привел в изумление американцев своим отлично поставленным произношением, озадачила его исследовательской разработкой темы с условным пока названием "Бог и Дьявол в англоязычной художественной литературе". Как замахивается сам четырнадцатилетний автор, это должен быть труд такого высокого уровня, чтобы его можно было защищать в университете. Апломба Сане не занимать.

Как я поняла, все, с кем судьба сводит семью Зайцевых, прикипают к ним душой. Не стали исключением не только врачи и переводчица детского госпиталя Вашингтонского университета, а даже жители Сент-Луиса, в котором Зайцевы пробыли три с половиной месяца в ожидании операции и после нее.

— Почему-то все с нами здороваются, все нам улыбаются, — вспоминает Елена Евгеньевна. — Дети, завидев Саньку, машут ему руками, окликают даже с противоположной стороны улицы. Мы каждый день ходили в госпиталь через одну и ту же автозаправку. И вскоре женщина, которая там всем командовала, приветствовала нас по мегафону на всю улицу. Были вообще удивительные истории. Подошел к нам прохожий и говорит: "Я тут постоянно проезжаю на машине и давно наблюдаю за вашим семейст-

вом. Работаю в кукольном театре и хочу пригласить вас сегодня на спектакль". Представляете, совершенно незнакомый человек! Мы, конечно, пришли, нас провели и усадили на почетные места. Накануне нашего отъезда домой в выпуске теленовостей показали сюжет из госпиталя и нашего Саньку вместе с врачами. А на следующий день в аэропорту нам поменяли билеты с эконом-класса на бизнес-класс!

— Подбежал дяденька, — по Сашиному голосу чувствуется, что ему тоже греют душу воспоминания, — и говорит: "Саша, мы тебя вчера по телевизору видели. Держи эти билеты, давай свои!" Еще мне летчик на плечи накинул свою летную куртку да так и подарил.

— Мы сначала не поняли, в чем дело. Но тут же нам объяснили, что администрация аэропорта решила проводить нас с почестями и сделать нам подарок. Билеты были на первый ряд бизнес-класса, и сидели мы там, как короли, — улыбается Елена Евгеньевна. — Теперь мы живем в ожидании доктора Парка, который оперировал Саню. Он обещал приехать в Пермь. Еще когда были у него на приеме, доктор сыну сказал: "Я к тебе приеду в гости. Собирай своих знакомых, и я, может быть, кому-нибудь даже помогу". Саня мне его слова даже переводить не стал, рукой махнул: "Да он шутит!" Оказывается, это вовсе не шутка. И врач-физиотерапевт госпиталя, которую мы звали нашей мамой Джоан, Саню постоянно поддразнивала: "Я к тебе приеду в Пермь, постучу в дверь. Ты меняпустишь? Я зайду и сразу тебя загипсую!" Она гипсовала Саньке ножки, а он эту процедуру весьма недолголюбивал. Джоан же все над ним подшучивала, что и в Перми его с гипсованием достанет.

Они и подумать не могли, что доктор Парк и Джоан в самом деле соберутся приехать вдвоем в Пермь.

В этом году Саша должен получить паспорт.

Предстоящее событие воспринимает философски:

— У нас ведь как? Без бумажки ты не человек. А с паспортом — сразу гражданин и зачем-то здесь нужен. Воспринимают тебя уже как личность. Хотя это не от возраста зависит: личность ты или нет. Возраст тут ни при чем... Меня, например, поразило то, что прародитель города Сент-Луиса, торговец пушниной, поставил во главе бригады взрослых строителей своего четырнадцатилетнего племянника. И под его руководством зрелые мужчины обустраивали будущий Сент-Луис. В четырнадцать лет — строить!..

Саня погружается в мысли, может быть, о своем предназначении.

Его жизненный марафон — только в самом начале. Путь предстоит долгий и, хочется верить, счастливый. Да и может ли быть иначе, если у человека такой характер, такие способности и такое трудолюбие? И такая "группа сопровождения", как самоотверженная и талантливая в своей любви семья.

ЗДРАСТЬЕ, ВЛАСТИ, ИЛИ ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

Раньше в газетах была такая рубрика: "По следам наших выступлений". Это значит, газета написала — меры приняты. Кому-то дали квартиру, кого-то сняли с начальнического кресла, кого-то, наоборот, восстановили на работе.

Марафон — не газетная статья. Но, оглядываясь на прошедшее, очень хочется подвести деловые итоги. Я вывожу на бумаге заглавными буквами "Что изменилось?" И делю лист на три части. Потому что мне важно учесть очень разные перемены. Первая — в отношениях с властями.

Знаете, они очень разные, эти самые власти на местах. И реакция их на "вторжение инвалидов в жизнь" была нескольких типов.

Самый распространенный вариант — вежливое удивление. Еще его можно назвать "этнографическим интересом". Порой складывалось впечатление, что первые лица города или района и впрямь прежде, до того, воспринимали инвалидов лишь как теоретический объект попечений и забот. Столкнувшись же с людьми на колясках воочию, они зачастую просто терялись, не зная, как себя вести. Но во многих побеждал непосредственный человеческий интерес к иной жизни, к иному миру. Этому, кстати, способствовал простой тест: мэрам городов предлагали сесть в инвалидную коляску и поехать на ней. Помню, Горнозаводск был единственным пунктом на всем пути нашего следования, где глава администрации города Леонид Николаевич Сафонов согласился это сделать. Задание было элементарное: проехать несколько метров до входа в ДК, где проходил "круглый стол", и добраться до зала заседаний.

И сразу стали очевидны все непроезжие места и непреодолимые порожки. И стало заметно, как неудобно сконструированы дверные ручки (да и сами двери). И выключатели. И т. д.

Говорят, что в Англии именно так в свое время разворачивали представителей власти лицом к проблемам инвалидов. И делали это, кстати, журналисты. Общество инвалидов предложило мэру одного из городов провести его рабочий день — всего лишь один день! — в инвалидной коляске. Дотошные фоторепортеры фиксировали каждый его шаг. Потом об этом появился большой репортаж в местной газете. Со снимками — курьезными и печальными...

Англичане уверяют: прием оказался очень действенным. У нас, к сожалению, далеко не все главы городских администраций демонстрировали "западный" подход к делу.

Нередко проявлялась другая позиция — активное обещание.

Помню, в одном из городов в актовом зале гигантского Дворца культуры, пользуясь случаем встретиться с представителями администрации, собрались все, кто когда-то безуспешно пытался попасть к ним на прием. И теперь густым потоком лились частные просьбы и жалобы.

Энергичный, импозантный глава никому не отказывал. «Приходи, и тебе дам (построю, вставлю, подпишу)», — примерно так звучал его ответ на все вопросы местной публики.

В конце концов марафонцы не выдержали:

— Это же невозможно! Не вы лично должны эти случаи разбирать — ваше дело создать систему, работающую систему, при которой таких жалоб просто не будет.

И вот здесь разговор пошел гораздо трудней. Оказалось, треть инвалидов-опорников, проживающих в городе, не имеет колясок. А немолодые сестры-инвалиды жаловались на то, что много лет просили сделать пандус у подъезда. В конце концов его соорудили, но такой неудобный, что въехать по нему в подъезд практически невозможно...

— Вот все у нас так! — сокрушались марафонцы. — Сделают — и вроде отчитаются, что молодцы, но лучше бы и не делали.

Но все-таки, думается, и такие встречи были не напрасны.

А самой приятной реакцией властей была реакция по типу "Я и не подозревал, что вы нормальные люди". Такую фразу никто из городских руководителей вслух, конечно же, не произносил. Но она определенно читалась на их лицах.

Помню, как в Березниках по настрою мэра Александра Николаевича Мошкина было видно: он пришел "отработать", "отпредставить" очередное мероприятие. Приятно, конечно, что сам выбрался, а не только замов-специалистов прислал. Но все-таки...

Однако первые же выступления марафонцев убедили: попредставить Александру Николаевичу не удастся. Он включился в разговор. Живо включился — да так, что вместо запланированных полутора часов разговор продолжался три с половиной.

— Чтобы всерьез, а не для показухи решить те проблемы, о которых вы говорите, надо перестраивать все городское хозяйство, — говорил он, — но для этого необходим программный подход. Необходимо, чтобы в обществе инвалидов были грамотные чиновники. Да, чиновники! Не просто душевные, способные посочувствовать чужому (или своему) горю люди, а специалисты, с которыми мои сотрудники могли бы сесть и, разговаривая на одном языке, распределить финансовые потоки. Нуждающихся сегодня очень много — это и учителя, и медики, и коммунальщики. И если сегодня, скажем, поставить березниковским властям оценку, как они, эти власти, работают с людьми ограниченных возможностей, наверное, будет "два с минусом". Но это не значит, что сейчас надо все бросить и заняться именно проблемами инвалидов. Моя задача как мэра — выработать механизм решения финансовых проблем.

— Правильно понимаете, — соглашались марафонцы. И улыбались лукаво — ведь для них-то главным психологическим итогом этой встречи можно считать такой: Мошкин увидел в лице инвалидов партнеров. Не убогих просителей, не объект социальной помощи, а собеседников, с которыми необходимо говорить на одном языке, на равных обсуждать равно волнующие всех проблемы. Достойных собеседников, одним словом.

Не зря же месяца через два после этого "круглого стола" мэр Березников сам пришел в гости в общество инвалидов ("Господи! — изумилась председатель. — До марафона я полгода не могла к нему на прием попасть. А тут — сам пришел, делами нашими интересуется. Проняло, значит".)

Выходит, так.

И те перемены в отношениях к проблемам инвалидов, что произошли позже на всех этажах областной власти, опираются именно на такую реакцию.

Что же произошло?

Состоялся координационный совет при вице-губернаторе области, итогом которого стало постановление губернатора по созданию безбарьерной среды для инвалидов Прикамья.

Прокуратура Пермской области на своей коллегии рассмотрела вопрос об исполнении Федерального Закона "О социальной защите инвалидов" и выдала предписания районным прокурорам ужесточить контроль за исполнением этого закона. В районных обществах поговаривают о том, что не худо бы обращаться в суд с исками о неисполнении закона.

Перемены, инициированные марафоном, коснулись не только властей. Они коснулись и самих инвалидов. И марафонцев, и их товарищей по несчастью.

Леночку Габаеву устроили на работу: она психолог в своем Боровске. Володя Механов — собственными усилиями, чуть ли не в одиночку — организовал у себя в Нытве такой же "круглый стол", какие проводили марафонцы на своем пути.

Инвалиды, члены ВОИ, из южных районов Прикамья, вдохновленные опытом "северных" соседей и слегка задетые тем обстоятельством, что их вроде как обошли вниманием, устроили свой собственный марафон-агитпробег. На этот раз — на машинах с ручным управлением.

Гриша Вотинов всерьез настроился на создание клуба инвалидов-автолюбителей.

Ну, а в школах Перми и области начались "Уроки доброты". Ведут их молодые члены ВОИ. Раз в неделю в каждом классе проходит занятие, посвященное пониманию проблем инвалидности.

И еще, я думаю, изменились мы сами, прикоснувшиеся к чужим судьбам. Помните, как сказала волонтерка Оля Волкова на одной из встреч, состоявшейся после марафона? "Мы сейчас с ребятами, когда по городу ходим, все ступеньки считаем, все порожки учитываем"...

Правление областной организации ВОИ вместе со студентами-волонтерами и молодыми социологами университета разработало специальную анкету. В Перми проводится социологическое исследование по изучению безбарьерной среды. Результатом его станет карта "Пермь — город для всех", где будут отмечены все общественно значимые места, доступные для посещения инвалиду-колясочнику.

Наш мир един

У дегустаторов вин есть такой термин — послевкусие. Это когда глоток сделан, а ощущение от него еще держится во рту. Память вкуса. Почему-то эту память дегустаторы выделяют особо. Бывает, наверное, так, что вкус замечательный, а послевкусие — бр-р... И чем приятнее и дольше это самое послевкусие, тем благороднее и выше качество напитка. Тем больше он ценится.

Короче, если хочешь познать истинную цену случившемуся, прислушайся к его послевкусию. Какую память оставило оно по себе?

Из марафона на инвалидных колясках я вернулась другим человеком.

— Тебя будто подменили, — улыбались знакомые. — Ты чего такая счастливая-то? Прямо светишься вся!

Я пыталась что-то объяснить и с удивлением обнаруживала: да, эти две недели были прожиты так, как никакие другие в моей жизни. Они были наполнены счастьем. Счастьем? Попробуем разобраться.

Несколько лет назад мне довелось посетить в составе пермской делегации г. Оксфорд в Великобритании. Помню, тогда я просто обалдела от восторга.

Сегодня, анализируя и сортируя свои впечатления, отчетливо понимаю: по силе эмоций, количеству открытий, по степени интересности то и другое путешествия мало того, что вполне сопоставимы. Марафон-то еще, пожалуй, посильнее английского турне будет.

Странно? Удивительно? А ничего удивительного. Путешествие — это ведь что? Знакомство, узнавание. Иной страны, иного уклада жизни, иных нравов, обычаев, традиций, иной психологии, иной культуры.

Про страну Байрона и Диккенса, Моэма и Голсуорси я читала достаточно много. Плюс "Корни дуба" Всеволода Овчинникова, плюс "Понять британцев" Карен Хьюитт...

Страна под названием "Инвалидия" была известна мне гораздо меньше. А ведь здесь тоже свой уклад, свои нравы, свои обычаи и культурные традиции... Одна лишь разница: обитатели этой таинственной страны говорят с тобой на одном языке. Тонкости душевных переживаний им не надо объяснять жестами или извиняющимися улыбками: "Как это будет по-русски?"

Может быть, оттого мне в марафоне и было интереснее, чем в Оксфорде?

То, что я увидела в Англии, радовало узнаванием: надо же, все правда, все так и есть, как ожидалось.

То, что я узнала в марафоне, заставило по-иному увидеть собственную страну, свой мир, себя саму. Увидеть — и удивиться, порой ужаснуться, испугаться, растрогаться до слез, а главное — восхититься. Страна Инвалидия, как еще не затонувшая (или поднывавшая со дна?) Атлантида, одарила сокровищами и поразила ощущением зыбкости

границ между "нашим" и "их" мирами. И внушила простую мысль, простую и важную, как все прописные истины: чтобы мир был ясен и гармоничен, надо знать друг друга. Знать, уважать и уметь сосуществовать, не унижая соседских прав. Потому что иного, раздельного существования просто не может быть.

Издательский центр «Здравствуй» благодарит за помощь в выпуске этой книги администрации городов Березники, Кунгур, Кизел, Соликамск, Горнозаводск, а также учеников и учителей школы № 2 г. Перми и лично заместителя губернатора Пермской области Г. П. Тушнолобова; заместителя председателя областного комитета соцзащиты населения З. П. Замараеву, директора Краснокамской фабрики «Гознак» А. И. Лукашина.

Штраус Ольга Леонидовна
ДОРОГИ. ПОРОГИ. ДИАЛОГИ:
ВОСПОМИНАНИЯ О МАРАФОНЕ. НЕ ТОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЯ.
И НЕ ТОЛЬКО О МАРАФОНЕ

Фотографии М. Загуляева, А. Лебединского и из архива РИЦ «Здравствуй»

Ответственная за выпуск *Г. Дубникова* Редактор *А. Зебзеева* Художественный редактор *С. Можяева* Оператор компьютерной верстки *В. Роткин* Корректор *И. Тетерина*

Подписано в печать 08.07.99. Формат 70х90^{1/32} Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19. Тираж 3000 экз. Заказ № 2781.

РИЦ «Здравствуй». 614600, Пермь, ул. Дружбы, 34, оф. 206. ГУП ИПК «Звезда». 614600, Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Штраус О. Л. Дороги. Пороги. Диалоги: Воспоминания о марафоне. Не только воспоминания. И не только о марафоне. — Пермь: РИЦ «Здравствуй», 1999.—224 с.

ISBN № 5-86987-016-X

Летом 1998 года через двенадцать городов и районов Прикамья прошел 900-километровый маршрут марафона инвалидов-колясочников. Марафон был задуман и проведен правлением Пермской областной общественной организации ВОИ. Журналистка Ольга Штраус пережила свое участие в группе сопровождения марафона как глубоко личное событие. Дороги марафона помогли ей осознать, что мир здоровых людей и мир тех, чьи физические возможности ограничены, един, и отношения надо строить на сердечном диалоге, на взаимном желании понять друг друга и помочь слабому. Обо всем этом — книга «Дороги. Пороги. Диалоги».